

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

РОССИЙСКО-АЗИАТСКИЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2020 • № 2

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Главный редактор

Васильев Антон Александрович, директор Юридического института Алтайского государственного университета, доктор юридических наук

Заместители главного редактора

Аничкин Евгений Сергеевич, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета, доктор юридических наук

Ибрагимов Жамаладэн Ибрагимович, декан юридического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук

Редакционный совет:

12.00.01

Шпопер Дариуш (Слупск, Польша)

Стоилов Янаки (София, Болгария)

Сорокин Виталий Викторович (Барнаул, Россия)

12.00.02

Матаева Майгуль Хафизовна (Семей, Казахстан)

Невинский Валерий Валентинович (Москва, Россия)

Остапович Игорь Юрьевич (Екатеринбург, Россия)

12.00.03

Золотухин Алексей Валерьевич (Душанбе, Таджикистан)

Кузьмина Ирина Дмитриевна (Красноярск, Россия)

Лисица Валерий Николаевич (Новосибирск, Россия)

Носиров Хуршед Толибович (Душанбе, Таджикистан)

12.00.08

Детков Алексей Петрович (Барнаул, Россия)

Землюков Сергей Валентинович (Барнаул, Россия)

Плохова Валентина Ивановна (Барнаул, Россия)

Рахимбердин Куат Хажумуханович (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Байдельдинов Даулет Лаикович (Казань, Россия)

12.00.09

Тугельбаева Бермета Галиевна (Бишкек, Киргизия)

Андреева Ольга Ивановна (Томск, Россия)

Бертовский Лев Владимирович (Москва, Россия)

Чечетин Андрей Евгеньевич (Москва, Россия)

12.00.10

Борубашов Бекбосун Ишенбекович (Бишкек, Киргизия)

Лазутин Лев Александрович (Екатеринбург, Россия)

Толстых Владислав Леонидович (Новосибирск, Россия)

12.00.12

Давыдов Сергей Иванович (Барнаул, Россия)

Лебедев Николай Юрьевич (Новосибирск, Россия)

Ханов Талгат Ахматиевич (Караганда, Казахстан)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 34.01
ББК 67.0

ХАРАКТЕР СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ПРАВОВОГО ИДЕАЛИЗМА

Г. Н. Аксенова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Проблема правового нигилизма и идеализма как искажения российского правосознания не теряет своей актуальности. Корни правового нигилизма в России уходят в ее историческое прошлое. В данной статье будут рассмотрены причины нигилизма и идеализма, характер соотношения нигилизма и идеализма. Рассмотрены вопросы правовой культуры России, которая, как и в большинстве стран, зависит прежде всего от уровня развития правового сознания населения, уровня развития правовой деятельности и уровня развития всей системы юридических актов. Анализ правовой культуры, который был сделан в данной статье, необходим для того чтобы сначала выделить и описать правовые ценности, идеалы и образцы, к которым следует стремиться законодателю, правоприменителю, гражданину и обществу в целом, а затем, оценив с этой точки зрения реальное состояние дел, а также формы искажения правосознания в виде правового нигилизма и идеализма, искать пути и средства достижения намеченных идеалов построения правового государства и общества.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правосознание, правовая культура, отрицание ценности права, правовое воспитание, правовое поведение.

THE NATURE OF THE CORRELATION BETWEEN LEGAL NIHILISM AND LEGAL IDEALISM

G. N. Aksenova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The problem of legal nihilism and idealism as a distortion of the Russian legal consciousness does not lose its relevance. The roots of legal nihilism in Russia go back to its historical past. This article will examine the causes of nihilism and idealism, the nature of the relationship between nihilism and idealism. The questions of legal culture of Russia, which, as in most countries, depends primarily on the level of development of legal consciousness of the population, the level of development of legal activity and the level of development of the entire system of legal acts, are considered. Analysis of legal culture, which was made in this article, necessary to first identify and describe the legal values, ideals, and patterns to be pursued, legislators, enforcers, citizen and society in General, and then, evaluating from this point of view the real state of Affairs and forms of distortion of legal consciousness in the form of legal nihilism and idealism to seek ways and means of achieving the ideals of rule of law and society.

Keywords: legal nihilism, legal awareness, legal culture, denial of the value of law, legal education, legal behavior.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.1)

Для анализа правового нигилизма и идеализма следует сначала дать определение «правовой культуре» в целом. Под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека [1, с. 213].

Понимание права преломляется через призму личных качеств и взглядов индивида, иными словами, через сознание. Сознание является формой психического отражения действительности, в том числе и права. В результате взаимодействия права и сознания формируется особая форма общественного сознания, именуемая в юридической науке правосознанием. В литературе под правосознанием понимается «совокупность взглядов, в которых выражается отношение людей о своих правах и обязанностях, о правомерности или неправомерности того или иного поведения» [2, с. 40].

И. А. Ильин рассматривал правосознание в качестве более значительного феномена, чем само право. Это понятие в работах ученого обозначает некий рационально-волевой акт, соединяющий как психологически-аффективный аспект, так и онтологически-правовой. Правосознание понимается Ильиным как «естественное чувство права и правоты», как «особая духовная настроенность инстинкта», как «особого рода инстинктивное правочувствие» — как некая универсалия, имеющая и формально-юридическое, и естественно-правовое измерение. Правосознание не тождественно «законосознанию» и не сводится к правильному усвоению гражданами норм позитивного права [3, с. 59]. Он подчеркивал, что человек без правосознания будет жить собственным произволом и терпеть произвол от других.

От уровня, качества, характера, содержания правосознания в значительной степени зависит то, каким будет поведение человека в обществе — правомерным, социально полезным или неправомерным, социально вредным и опасным.

Правовой нигилизм. Нигилизм вообще (в переводе с лат. — «отрицание») выражает негативное отношение субъекта (группы, класса) к определенным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, отдельным, а подчас и всем сторонам человеческого бытия. Это одна из форм мироощущения и социального поведения. Нигилизм как течение общественной мысли зародился давно, но наибольшее распространение получил в прошлом столетии, главным образом в Западной Европе и в России. Он был связан с такими философами леворадикального направления, как Якоби, Прудон, Ницше, Штирнер, Хайдеггер, Бакунин, Кропоткин и др.

Нигилизм многолик, он может быть нравственным, правовым, политическим, идеологическим, религиозным и т. д., в зависимости от того, какие ценности отрицаются. Правовой нигилизм — это элемент общественного сознания, проявляющийся в безразличном, недоверчивом, пренебрежительном отношении к праву, закону, законности, государству, его символам либо даже полном отрицании их социальной ценности [4, с. 531].

В научной литературе есть мнения, что нигилизм следует отличать от критики права и правового негативизма.

Правовой нигилизм есть отрицание прогрессивных идей, норм, правовых идеалов и ценностей; критика же направлена на отрицание ложных норм, идей, консервативных правовых привычек, установок, несовершенных юридических институтов. Различие усматривается и в их результатах (последствиях). Если правовой нигилизм подрывает правовые устои общества, является тормозом прогрессивного правового развития, то конструктивная критика есть условие совершенствования правовой системы, фактор социально-правового прогресса» [5, с. 3]. Чтобы критика, и прежде всего исходящая от юристов, не превратилась в свою противоположность — голое отрицание, она должна быть компетентной, конструктивной и конкретной.

Правовой нигилизм связан с отрицанием социальной ценности права как таковой, а при правовом негативизме правонарушитель осознает ценность правового регулирования для общества, но его личные интересы в данный момент расходятся с общественными [3, с. 67].

Одним из ключевых моментов в правовом нигилизме выступает надменно-пренебрежительное, высокомерное, снисходительно-скептическое восприятие права, оценка его не как базовой, фундаментальной идеи, а как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей, что, в свою очередь, характеризует меру цивилизованности общества, состояние его духа, умонастроений, социальных чувств, привычек. Отношение к праву может быть просто индифферентным (безразличным), что тоже свидетельствует о неразвитом правовом сознании людей. Сказывается отсутствие должного правового опыта, навыков, грамотности.

Играет свою негативную роль и простое незнание права. Актуально звучат слова И. А. Ильина о том, что «народ, не знающий своей страны, ведет внеправовую жизнь или довольствуется ... неустойчивыми зачатками права...» Народу необходимо и достойно знать законы, это входит в состав правовой жизни. Поэтому нелеп и опасен такой порядок, при котором народу недоступно знание права... Человеку, как существу духовному, невозможно жить на земле вне права» [6, с. 23].

В научной литературе существует интересная позиция на тему сущности правового нигилизма. В частности, В. Г. Сафонов в своей статье «Правовой нигилизм — показатель, отражение, своего рода лакмусовая бумажка реального качества нормотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности. Это своего рода обратная связь, оценка населением работы властных органов, их реальных действий [7, с. 65]. Таким образом, автор приходит к выводу, что нигилизм вскрывает слабости права и тем самым стимулирует его развитие, приближает закон к общественным потребностям.

Использование поуровневого подхода к рассматриваемой проблеме позволяет выявить определенные уровни правового нигилизма: общесоциальный; отдельных социальных структур — государственных и негосударственных, формальных и неформальных; отдельной личности. Распространение нигилизма на общесоциальном уровне означает, что государство, как управляющая система в обществе, пренебрегает правом либо пользуется его исключительно как средство подавления индивидуальной воли. При такой ситуации население вслед отвергает право как социально ценностный институт. Будучи взаимосвязанными между собой, каждый из уровней вместе с тем имеет относительно автономное значение.

В. А. Туманов разделяет правовой нигилизм: 1) на высоком этаже общественного сознания (в виде идеологических течений и теоретических доктрин, например: анархизм, левый радикализм и др.; 2) на уровне обыденного, массового сознания. Проявляется в форме отрицательных установок, стойких предубеждений и стереотипов. Сфера обитания — массовое сознание, социальная психология. Обыденный правовой нигилизм далеко не всегда обусловлен низким общекультурным и образовательным уровнем. К сожалению, он достаточно широко распространен в среде технической, научной, творческой интеллигенции; 3) ведомственный. Проявляется в том, что нередко подзаконные акты становятся «надзаконными», юридические нормы не стыкуются, возникают острейшие коллизии. Сфера обитания — административно-командная управленческая система [8, с. 20–27].

Правовой нигилизм — полиструктурное образование, его проявления можно рассматривать на различных участках правовой действительности: в правовой идеологии он находит отражение в доктринах, течениях, идеях и представлениях; в правовой психологии выступает в форме своеобразных позиций, установок, стереотипов [5, с. 4].

Р. Н. Донченко выделяет некоторые общие, наиболее характерные черты современного правового нигилизма, а именно:

«Во-первых, его подчеркнуто демонстративный, конфронтационно-агрессивный и неконтролируемый характер, что обоснованно квалифицируется общественным мнением как беспредел или запредельность;

во-вторых, массовость, широкая распространенность не только среди граждан, социальных и профессиональных групп, слоев, но и в официальных государственных структурах, законодательных, исполнительных и правоохранительных эшелонах власти;

в-третьих, многообразие форм проявления — от криминальных до легальных (легитимных) от парламентско-конституционных до митингово-охлократических, от «верхушечных», «элитарных» до бытовых;

в-четвертых, особая степень разрушительности, оппозиционная и популистская направленность, регионально-национальная окраска, переходящая в сепаратизм и автаркизм;

в-пятых, слияние с государственным, политическим, нравственным, духовным, экономическим, религиозным нигилизмом, образующими вместе единый деструктивный процесс;

в-шестых, связь с негативизмом — более широким течением, захлестнувшим в последние годы сначала советское, а затем российское общество в ходе демонтажа старой и создания новой системы, сменой образа жизни» [9, с. 17].

Н. И. Матузов выделяет следующие формы выражения правового нигилизма:

1. Прежде всего, это прямые нарушения действующих законов и иных правовых актов (умышленные либо непреднамеренные).

2. Повсеместное и массовое неисполнение (несоблюдение) юридических предписаний, когда субъекты (граждане, должностные лица, государственные органы, общественные организации) попросту не соотносят свое поведение с требованиями правовых норм, а стремятся жить и действовать по «своим правилам».

3. Издание противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих актов, которые как бы нейтрализуют друг друга, растрачивая понапрасну свою силу.

4. Подмена законности политической, идеологической или прагматической целесообразностью, выходы на неправовое поле деятельности, стремление различных общественных сил реализовать свои интересы вне конституционных рамок.

5. Нарушение или несоблюдение прав человека, особенно таких как право на жизнь, честь, достоинство, имущество, безопасность [10, с. 8–10].

Причины возникновения правового нигилизма. Причинами возникновения нигилизма могут являться неудовлетворенность субъекта своим социально-правовым статусом, неадекватным, по его мнению, собственным возможностям; изъяны в следственно-прокурорской и судебной практике. Еще классики утверждали: есть два способа разложить нацию — наказывать невиновных и не наказывать виновных. У нас допускается и то, и другое. Устранение этих уклонов — один из путей формирования высокой правовой культуры общества, чувства законности и справедливости.

Правовой нигилизм возникает как следствие несовершенства права, его инструментария, дисгармонии социальных предпочтений, государственной реализации права, существующего правопорядка в обществе [7, с. 67].

Иным основанием возникновения правового нигилизма является пассивная альтернативность права — существуют целые блоки юридических норм и институтов, которые фактически мертвы, частота обращения к ним граждан мала. Существует модель «хочешь воспользоваться своим правом — воспользуйся, не хочешь — не пользуйся». Представляется необходимым создать такие условия, чтобы человек хотел пользоваться своими правами. Основной блок причин правового нигилизма находится в правовой политике. Главной причиной проявления и существования правового нигилизма является дисбаланс между тем, какие сферы право действительно должно охватывать.

Правовой нигилизм заложен в самом процессе правовой социализации в результате противоречия между процессом индивидуализации личности и необходимостью подчиниться социализирующим факторам, и в первую очередь праву [11, с. 61]. Так же причиной правового нигилизма является знание человеком того, что законы могут не исполняться. Если за правонарушение не последовало наказания, то вера человека в действенность закона значительно снижается, доходя порой до крайности — правового нигилизма [12, с. 40].

Правовой идеализм. В. И. Гойман раскрывает понятие правового идеализма как «гипертрофированное (возведенное в абсолют) понимание роли юридических средств в осуществлении социально-экономических, политических и иных задач без учета их реальных возможностей» [5, с. 4].

Правовой идеализм является синонимичным понятиям «правовой романтизм» и «юридический фетишизм».

Термин «идеализм» употребляется здесь не в сугубо философском смысле (определенное мировоззрение), а в значении слов «идеализация», «идеалист», «идеальный», под которыми обычно подразумеваются отрыв от действительности, наивность, непрактичность, прекраснотушные мечтания о прекрасном, совершенном, но нереальном. Подобного рода идеализм так или иначе проявляется во всех сферах жизни общества, в том числе правовой, что и дает основание называть его правовым.

Это явление сопровождает человеческую цивилизацию практически на всем пути ее развития. Так, еще Платон наивно считал, что главным средством осуществления его замыслов строительства

идеального государства будут идеальные законы, принимаемые мудрыми правителями. В эпоху Просвещения считалось достаточным, уничтожив старые законы, принять новые, и царство разума будет достигнуто. Удивительно, что еще и сегодня многие люди и даже политики ошибочно возлагают на закон слишком большие надежды в деле переустройства нашего общества.

Известно, что в коммунистические времена излюбленным методом руководства «широкими трудящимися массами» было провозглашение громких политических лозунгов и починов, принятие «исторических», «судьбоносных», «эпохальных» решений и постановлений о дальнейшем развитии, повышении, усилении, укреплении чего-либо. Насаждался своего рода культ всевозможных пятилетних и более отдаленных планов и программ. Однако действительность быстро разрушала эти эфемерные храмы и возвращала в мир суровых реальностей. Распространению юридического идеализма способствовало и то, что у нас долгое время преобладал чисто прагматический подход к праву (орудие, инструмент, средство, рычаг и т. д.). Его не рассматривали как социальную и культурную ценность, гуманистическую идею, институт демократии. В соответствии с этим на право взваливали «неподъемный груз», возлагали слишком большие надежды, которые в дальнейшем не оправдывались [13, с. 42].

Инерция политического и правового идеализма была затем продолжена и даже в известной мере усилена форсированными, но бессистемными планами «перестройки» страны во второй половине 80-х годов. Одним из печальных примеров юридического идеализма и крайнего субъективизма может служить так называемое «антиалкогольное законодательство».

Столь же сумбурными, во многом авантюрными были многие проекты мгновенного преобразования России в 90-х гг. минувшего века, т. е. уже в период реформации. Как и раньше, принимаются законы, указы, постановления или отдельные юридические нормы, которые заведомо невыполнимы, а отражают лишь стремление их авторов бежать «вперед паровоза».

Близкими к понятию правового идеализма являются понятия правовая демагогия и правовые иллюзии.

Правовая демагогия — особый вид социальной демагогии, состоящий в общественно опасном, намеренном, обманном, конфликтном, внешне эффектным воздействии отдельного лица либо различных объединений граждан (иностранцев) на чувства, знания, действия доверяющих им людей посредством различных форм ложного одностороннего либо грубо извращенного представления правовой действительности для достижения собственных порочных корыстных целей, обычно скрывааемых под видом пользы народу и благосостояния государству [14, с. 317]. Правовой идеализм же, по нашему мнению, в большинстве своем заключает в себе идеалистические намерения людей, которые искренне верят во всемогущество принимаемого закона, новых реформ.

Правовые (или юридические) иллюзии, под которыми подразумеваются необоснованные надежды, несбыточные мечты, желания, по сути, являются одной из форм проявления правового идеализма.

К сожалению, элементы идеализма укоренились не только в законотворчестве — они наблюдаются в своеобразных формах и в правоприменительной практике. Например, один из районных судов Бурятии обязал двух поджигателей леса (по неосторожности) возместить причиненный государству материальный ущерб в размере свыше миллиарда рублей с каждого. Поджигатели — безработные, по сути — бомжи. Особенно опасен идеализм в большой политике, где он неизбежно приводит к серьезным последствиям.

Правовой романтизм может проявляться в формах правового негативизма — осознанного игнорирования правовых норм ввиду соблюдения новых правовых идей, пока не закрепленных в нормативно-правовых актах, и правовом инфантилизме, представляющем собой несформированность и пробельность правовых представлений применительно к новым правовым условиям [3, с. 68]. Н. И. Матузов опровергает эту точку зрения, говоря, что нарушение действующих юридических норм ввиду пока не оформленных «новых правовых идей» это не правовой идеализм, а правовой нигилизм [13, с. 49].

Интересной мы находим точку зрения В. В. Сорокина о том, что в некоторых случаях правовой идеализм является положительным явлением. Так, он утверждает, что «декларирование правовых идеалов можно признать допустимым в переходный период вариантом правового идеализма. Умеренный правовой романтизм поддерживает уважение к праву и правовой системе в целом, раскры-

вает резервы творческой активности субъектов правовой деятельности. И тогда правовые явления, казавшиеся недостижимыми, могут стать реальностью.

И все же на право нельзя возлагать несбыточные надежды — оно не всемогуще. Наивно требовать от него больше, чем оно заведомо может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из объективных возможностей данного института. Законы сами по себе не могут накормить, одеть, обуть людей, улучшить их благосостояние, они могут лишь способствовать либо не способствовать этому.

Закон, как известно, есть официальное признание факта, и не более того. Право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества. И это тоже идеализм, ибо законодатели, исходя из своих высоких целей, идей, принимают и принимают законы, заведомо зная, что многие из них не достигают конечных результатов. Правовое самообольщение опасно, ибо оно порождает беспочвенные, несбыточные надежды, убаюкивает общество. Попытки «пришпорить» общественный прогресс с помощью одних только законов, как правило, заканчивались конфузом.

Таким образом, правовой идеализм представляет собой гипертрофированное понимание роли юридических средств в осуществлении социально-экономических, политических и иных задач без учета их реальных возможностей. Он проявляется в конвейерном печатании законодательных актов без учета реалий общественных отношений.

Характер соотношения правового нигилизма и правового идеализма. Правовой нигилизм и правовой идеализм питаются одними корнями — юридическим невежеством, незрелым правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры. Указанные крайности, несмотря на их противоположную направленность, в конечном счете, смыкаются и образуют как бы «удвоенное» общее зло.

В. А. Туманов делает вывод, что в числе факторов, порождающих правовой нигилизм, может оказаться и само действующее право в сочетании с законодательными иллюзиями, т. е. представлениями о том, что достаточно принять «хороший закон», и тотчас в регламентируемых им сферах все будет налажено. Однако в реальной жизни дело обстоит сложнее, и закон нередко вынужден перед ней отступить. Тогда законодательная иллюзия в обыденном сознании зачастую сменяется неоправданным разочарованием в отношении права вообще.

Время от времени в России объявляют «беспощадную войну» преступности и коррупции, хотя никакие решительные меры не предусматриваются, тем более что отсутствует материальная основа для их реализации, хотя просветительская работа в этом направлении по-прежнему ведется. Как представляется, при принятии данной программы законодатель то ли не знал, что она не будет исполняться, то ли специально преследовал определенную цель — показать значимость закона для народа. В данном случае можно говорить о парадоксе: народ не одобряет законы и одновременно ждет от них улучшения той или иной ситуации. Таким образом, можно сделать следующий вывод: правовой нигилизм и правовой идеализм — «два полюса» одного явления, которое отражает российский менталитет.

Хотя внешне правовой идеализм менее заметен, не так бросается в глаза (во всяком случае, о нем почти не говорят, он не на слуху), явление это причиняет такой же вред государству, обществу, как и правовой нигилизм. Он крайне деструктивен своими последствиями. Осознается это, как правило, потом, когда итог становится очевидным. Поэтому, борясь с правовым нигилизмом, не следует впадать в другую крайность — правовой фетишизм, волюнтаризм, идеализм.

В. И. Гойман утверждает, что юридический фетишизм весьма распространен в нашем обществе. Достаточно вспомнить, как часто, даже с трибун высшего органа государственной власти страны, звучат настойчивые требования принять в самом срочном порядке по тому или иному поводу законодательный акт, полагая, что именно таким образом можно и нужно решать любую остросоциальную проблему — насытить рынок товарами, преодолеть организованную преступность и бесхозяйственность, значительно повысить культуру в обществе и т. д.

Реализация такого подхода на практике приводит к чрезмерному увлечению нормативно-правовыми средствами, принятию актов, которые не вызывались общественными потребностями. В конечном счете такой акт теряет свое значение, оставляя у адресатов неприятный осадок. Следовательно, юридический фетишизм ведет к правовому нигилизму, стимулирует его распространение [5, с. 4].

Итак, можно подвести итог вышесказанному. Кажущиеся на первый взгляд абсолютно разные явления — правовой нигилизм и правовой идеализм — питаются одними корнями — правовым

невежеством. Анализ научной литературы помог прийти к выводу: правовой нигилизм и правовой идеализм — это две стороны одной медали.

Библиографический список

1. Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2004.
2. Чуйков Д. Понятие правосознания // История государства и права. 2007. № 19.
3. Сорокин В. В. Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. 2001. № 10.
4. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2005.
5. Гойман В. И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9.
6. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.
7. Сафонов В. Г. Понятие правового нигилизма // Государство и право. 2004. № 12.
8. Туманов В. А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10.
9. Донченко Р. Н. Правовой нигилизм как устоявшееся общесоциальное явление // Юрист. 2005. № 6.
10. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2.
11. Монаков В. В. Теоретические подходы и предметные рамки изучения правового нигилизма в российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 1(21).
12. Утарбеков Ш. Г. Проблемы этимологического толкования понятия правового нигилизма в российском законодательстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 21(159).
13. Матузов Н. И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая культура. 2008. № 2(5).
14. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 2003.

УДК 34
ББК 67.1

ОБРАЗ ЭЛИТЫ В КОНСЕРВАТИВНО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

А. А. Васильев, В. В. Мухопад

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье проводится анализ идей славянского просветителя Юрия Крижанича, касающихся образа элиты в России XVII в. Анализируется деление общества на сословия, распределение между ними обязанностей общественного значения, требования к представителям элиты. Тезисы являются продолжением предыдущих исследований авторов, касающихся теории элиты и правящего отбора в консервативной правовой идеологии России.

Ключевые слова: политическая элита, элитология, консерватизм, правовое учение.

IDEAS OF THE ELITE IN THE CONSERVATIVE LEGAL IDEOLOGY OF YURI KRIZHANICH

A. A. Vasilev, V. V. Mukhopad

Altay State University (Barnaul, Russia)

The article analyzes the ideas of the Slavic thinker Yuri Krizhanich concerning the image of the elite in Russia of the XVII century. The authors analyze the division of society into classes, the distribution of social

responsibilities, and requirements for elite representatives. These theses are a continuation of the authors' previous research on the theory of elite and ruling selection in the conservative legal ideology of Russia.

Keywords: political elite, elitology, the conservatism, doctrine.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.2](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.2)

Взгляды славянского просветителя Юрия Крижанича (1617–1683 гг.) на сословия и элитарный слой обладают достаточной структурированностью и последовательностью. Отметим, что мыслитель имел богословское образование, являлся священником-миссионером, выступал за унию католической и православной церковей. В 1659 г. Ю. Крижанич приехал в Москву, а через несколько лет был сослан царем Алексеем Михайловичем в Тобольск (1663–1666 гг.), где написал произведение «Политика», которое и представляет для нас, как исследователей взглядов на элиту, особый интерес.

В стиле консервативно-правовой идеологии Юрий Крижанич определяет деление общества на сословия: «Сословия и разряды людей различны и складываются в соответствии с различными обязанностями людей. Ведь никто не живет для себя, никто не рожден для того, чтобы жить только для себя. <...> Но каждый человек должен делать какое-нибудь дело, которое будет полезным также и для всех людей, и зарабатывать себе на хлеб — «обязанность» [1].

Думается, что именно такое понимание обязанности будет фигурировать позже в трудах консерваторов и в концепции «правообязанности» как таковой — когда человек прежде «обязан» за всех и перед всеми, и только затем «вправе». наброски такой концепции можно встретить и у Ф. М. Достоевского — знаменитого почвенника: «Нельзя чтобы не было господ и слуг, но пусть же и я буду слугой моих слуг (курсив авт.), таким же, каким и они мне. Да еще скажу тебе, матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» [2].

Итак, существует три сословия: церковники (обязаны заботиться о спасении душ), благородное сословие, простой народ (обязаны прислуживать, работать). Над всеми этими сословиями возвышается царь — «Божий Наместник».

Коснемся более подробно благородного сословия, которое, по мнению Ю. Крижанича, составляют князья, должностные лица, военачальники. При этом так называемые «люди на жаловании» (писцы, воины, слуги) в состав благородного сословия не входят, поскольку властью никакой не обладают и обеспечиваются общественным жалованием. Обязанность благородного сословия заключается в том, чтобы «объяснять волю царя остальным сословиям и вершить правление».

Так или иначе, но в текстах Юрия Крижанича отчетливо прослеживается отождествление благородного сословия с тем, что сегодня мы бы назвали политической элитой: «К разряду князей относят тех, кто помогает царю в совете и во всем правлении. Должностными лицами считают тех, кто начальствует в мирных делах и на мирных должностях. В разряд военачальников входят те, кои начальствуют в ратных делах» [1].

Интересно, как мыслитель решает вопрос о ротации элиты: «Во всех этих [разрядах] есть некоторые более высокие должности, которые не должны быть постоянными (думается, сегодня мы бы назвали их государственными должностями — прим. авт.), так чтобы эту должность занимал кто-нибудь в течение всей жизни, но следует чаще менять таких высоких начальников и верховных вождей или полководцев (современный принцип сменяемости власти — прим. авт.). Ибо, когда они обладают постоянной властью, им легче бывает предпринимать дела, противоречащие благим законам и древним обычаям».

Нельзя не согласиться с тем, что такое умозаключение для мыслителя XVII века довольно прогрессивно. Между тем Юрий Крижанич обходит прямо вопрос о сменяемости верховного правителя — царя. В пример, подтверждающий верность своего заключения, мыслитель приводит немцев, некогда обладавших полнотой власти над Галлией, Италией, Испанией и Англией: «Те князья, кои добивались престола для того, чтобы их поставили царями, обещали благородному сословию слишком большие и чрезмерные привилегии (курсив мой — авт.). Сперва дали им пожизненные должности и права, затем разрешили передавать это по наследству всем потомкам, и так немецкие цари сами себя лишили всякой власти. А благородное сословие после этого во всем дало себе волю. Ведь они не считают себя рожденными для того, чтобы повиноваться королю и по его поручению управ-

лять народом и побуждать к добродетели, но думают, что их обязанность лишь в том, чтобы есть, пить, спать и веселиться».

Примечательно, что ротация, обновление правящей верхушки не предполагает, по мнению Ю. Крижанича, окончательного отстранения от политических дел: и в отношении благородного сословия, и в отношении монахов автор «Политики» использует словосочетание «перемещение в должности».

Ю. Крижанич метафорично отождествляет государство с человеческим организмом, где нельзя безболезненно отделить какой-либо член и не утратить своей идентичности и целостности. Так, он использует и другую стратификацию общества, воображая его телом государства: «Как человеческое тело складывается из своих членов — головы, рук, ног и прочего, так же и духовное или воображаемое тело государства имеет свои члены: члены охраняющие, охраняемые и больные или нездоровые. Охраняющие члены — те, кои добывают и оберегают все вещи, потребные для житья. Охраняемые члены — те, кои по разным причинам нужны охраняющим. Больные или вредные члены — те кои заражают государство своими пороками и поедают его добро. А голова всему — король» [1].

К «охраняющему» слою общества мыслитель относит крестьян, ремесленников и торговцев, которые «добывают все то, чем пользуются и чем кормятся и живут все подданные». Удивительно, что наряду с ними к охраняющему слою относятся власти, бояре и воины, которые «вершат суд, ведут войны, берегут общий покой, здоровье, жизнь и всякое благоприобретенное добро всех подданных от домашних разбойников, воров, насильников и злодеев и внешних врагов».

В охраняемых членах общество нуждается не особо: духовенство просвещает народ, поучает его, а «убогие» (слепые, хромые, нищие) охраняются государством по Божьей заповеди. В эту же группу причислены «мастера ученых дел», которые для конкретного человека кажутся не особо необходимыми, однако для государства очень нужны: «ликописцы, литейщики, инженеры, грамматики, историки, математики, астрономы, философы». Больные члены причиняют государству зло: «еретики, волхвы, чужеземцы, воры, разбойники; игроки или голодранцы, праздные дворяне».

Заметим, как мыслитель очерчивает круг лиц, которых вообще можно причислить к благородному сословию: духовенство, «научная интеллигенция», торговцы, ремесленники сюда явно не относятся — речь идет лишь о лицах, находящихся у власти непосредственно. Хотя духовенство и научный свет общества следует «охранять».

При этом фигурирует идея об особом состоянии чести, мыслей «благородного сословия»: «Короли, власти, бояре и воины имеют разные представления о чести и многие живут холостыми из-за того, что не имеют ни средств, ни достаточного имущества, чтобы содержать дом сообразно своему достоинству и жениться. А черные люди не думают о чести, а лишь о прибыли, о доходе и об утробе, и поэтому они легко находят себе пару, и женятся молодыми, и быстрее рожают детей. Из-за этого у римлян последних черных людей называли «пролетариями», плодовитыми» [1]. Так, мыслитель как бы намекает на то, что образ жизни тех или иных сословий определяет их мировоззрение. Между тем видение Ю. Крижаничем «черного люда» можно назвать несколько упрощенным, схематичным и несколько несправедливым: «Бояр посылают на войну, где они проливают кровь и складывают головы, служат при королевском дворе и много лет живут холостыми. <...> Рано встают, поздно ложатся и бодрствуют целые ночи за государственными и народными делами. А черных людей никто не спросит, когда они встают. Посылают с посольствами и с поручениями с места на место, и много времени они проводят вне своего дома. <...> А черные люди всегда сидят дома. Итак, пусть знают черные люди, что они по справедливости и по праву обязаны кормить на свои средства короля, бояр и воинов и служить им». С точки зрения исторической действительности такое умозаключение кажется нам несправедливым, поскольку крестьяне и ремесленники обладали не менее насыщенным режимом дня. При этом мыслителю кажется, что лишь «благородное сословие» испытывает заботы, и подвергается смертельным опасностям, а черные люди спокойно пользуются земными благами. Нам видится, что такое «однобокое» видение отношений благородных и простого люда было на тот момент политически выгодным, поскольку, будучи популяризированным, оно способно было призвать простой люд быть «послушными» государству, и терпеливыми.

Даже обязанности благородного слоя перед народом остаются удобными элите: «Король, власти и бояре должны так обходиться с черными людьми, чтобы могли всегда с них что-нибудь взять. Они не должны настолько увеличивать обычные подати и повинности черных людей, чтобы из-за этого прекращалось земледелие, ремесло и торговля».

Таким образом, благородное сословие становится элитой по умолчанию. Мыслитель отмечает, что особенно это касается России, поскольку там имеется «достаточно причин», позволяющих признать, что благородное сословие «повсюду важнее и нужнее»: «Потому что это царство имеет по содействию много злых разбойных народов. Рядом с такими разбойниками наши черные люди ничего не могли бы нажить и иметь, если бы их не охраняли и не защищали. Во-вторых, ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо и нигде не имеют таких прав, как здесь. В-третьих, русские торговцы никуда по морю не ходят, и не ведают морских опасностей и страхов» [1].

Кажется, что такое видение автором элиты несколько расходится с его духовным образованием, поскольку духовенство им не рассматривается как союзник Царя по управлению государственными делами. Однако особый интерес вызывают строки, написанные по отношению к главам государств — королям. В них содержатся отсылки к православным источникам. Предложенные мыслителем обязанности короля можно назвать своеобразным кодексом этики того времени, поскольку содержат они больше морально-нравственных предписаний.

Самыми главными твердынями государства мыслитель видит королевское благочестие, хорошее правление (чтобы подданные были довольны властью, а чужие люди желали ее), согласие в народе (единство королевства), «оберегание от чужебесия» (чужестранцев), полезное союзничество («Лучше иметь верного и доброхотного соседа, нежели стать с ним одной державой»).

Одним из ключевых вопросов произведения является вопрос подбора (рекрутинга) воевод для процветания государства. Анализируя зарубежный опыт, Ю. Крижанич выдвигает целый ряд качеств хорошего воеводы: искусность, храбрость, ум, знания, родовитость: «Китайцы поступают нехорошо и глупо, ставят военным баном того, кто умеет лучше писать и сочинять какую-нибудь речь. И таким способом назначают всех городских и военных начальников. Потому-то китайцы и невоенные люди, что воеводы их больше учатся приказным, нежели ратным делам, и скорее — дьяки, нежели воины. Турки не обращают внимания на родовитость, но говорят, что смотрят на искусность, ум и храбрость. Однако на деле это не так, и часто начальниками бывают назначены негодные, умеющие лучше подольститься. Так, одним махом из самых низших становятся наивысшими. Европейские короли поступают лучше, смотрят и на родовитость. Родовитые бояре более усердно действуют ради уже имеющегося богатства и вотчин и сохранения старой славы, нежели бедные или неродовитые люди — для добывания нового богатства и славы. Кроме того, бояре в юности имеют больше подobaющего времени и возможности для обучения наукам, нежели простые люди» [1].

Ю. Крижанич полагает, что и к городским банам следует предъявлять те же требования. При этом мыслитель не имеет в виду то, что начальниками должны становиться лишь родовитые люди, о «закрытости» элиты речи нет: «Если кто из простых людей покажет себя достойным такой чести, то путь ему не закрыт, и король сделает его сперва полковником или воеводой, затем боярином, а затем и военным баном». Однако путь до военного бана для простого человека оказывается гораздо длиннее.

В заключение Юрий Крижанич составляет подробный список требующихся для военного начальника качеств: он должен быть верным, храбрым и искусным, бдительным, быстрым, ревностным, заботливым, твердым, упорным и суровым в поддержании страха и порядка, всегда заниматься делом, щадить время, быть справедливым судьей, не алчным, нелицеприятным и не берущим подарки, и в этом обязан особо присягнуть (в какой-то мере данный критерий соотносится с современной антикоррупционной политикой России), должен быть щедрым и человечным, ибо если кому-либо на свете и нужна щедрость и человечность, то прежде всего бану (прим. авт: бан — правитель земли, области. Понимался также как «господин» или «хозяин» [3]), осмотрительным в бою, родовитым или иметь какие-либо иные особенно высокие достоинства, должен быть уроженцем данной страны (соотносится с современным цензом оседлости), не чужестранцем, не сыном и не внуком чужестранца, должен уметь построить и воодушевить войско, полезно бану знать о древних событиях (имеется в виду, на наш взгляд, прежде всего история государства, что в некотором смысле соотносится с концепцией славянофилов, евразийцев и — отдаленно — национальной идеей России — патриотизмом и вниманием к истории страны), ибо благодаря этому он может научиться многим полезным вещам и приспособить их для своих целей.

Интересно также, что Ю. Крижанич считал заимствование иностранных слов в русский язык фактором, повышающим малодушие и уменьшающим мужество воинов: «Ведь когда воины слышат, как все ратные вещи называются иноязычными именами, они начинают представлять себе

чужие народы чрезмерно храбрыми, а себя и свой народ — недостаточно храбрыми. Ибо рассуждают они так: откуда пришли названия воинских дел, оттуда произошли и сами воинские дела и доблести». В этом смысле справедливо замечание Р. В. Насырова о том, как незрело сегодня российское государство, как подобно оно подростковому неустойчивому сознанию и как важно, наконец, от этого заимствования отказаться: «Петр I ввел в армии новую форму одежды по европейскому типу; по словам Д. Лихачева, «передел армию в форму своих детских потешных полков». Лишь спустя век заметили, что климат в России иной, и, наконец, вернулись к военной форме XVI–XVII вв. — длинная шинель, папаха и т. д. Если использовать тему одежды в качестве метафоры, то Россия, принимая волевое решение быть как западный сосед, одевает на себя европейский плащ и кепку, но затем под влиянием реальных условий под эти европейские одежды скрытно одевает телогрейку и шапку-ушанку» [4].

Особое внимание Ю. Крижанич уделяет тому, что сегодня бы назвали деловым стилем в одежде государственных служащих: «Одной из главных причин малодушия является мерзкий и непристойный вид волос, бороды и одежды. <...> Русское обличье не отличается ни красотой, ни ловкостью, ни свободой, а скорее говорит смотрящим людям о рабской неволе, тяготах и малодушии. Наши воины ходят, стянутые тесными платьями, будто бы их запахали в мех и зашили, головы у них голые, как у телят, бороды запущены и кажутся более похожими на лесных дикарей, нежели на ловких и храбрых воинов».

Несмотря на такое подробное описание идеала ротации элиты и ее функционирования, лучшим советником государя Юрий Крижанич считал книги, поскольку советники из числа живых людей часто льстят, к тому же до сорока лет большинство людей еще глупы и действуют по наитию, не осознавая до конца, «что есть этот мир»: «Среди живых мало хороших советников, но, как некто сказал, мертвые советники (то есть книги) — это самые лучшие верные друзья. Ведь книгами не движет ни алчность, ни ненависть, ни любовь, не льстят и не боятся поведать истину».

Как качественный критерий хорошего политика Ю. Крижанич называет философствование: «Всякий разумный муж должен быть философом в тех делах, которыми он занимается, особенно политик или какой-либо начальник. <...> Он действительно должен понять причины многих и премногих вещей. Ибо никто не судит верно о какой-либо вещи, если не знает, от какого корня и вершины она происходит или отчего, из чего, как и для чего она сотворена». При этом особое внимание мыслитель уделяет постулатам «Познай самого себя» и «Не верь чужестранцам».

Кроме того, мыслитель выдвигает целую политическую программу — идеал правления, согласно постулатам которой Россия объявляется неделимым государством, править которым дочери царя не вправе, а благородное сословие наделяется возможностью со временем, при отсутствии иных наследников, занять царский престол: «Да будет на Руси 12 князей — блюстителей престола. А если оборвется королевский род, да будет один из этих князей избран королем. <...> Да не берет король жен от чужеземцев, а лишь от своих князей и властелей или славянских правителей. Да не выдает король своих дочерей за чужеземцев, а лишь за своих князей и властелей, и за славянских правителей» [1]. В «программе» фигурирует принцип майората, при котором остальные наследники именуются князьями, однако политических прав не имеют: «На народных сеймах не должны они иметь ни места, ни голоса, ни права свободного присутствия. Да не смогут они держать слуг сверх определенного числа».

Также автор намекает на необходимость сближения царя и боярского сословия: «Древние римские, а затем греческие цари выдавали своих дочерей за своих бояр, и честь их от этого не страдала».

Таким образом, в воззрениях Юрия Крижанича отводится большое место особому слою общества — благородному сословию, в которое включаются князья, должностные лица, военачальники. Прослеживается идея об особом состоянии чести, мыслей «благородного сословия».

Впервые в истории отечественной правовой мысли разрешается вопрос о ротации элиты, о «срочности» занятия высоких государственных должностей, о возможности наделения элиты правом претендовать на престол в случае прерывания королевского рода, что сегодня кажется достаточно прогрессивным и современным. При этом автор использует словосочетание «перемещение в должности».

Самыми главными твердынями государства мыслитель видит королевское благочестие, хорошее правление (чтобы подданные были довольны властью, а чужие люди желали ее), согласие в народе, «оберегание от чужебесия», полезное союзничество.

Библиографический список

1. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
2. Последнее слово умирающего русского мальчика Маркела в романе «Братья Карамазовы». Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л., 1991. Том 9.
3. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973. Кн. 3.
4. История правовых учений России. X–XXI вв. : учебник : в 3 томах / под ред. В. В. Сорокина и А. А. Васильева. М., 2014.

УДК 34.096

ББК 67.0

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова**Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

В современном научном пространстве становятся популярными исследования искусственного интеллекта и, как следствие, нарастают споры о перспективах и рисках его более широкого применения. Стремительное развитие цифровых технологий вызывает острую необходимость расширения границ сферы правового регулирования и появления в ней новых сегментов. На сегодняшний день развитие цифровых технологий демонстрирует продолжительную тенденцию к снижению охранительных способностей существующих правовых институтов, что обостряет конфликт между преимуществами современных технологий и действующим законодательством. В этой связи актуальным видится изучение понятия искусственного интеллекта, его появления в качестве самостоятельного научного направления, а также правовых рисков использования искусственного интеллекта и путей их преодоления.

Социальная и практическая значимость исследования заключается в поиске оптимального правового регулирования, что, в свою очередь, будет способствовать беспрепятственному внедрению новейших технологий, являющихся катализатором экономического роста и способствующих развитию цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровое право, искусственный интеллект, правовые риски, цифровая экономика.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LAW: PROBLEMS AND PROSPECTS

*A. A. Vasiliev, Y. V. Pechatnova**Altai State University (Barnaul, Russia)*

In the modern scientific space, artificial intelligence researches are becoming popular and, as the result, disputes about the prospects and risks of its wider use are growing. The rapid development of digital technologies causes the urgent need of expansion the boundaries in the sphere of legal regulation and emergence new segments in it. Today, the development of digital technologies demonstrates the long-term tendency to reduce the protective abilities of existing legal institutions, which aggravates the conflict between the advantages of modern technologies and current legislation. In this regard, it seems relevant to

study the concept of artificial intelligence, its appearance as an independent scientific field, as well as the legal risks of using artificial intelligence and ways to overcome them.

The social and practical significance of the study lies in the search for optimal legal regulation, which, in turn, will facilitate the unhindered introduction of the latest technologies, which are the catalyst for economic growth and contribute to the development of the digital economy.

Keywords: digital technologies, digital law, artificial intelligence, legal risks, digital economy.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.3)

Цифровые технологии постепенно становятся неотделимой частью современной жизни. Несмотря на то, что родоначальником теории искусственного интеллекта нередко называют испанского философа и математика Раймонда Луллия, который в XIII в. предпринимал попытки создания механического устройства для решения сложных задач, появление искусственного интеллекта как научного явления произошло только во второй половине XX в. [1].

Важную роль в развитии теории искусственного интеллекта сыграли публикации Алана Тьюринга, в которых обсуждались проблемы создания устройств, способных самостоятельно решать различные задачи. В частности, Алан Тьюринг впервые предложил считать интеллектуальной такую машину, которую испытатель в процессе общения с ней не сможет отличить от человека [2, с. 11].

Знаковым событием в развитии искусственного интеллекта стала американская рабочая конференция, состоявшаяся в 1956 г. в университете Дартмута, с участием Джона Маккарти (автор термина «Artificial Intelligence»), Марвина Ли Минского, Аллена Ньюэлла, Герберта Саймона, Клода Шеннона, Алана Тьюринга, и других, которых по праву называют основателями сферы искусственного разума [2, с. 11].

В качестве «даты рождения» искусственного интеллекта как научного направления в советской России О. Е. Масленникова и И. В. Попова обозначают 1954 г., когда под руководством профессора А. А. Ляпунова начал работу семинар «Автоматы и мышление» [3].

Впервые термин «Artificial Intelligence» был предложен англоязычной публике. В научной литературе отмечается, что русский перевод данного термина — «Искусственный интеллект» — не является аутентичным. Слово «intelligence» означает «умение рассуждать разумно», для понятия «интеллект» имеется отдельный английский аналог — «intellect». В этой связи Е. В. Бобровская отмечает, что в довольно неудачно русском переводе данный термин приобрел слегка фантастическую антропоморфную окраску [1].

Следует отметить, что, действительно, сравнение искусственного интеллекта и человеческого интеллекта с научной точки зрения некорректно. Когнитивные способности искусственного интеллекта весьма ограничены в сравнении с человеческими функциями мозга.

Несмотря на то, что искусственная нейронная сеть построена по принципу функционирования биологических нервных клеток живого организма, она состоит из входного слоя; одного или нескольких скрытых слоев и одного выходного слоя нейронов. Таким образом, наиболее совершенные искусственные нейронные сети имеют пять-шесть слоев. Человеческий мозг содержит миллиарды нейронов с миллиардным количеством связей. Также в искусственных нейросетях слои нейронов срабатывают по очереди, последовательно; в человеческом мозге обмен информацией между нейронами идет параллельно и асинхронно.

Таким образом, любые претензии на антиутопичное порабощение человека искусственным интеллектом несостоятельны по причине того, что искусственная нейросеть всегда будет подобием, не способным повторить оригинала.

Итак, искусственные нейронные сети являются максимально упрощенной моделью созданного миллионами лет эволюции человеческого мозга. Однако проще — не значит хуже. Обученная под конкретную задачу искусственная нейросеть может легко превзойти человека.

Бесспорным преимуществом искусственного интеллекта является способность молниеносной обработки неограниченного числа данных, техника превращения этих данных в цифру, обработка этой цифры методами статистики и дискретной вычислительной математики и получение ответа в интуитивно понятном для человека виде.

Легальное определение понятия «искусственный интеллект» закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (далее — Национальная стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490.

Согласно Национальной стратегии, искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [4].

На сегодняшний день правовое регулирование использования искусственного интеллекта базируется на программных документах и экспериментальных режимах.

Вместе с тем стремительное усовершенствование способностей искусственного интеллекта в отсутствие должного правового регулирования цифровой сферы порождает новые правовые риски и угрозы [5, с. 137–148].

М. П. Поляков и А. Ю. Смолин отмечают, что очарование технологией — это основной идеологический контекст современной реальности, но очарование это — далеко не безопасная и безобидная штука. «У нас есть опасение, что «идеология-технология» нацелена на то, чтобы незаметно поменять ключевой планетарный код — «со слова на цифру» [6, с. 245–249].

Важно отметить, что ключевым отличием искусственного интеллекта от других высокотехнологичных машин является «автономность», которая подразумевает возможность эволюционирования и самосовершенствования от запрограммированной управляемой машины к полуавтономной и даже полностью автономной сложной системе, способной к самостоятельным действиям.

Соответственно, искусственный интеллект может генерировать результаты, которые не охватывались замыслом разработчика, но стали возможны благодаря внедрению в программу способности к анализу и сопоставлению неограниченного объема данных.

Таким образом, развитие цифровых технологий, с одной стороны, обеспечивает самодостаточность, конкурентоспособность и национальную безопасность государства, но с другой стороны, создает следующие правовые риски.

Во-первых, риск несанкционированного доступа к личным данным пользователей интернет-сети и, как следствие, нарушения режима персональных данных, права на неприкосновенность частной жизни, на тайну переписки и других конституционных личных прав [7, с. 30–43].

Причем возможности искусственного интеллекта не ограничиваются возможностями сканирования информации, размещенной пользователями в сети Интернет. Так, способность искусственного интеллекта генерировать смешанные реальности стирает границы «истины» и бросает вызов восприятию интернет-пользователей, которые оказываются в фейковой реальности.

При этом с каждым годом усложняется техническая возможность разоблачения дезинформации, поскольку технологии искусственного интеллекта позволяют создавать практически не отличимую от реальности фальсифицированную информацию, подкрепленную синтетическими фейковыми фотографиями, аудио- и видеозаписями [2, с. 39]. Такие цифровые продукты могут перерасти в мощнейшее пропагандистское оружие.

Во-вторых, риск развития и совершенствования киберпреступности, эффективную борьбу с которой не всегда удастся вести в условиях действующего уголовно-правового регулирования и оперативно-разыскных возможностей сотрудников правоохранительных органов [8, с. 461–476].

В-третьих, риск нелегального использования цифровой валюты и возрастающего объема судебных споров, связанных с ее оборотом. Так, в результате анализа правоприменительной практики можно сделать вывод о том, что, как правило, криптовалюта не признается объектом гражданского права и находится вне поля правового регулирования. Поэтому лица, использующие криптовалюту в качестве средства платежа, на сегодняшний день совершенно не защищены от злоупотребления со стороны контрагента [9].

Таким образом, использование искусственного интеллекта предполагает преобразование правового регулирования всех отраслей права.

Вместе с тем динамика роста цифровых технологий весьма положительна, а перспективы развития искусственного интеллекта достаточно устойчивы. В этой связи элементарное средство игнорирования цифровых технологий в целях исключения правовых рисков, вызванных ими, невозможно. Иначе государство будет вынуждено утратить свою конкурентоспособность на мировом рынке и спуститься вниз по общемировой социальной лестнице.

Итак, развитие цифровых технологий демонстрирует продолжительную тенденцию к снижению охранительных способностей существующих правовых институтов, что обостряет конфликт между преимуществами современных технологий и действующим законодательством. В этой связи обозначенная диспропорция требует найти баланс и взвешенный подход к правовому регулированию цифровой сферы.

Сложность представляет тот факт, что в онлайн-пространстве отсутствуют границы национального и зарубежного. Соответственно, эффективность работы национальных правоохранительных органов без тесного взаимодействия с международными организациями значительно снижается.

Таким образом, преодоление правовых рисков предполагает разработку новых форм открытой и осознанной публичной дискуссии, новых законодательных механизмов и установление международного сотрудничества, позволяющего более эффективно решать насущные задачи.

Ввиду того, что применение искусственных нейронных сетей — необратимый процесс, видится, что законодатель может предложить новый «контракт безопасности». Предыдущий «контракт» базировался на том, что главные угрозы обществу несут внешние враги, а поэтому государство может обеспечить безопасность граждан в условиях неприкосновенности их частной жизни. В новом социальном контракте государство должно донести до граждан, что в цифровом турбулентном мире нет внутренних и внешних врагов.

В этих условиях государство может обеспечить безопасность лишь тех граждан и организаций, которые добровольно пойдут на смягчение стандартов (например, неприкосновенности частной жизни и личной тайны) в пределах, необходимых для соблюдения требований международной и национальной безопасности.

Вместе с тем предусматривая ограничения в праве, следует учитывать, что они должны быть сформулированы с максимальной степенью точности и отражать ответы на вопросы, когда, как и кем могут использоваться указанные изъятия из правового режима.

В этой связи интересно мнение Маршалла Маклюэна, который полагает, что интернет и конфиденциальность — несовместимые понятия. По его мнению, решающую роль в утрате охранительных способностей института неприкосновенности частной жизни сыграла урбанизация.

Данные антропологов и лингвистов свидетельствуют о том, что в большинстве традиционных обществ отсутствует само понятие приватности. Так, урбанизация есть порождение технологического процесса не только в средствах производства, но и в системах человеческого общежития.

Первоначально с расцветом урбанизации и при непродолжительном отсутствии развитых средств коммуникации гражданам приходилось «платить» за приватность менее тесными социальными связями и чувством одиночества.

Вместе с тем Маршалл Маклюэн отмечает, что повсеместное распространение телевидения, а вслед за ним потокового видео повернет историю вспять и человечество опять окажется жителями «одной глобальной деревни», в которой с конфиденциальностью будет покончено [10, с. 61].

Таким образом, внимание законодателя должно быть сосредоточено на следующих правовых рисках, возникающих в связи с использованием искусственного интеллекта. Во-первых, искусственный интеллект может достичь непреднамеренных результатов, влекущих правонарушения или преступления. Во-вторых, искусственный интеллект способен генерировать фальсифицированную информацию, конструирующую альтернативную реальность и служащую мощным пропагандистским оружием. В-третьих, действующим законодательством не проработан вопрос об ошибках при программировании и их последствиях (некачественный код или неверный алгоритм).

Правовой риск получения искусственным интеллектом доступа к неограниченному количеству данных может быть предотвращен путем проведения периодического информационного аудита системы и удаления излишних пользовательских данных, в том числе персональных данных тех лиц, которые не подпадают под определенные критерии.

Правовой риск генерации фальсифицированной информации следует предотвратить путем введения двухкомпонентной системы, которая включает личные неприкосновенные данные и личные машиночитаемые данные. Так, информация должна собираться мониторинговой системой и сразу же переводиться в кодируемый машиночитаемый вид. Таким образом, доступ к любой информации получает только машина, считывая код программирования, при этом считываемая информация не верифицируется в понятной для человека форме. Следовательно, операторы платформы будут значительно ограничены в возможности преднамеренной фальсификации данных.

Правовой риск программирования с ошибкой в коде должен быть устранен совместными действиями юристов и IT-специалистов.

В целом, в целях оптимального правового регулирования использования искусственного интеллекта разработчики, исследователи и лица, финансирующие исследования в сфере искусственного интеллекта, а также в смежных областях, должны исходить из презумпции опасности искусственного интеллекта, подразумевая, что созданная или создаваемая технология искусственного интеллекта является опасной для человека, пока не доказано иное.

Библиографический список

1. Боровская Е. В., Давыдова Н. А. Основы искусственного интеллекта: учеб. пособие. URL: <https://rucont.ru/efd/443263> (дата обращения: 06.05.2020).
2. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М., 2018.
3. Масленникова О. Е., Попова И. В. Основы искусственного интеллекта: учеб. пособие. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19598580> (дата обращения: 06.05.2020).
4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (дата обращения: 06.05.2020).
5. Войниканис Е. А., Семенова Е. В., Тюляев Г. С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Гражданское право. Гражданский процесс. 2018. № 4.
6. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42).
7. Соснин К. А. Правовое регулирование Больших данных: зарубежный и отечественный опыт // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019.
8. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3.
9. Решение № 2–160 / 2017 2–160 / 2017 ~ М-129/2017 М-129/2017 от 26.04.2017 по делу № 2–160 / 2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qlE6zawJCy6l/> (дата обращения: 06.05.2020).
10. Маклюен М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. М., 2003.
11. Joshua A. T., The Human Element: The Under-Used and Underutilized Component Vital to Fostering Blockchain Development, (2019). URL: <https://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlufac/537> (дата обращения: 06.05.2020).

УДК 342.41
ББК 67.400.1

РОЛЬ АКТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А. А. Гвоздева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена исследованию роли актов стратегического планирования в системе конституционно-правового регулирования. Анализируется легально закрепленное понятие «акт стратегического планирования», полнота данного определения, рассматривается понятие «нормативного правового акта» и правовая природа документов стратегического планирования, исследуются специфические признаки актов стратегического планирования, приводится анализ мнений ученых-правоведов, а также исследуются пробелы правового регулирования в сферах разработки и правоприменения документов планирования. В статье затронуты вопросы зарубежной практики использования актов стратегического планирования, описываются проблемы конституционно-правового регулирования сферы стратегического планирования, предлагаются пути решения.

Ключевые слова: понятие, признаки, проблемы правового регулирования актов стратегического планирования.

THE ROLE OF STRATEGIC PLANNING ACTS IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION

A. A. Gvozdeva

Altai State University (Barnaul, Russia)

Article research is in the role of strategic planning acts in the system of constitutional legal regulation. The article analyzes the legally fixed concept “strategic planning act”, completeness of this definition, the concept “normative legal act” is considered and legal nature of strategic planning documents, the specific features of strategic planning acts are examined, the analysis of the opinions of legal scholars is given, also the gaps of legal regulation in the areas of development and enforcement of planning documents are described. The article addresses the issues of foreign practice of using strategic planning acts, the problems of constitutional regulation of strategic planning describes, solutions suggested.

Keywords: the concept, the signs, the problems of legal regulation of strategic planning acts.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.4](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.4)

Одним из источников конституционного права являются нормативные правовые акты, в которых содержатся конституционно-правовые нормы, наделенные специфическими чертами, обусловленными особенностями предмета конституционно-правового регулирования [1, с. 22]. Среди таких документов важную роль играют правовые акты, принимаемые в ключевых сферах жизни общества и государства и относящиеся к предмету конституционного права, а также к имеющим большое значение вопросам национальной безопасности, здравоохранения, образования, трудоустройства, пенсионного обеспечения.

Как отмечает М. В. Залоило, результативность применения нормативных правовых актов находится в прямой зависимости от степени их подготовленности на этапах планирования, анализа, экспертизы, рассмотрения и утверждения, а значит, от эффективности каждой стадии нормотворческого

процесса [2, с. 43]. По этой причине существенную важность приобретает исследование правотворческой деятельности уполномоченных субъектов в сфере стратегического планирования.

Среди официальных документов, принимаемых компетентными лицами в этой области, появляются акты, не влекущие наступление юридически значимых последствий. Такие акты не предоставляют субъективных прав, не несут обязывающего характера, не содержат мер юридической ответственности. Формально такие акты, с учетом обязательных признаков нормативного правового акта, нельзя отнести к числу нормативных правовых актов. Однако такой вывод представляется ошибочным в силу следующего:

- 1) такого рода документы издаются в пределах компетенции государственных и иных органов власти, должностных лиц, выражая их функциональное назначение;
- 2) высокий статус органов власти, имеющих право принимать акты стратегического планирования, придает таким документам повышенную значимость, поскольку свидетельствует об их исключительном общегосударственном или международном значении;
- 3) документы стратегического планирования принимаются в развитие принятых вступивших в законную силу нормативных правовых актов, чем также обусловлена правовая нормативная природа таких документов.

Само словосочетание «стратегическое планирование» берет начало от слова «стратегия», которое изначально использовалось в военной тематике как высшая область военного искусства — ведение крупных военных операций и войны в целом и лишь затем органично стало использоваться в экономической теории, политологии, управлении государством. Е. Н. Никифорова выделяет два подхода к пониманию смысла понятия «стратегия». Первый заключается в наличии определенного долгосрочного плана достижения заранее определенной цели, а выработка стратегии — это процедура формулирования цели и разработка плана по ее достижению. В рамках второго подхода стратегия выступает как выбранное направление деятельности, которое должно привести объект к поставленной цели [3, с. 42].

Система стратегического планирования имеет конституционную основу. Согласно статье 71 Конституции Российской Федерации в ведении Российской Федерации находятся установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации, а также оборона и безопасность. Пунктом 1 статьи 76 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации [4].

Основополагающим документом в сфере стратегического планирования в Российской Федерации является Федеральный закон РФ от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [5] (далее — Федеральный закон № 172-ФЗ), в котором отражены далеко не все сферы общественной жизни. В основном внимание сосредоточено на социально-экономическом развитии государства и национальной безопасности, оставляя вне предмета регулирования развитие правовой основы государства, экологической безопасности и т. д. [6, с. 25].

В статье 3 Федерального закона № 172-ФЗ закреплены правовые значения понятий, употребляемых в сфере стратегического планирования. Стратегическое планирование определено как деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Из приведенного понятия следует, что четко определены функции стратегического планирования: целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование, а также закреплена трехуровневая система осуществления указанной деятельности. Деятельность органов власти реализуется, в том числе, путем принятия общеобязательных властных предписаний, которые принимаются в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направлены на уста-

новление, изменение или отмену правовых норм, рассчитаны на многократное применение, т. е. путем принятия нормативных правовых актов.

В соответствии с пунктом 10 статьи 3 Федерального закона № 172-ФЗ под документом стратегического планирования понимается «документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая (одобряемая) органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и иными участниками стратегического планирования».

Приведенную дефиницию документа стратегического планирования сложно назвать четкой и однозначно определенной, поскольку такому определению соответствует каждый документ, разрабатываемый и утверждаемый органами власти. На вопрос о нормативной природе актов стратегического планирования также нет однозначного ответа среди ученых-правоведов.

В частности, Н. А. Молчанов, В. П. Егоров и Е. К. Матевосова при проведении анализа понятия «документ стратегического планирования» отмечают в нем нарушение правил юридической техники на соответствие критериям полноты и определенности круга его правового регулирования [7, с. 29]. Не согласна с указанным определением и Е. Н. Никифорова, указывая на неопределенность правового статуса документов планирования [3, с. 43].

По мнению С. С. Кустова, сами акты стратегического планирования, перечисленные в Федеральном законе № 172-ФЗ (стратегии, доктрины, планы, прогнозы, программы), не являются нормативными правовыми актами с присущими им признаками, в отличие от актов, которыми они утверждаются: Указов Президента Российской Федерации, Постановлений Правительства Российской Федерации и т. д., что влечет возникновение вопроса о юридической силе таких актов [8, с. 73]. Н. А. Власенко заявляет о недопустимости понимания правового статуса актов стратегического планирования на основе формы нормативного правового акта, которым происходит их утверждение [9, с. 49].

В то же время А. Д. Савченко обращает внимание, что после официального утверждения стратегии у всех субъектов, участвующих в ее реализации, возникают соответствующие права и обязанности, вследствие чего можно сделать вывод о том, что у стратегии появляются черты нормативного правового акта [10, с. 7], а Д. А. Афиногенов и В. В. Воронин обращают внимание на то, что от вида нормативного правового акта, утверждающего акт стратегического планирования, зависит значимость его регулирующего воздействия [11, с. 14].

В пользу нормативности правовой природы актов стратегического планирования говорят и конституционные положения. В силу статьи 90 Конституции Российской Федерации указы и распоряжения Президента Российской Федерации, становятся обязательными для исполнения на всей территории Российской Федерации. Следовательно, документы стратегического планирования, утвержденные актами Президента Российской Федерации, приобретают общеобязательный характер. Кроме того, из общих положений норм теории государства и права также следует, что юридическая сила приложений и законодательного акта, к которому они относятся, одинакова.

Такова правовая позиция и Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрению которой подлежат дела в порядке административного судопроизводства об оспаривании программ и планов, являющихся приложением к утверждающим их нормативным правовым актам (например, апелляционное определение от 29.01.2020 № 4-АПА19-43 [12], апелляционное определение от 13.11.2019 № 44-АПА19-33 [13], апелляционное определение от 26.04.2016 № АПЛ 16-111 [14]).

Анализируя положения отдельных документов, входящих в систему документов стратегического планирования, а также содержание статьи 3 Федерального закона № 172-ФЗ, можно выявить ряд общих специфических признаков, присущих данному виду документов и отличных от иных нормативных правовых актов:

- 1) нацеленность — определяют основные цели развития публичного образования;
- 2) временная определенность — рассчитаны на реализацию в течение заранее определенного периода времени;
- 3) ресурсообеспеченность — принимаются с учетом имеющихся в наличии финансовых, производственных, материальных, кадровых, временных и иных возможностей;
- 4) плановость — разрабатываются с учетом точно сформулированных предполагаемых плановых показателей и критериев;

- 5) специфическая процедура принятия — обязательность вынесения на общественное обсуждение;
- 6) проблемность — направлены на решение наиболее острых проблем публичных образований;
- 7) концентрация — сосредоточены на наиболее значимых перспективах развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований;
- 8) рамочность — определяет рамки для планирования и принятия текущих решений;
- 9) взаимосвязанность — соотнесение планов развития различных отраслей, что позволяет определить общие принципы развития публичного правового образования;
- 10) специальное наименование (программа, план, стратегия, и т. д.);
- 11) в содержании преобладают нормы-задачи, нормы-принципы, нормы-цели;
- 12) межотраслевой правовой характер;
- 13) комплексный объект регулирования;
- 14) предполагают согласованную направленную деятельность субъектов регулируемых правоотношений.

Из перечисленных признаков следует, что целевым назначением актов стратегического планирования в силу конституционно-правового характера является направленное улучшение правового состояния государства, деятельности общественных институтов и жизни граждан. В настоящее время эффективно выстраиваемая в Российской Федерации система стратегического планирования предназначена решать важнейшие вопросы улучшения качества жизни населения, повышения темпов роста экономики и гарантии безопасности страны, т. е. того, что составляет приоритеты развития правового государства.

Заслуживает внимания тот факт, что в зарубежных странах разработка документов стратегического планирования происходит по инициативе институтов гражданского общества, и разработанный таким образом документ становится одним из средств общественного контроля за функционированием органов государственной власти [15, с. 76]. Как залог принятия обществом разрабатываемых стратегий развития в России А. Л. Дашиева также считает необходимым информирование населения о целевой направленности разрабатываемых стратегических документов, об их важности для каждого жителя, возможность получения обратной связи от населения, анализ поступающих замечаний и предложений [16, с. 150]. При этом рост уровня и качества жизни населения должен являться общей ведущей целью принимаемых актов стратегического планирования. По результатам правового исследования Национального исследовательского университета Высшей школы экономики разрабатываемые за рубежом акты стратегического планирования являются важнейшими нормативными правовыми актами, определяющими политический и экономический курс развития государства [17, с. 15].

В литературе встречается мнение о том, что сутью планирования является формулирование целей и способов их реализации, что позволяет исследовать государственное и муниципальное планирование как способ достижения конституционных приоритетов, наиболее важными из которых являются права и свободы граждан, гарантом соблюдения которых выступает государство [18, с. 72]. При этом государственное стратегическое планирование основано как на конституционных нормах, так и на иных нормах законодательства, принятых во исполнение Конституции Российской Федерации.

Таким образом, с учетом выявления особой категории нормативных правовых актов — актов стратегического планирования можно сделать следующие выводы:

- 1) легальное понятие «документа стратегического планирования», закрепленное в статье 3 Федерального закона № 172-ФЗ, не является точно определенным, не содержит отличительных признаков документа стратегического планирования от иных актов, принимаемых органами власти, в связи с чем определение понятия «акт стратегического планирования» подлежит уточнению;
- 2) наличие отличительных признаков документов стратегического планирования позволяет сделать вывод о необходимости систематизации данных актов, их упорядочивания и структуризации, утверждения правил их разработки, срока принятия, процедуры рассмотрения и утверждения, а также закрепления норм об ответственности за их реализацию, поскольку действующий в настоящее время Федеральный закон № 172 сконцентрирован на закреплении полномочий различных органов власти, в то время как не решены вопросы о системе ответственности за выполнение принимаемых актов стратегического планирования.

рования, отсутствии взаимосвязанности индикаторов достижения планов, не в полной мере разработана система контроля за выполнением актов стратегического планирования, в связи с чем в Федеральный закон № 172 необходимо внести изменения, дополняющие соответствующие единые нормы в отношении разработки актов стратегического планирования;

- 3) исторические предпосылки появления плановой стратегии развития государства обусловили принятие актов, закрепляющих цели, задачи, принципы приоритетных направлений развития различных областей общественной жизни и государства. С учетом того, что Российская Федерация является социальным государством в силу части 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации, государственное планирование служит способом достижения целей социального государства, в связи с чем необходимо закрепить в качестве принципа государственного стратегического планирования реализацию конституционных целей, поскольку оно направлено на решение наиболее важных вопросов, связанных с основным курсом развития социального, правового, демократического государства, гарантией прав и свобод всех субъектов.

Библиографический список

1. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М., 2017.
2. Залоило М. В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4.
3. Никифорова Е. Н. Правовые аспекты стратегического планирования в Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 1; 2009. № 1. Ст. 2; 2014. № 9. Ст. 851.
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
6. Залоило М. В. Опережающий характер Правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9.
7. Молчанов Н. А., Егоров В. П., Матевосова Е. К. Новые аспекты правового регулирования государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2.
8. Кустов С. С. Стратегическое планирование инвестиционной политики субъектов Российской Федерации: на материалах Сибирского федерального округа // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития : сб. ст. по итогам Новосиб. междунар. юрид. форума (22–24 мая 2019 г.) : в 2 ч. / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Ч. 2 / под ред. Д. А. Савченко, О. Н. Шерстобоева, А. А. Макарецва. Новосибирск, 2019.
9. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8.
10. Савченко Д. А. Правовая природа стратегии регионального развития // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития : сб. ст. по итогам Новосиб. междунар. юрид. форума (22–24 мая 2019 г.) : в 2 ч. / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Ч. 2 / под ред. Д. А. Савченко, О. Н. Шерстобоева, А. А. Макарецва. Новосибирск, 2019.
11. Афиногенов Д. А., Воронин В. В. Роль документов стратегического планирования: правовые аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 2.
12. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 № 4-АПА19–43 «Об оставлении без изменения решения Московского областного суда от 15.08.2019, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими отдельных положений государственной программы Московской области «Экология и окружающая среда Подмосковья» на 2017–2026 годы, утв. постановлением Правительства Московской области от 25.10.2016 № 795/39 // КонсультантПлюс. (дата обращения: 28.02.2020).

13. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 13.11.2019 № 44-АПА19–33 «Об оставлении без изменения решения Пермского краевого суда от 14.06.2019, которым отказано в удовлетворении административного иска о признании не действующим в части Приложения к постановлению правительства Пермского края от 30.10.2017 № 879-п «О внесении изменений в Постановление Правительства Пермского края от 27.10.2009 № 780-п «Об утверждении Схемы территориального планирования Пермского края» // Консультант-Плюс (дата обращения: 28.02.2020).

14. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26.04.2016 № АПЛ 16–111 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № АКПИ15–1263, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим подпункта «б» пункта 1 Изменений, которые вносятся в схему территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта) и автомобильных дорог федерального значения, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 марта 2013 г. № 384-р, которые утв. распоряжением Правительства РФ от 14.07.2015 № 1361-р // КонсультантПлюс (дата обращения: 28.02.2020).

15. Шибиченко Г. И. Зарубежный опыт стратегического планирования развития муниципального образования // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 14.

16. Дашиева А. Л. Стратегическое планирование в муниципальном образовании // Молодой ученый. 2010. № 4.

17. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (часть 2) / А. В. Клименко, В. А. Королев, Д. Ю. Двинских, Н. А. Рычкова, И. Ю. Сластихина. М., 2016. 40 с.

18. Курбатов И. А. Конституционные основы государственного планирования: системно-логический анализ // Успехи современной науки. 2016. № 10.

УДК 343.115
ББК 67.410.2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ КАК КОМПОНЕНТА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Н. А. Дудко¹, А. Р. Прусс²

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

² Алтайский краевой суд (Барнаул, Россия)

Имплементация идеи устойчивого развития предполагает осуществление государством комплекса мер в социальной и политической сферах общества. Показателями прогресса в достижении этой цели являются уровень реализации прав и свобод граждан, развития правовой культуры, правовой грамотности, а также формирование правового государства и гражданского общества, диалога между ними. Одним из способов такого взаимодействия между государством и обществом в Российской Федерации является суд с участием присяжных заседателей. Несмотря на длительный срок существования этого социального и правового института, его правовое регулирование не является стабильным и осуществляется в отсутствие выработанной законодателем концепции развития. Очередные предполагаемые в 2020 г. изменения коснутся подсудности составов преступлений суду с участием присяжных заседателей. В связи с этим вопросы нормативно-правовой регламентации и организации деятельности суда с участием присяжных заседателей продолжают вызывать науч-

ный интерес и являются актуальными. Авторами исследованы нормативно-правовые акты, мнения ученых по этому вопросу, статистические сведения и судебная практика. На основе их анализа и с учетом практических данных сформулированы предложения по дальнейшему совершенствованию правовой основы суда с участием присяжных заседателей как компонента устойчивого развития Российской Федерации.

Ключевые слова: суд присяжных, правовое государство, гражданское общество, устойчивое развитие.

LEGAL REGULATION OF THE COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS AS A COMPONENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIA

N. A. Dudko¹, A. R. Pruss²

¹ *Altai State University (Barnaul, Russia)*

² *Altai Regional Court (Barnaul, Russia)*

The implementation of the idea of sustainable development implies the implementation by the State of a set of measures in the social and political spheres of society. Indicators of progress towards achieving this goal are the level of realization of citizens' rights and freedoms, the development of legal culture, legal literacy, as well as the formation of the rule of law State and civil society and dialogue between them. One way of such interaction between the State and society in the Russian Federation is through jury trials. Despite the long period of existence of this social and legal institution, its legal regulation is not stable and is carried out in the absence of the concept of development developed by the legislator. The next changes proposed in 2020 will affect the jurisdiction of the crimes to the court with the participation of jurors. In this regard, issues of regulatory and legal regulation and organization of the activities of the jury court continue to be of scientific interest and are relevant. The authors studied normative and legal acts, opinions of scientists on this issue, statistical information and court practice. On the basis of their analysis and taking into account practical data, proposals have been formulated to further improve the legal basis of the jury court as a component of the sustainable development of the Russian Federation.

Keywords: Jury trial, rule of law, civil society, sustainable development.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.5](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.5)

Развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности, определяется понятием «устойчивое развитие», введенным в широкое употребление Международной комиссией по окружающей среде и развитию в 1987 г. [1].

Формирование содержания этого понятия осуществлялось длительный период и продолжается до настоящего времени, что связано с его комплексным характером. Важнейшим международным актом в области определения понятия «устойчивое развитие» и его содержания стала Декларация по окружающей среде и развитию, принятая на Конференции Организации Объединенных Наций 14 июня 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро. Основанная на общих принципах международного права Декларация определила концептуальный подход к понятию устойчивого развития, провозгласив основные 27 рекомендательных принципов его достижения человеческой цивилизацией [2]. Установив общие черты модели концепции устойчивого развития, мировое сообщество исходило из самостоятельного решения государствами поставленных задач перехода к устойчивому развитию, с учетом особенностей каждого из них. В связи с этим указанные международные принципы получили закрепление и дальнейшее развитие в национальном законодательстве многих стран, оказав существенное влияние на правотворчество в области экономики, охраны окружающей среды, а также в социальной и правовой сферах жизни общества.

Принципиальные основы перехода Российской Федерации к устойчивому развитию определены Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [3]. Государственное управление процессом перехода к устойчивому развитию предполагает, во-первых, разработку системы программных и прогнозных документов. Создание правовой основы перехода к устойчивому развитию, включая совершенствование действующего законодательства, образует одно из *основных направлений* перехода России к устойчивому развитию. Во-вторых, государству и его органам отводится ведущая роль в создании условий, обеспечивающих решение задач устойчивого развития. К таким *основным условиям* относится обеспечение прав и свобод граждан, показатель которого образует степень реализации прав человека.

Важным институтом гражданского общества, показателем уровня правовой культуры, грамотности, активности участия граждан в делах государства является суд с участием присяжных заседателей.

Посредством рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей реализуется не только право граждан на участие в осуществлении правосудия, но и право обвиняемого на выбор формы судебного производства. Закрепление этого права в Конституции Российской Федерации 1993 г. [4] — результат многолетних дискуссий о необходимости и целесообразности суда с участием присяжных заседателей. Суд присяжных — это сложная форма судебного производства, для применения которой требуются не только практические навыки, но и теоретическое понимание уголовно-процессуальных норм и институтов [5, с. 4]. В связи с этим выявляемые в ходе теоретических исследований и практической деятельности проблемы суда с участием присяжных заседателей не утрачивают актуальности и в настоящее время в связи с его дальнейшим реформированием.

Базовым и наиболее сложным является вопрос о том, какие уголовные дела могут рассматриваться с участием присяжных заседателей. Важно не допустить ошибку в установлении надлежащей подсудности уголовного дела. Необходимо учитывать не только то, что предметная подсудность сочетается с подсудностью по составу суда, но и наличие ходатайства обвиняемого о рассмотрении его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. При определении подсудности уголовного дела суду присяжных следует руководствоваться общими положениями института подсудности, нормами Конституции РФ и правовыми позициями Конституционного Суда РФ. Статья 47 Конституции РФ: «Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Постановление Конституционного Суда РФ № 3-п от 2 февраля 1999 г.: подсудность дел должна определяться законом, закрепляющим *критерии*, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком конкретном суде подлежит рассмотрению то или иное уголовное дело [6]. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П: дифференциация подсудности уголовных дел может осуществляться федеральным законодателем по признаку наиболее строгого наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни [7].

Действительно, законодательно должны быть закреплены четкие критерии (общие правила) для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Например, в качестве такого критерия могут быть использованы характер и степень общественной опасности деяния (тяжкие и особо тяжкие преступления).

За период действия УПК РФ с 2002 г. число составов преступлений, подсудных суду присяжных, существенно сократилось. Например, сокращение подсудности суда присяжных было закреплено в Федеральном законе от 30 декабря 2008 г. № 321 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам противодействия терроризму» [8] и Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [9]. Из подсудности суда с участием присяжных заседателей были выведены составы тяжких и особо тяжких преступлений против общественной безопасности (ст. 205, ч. 2–4 ст. 206, ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 212 УК РФ), против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 275, 276, 278, 281 УК РФ), а также против половой свободы и половой неприкосновенности личности (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134 УК РФ).

Дополнительно еще больше сократилась подсудность суда присяжных после принятия Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 217 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-про-

цессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» [10]. Значительная часть составов преступлений из краевого (областного) суда были переданы в подсудность районных судов, в которых суд присяжных не действовал. Одновременно в праве на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей были ограничены женщины; мужчины, достигшие возраста 65 лет; лица, чья преступная деятельность была пресечена на стадии приготовления или покушения, а также несовершеннолетние [11–13].

Таким образом, с 2008 г. подсудность суда с участием присяжных заседателей сократилась более чем в два раза. Считаем, что значительное сокращение подсудности уголовных дел суду присяжных было необоснованным. Сокращение подсудности повлекло и существенное сокращение количества дел, рассмотренных в такой форме. Этот вывод подтверждается данными судебной статистики, опубликованной Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ за период с 2009 по 2016 гг. Так, если в 2009 г. правом на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей воспользовались 1311 лиц по 608 уголовным делам, то в 2016 г. — 423 лица по 242 уголовным делам [14].

Вопрос о необходимости увеличения количества составов преступлений, подсудных суду с участием присяжных, дважды (2014, 2019 гг.) обсуждался с участием Президента РФ, Совета по развитию гражданского общества и правам человека, Уполномоченных по правам человека. По результатам обсуждения Президент РФ утвердил поручения по совершенствованию законодательства, в которые было включено и требование об увеличении числа составов преступлений, подсудных суду с участием присяжных заседателей [15, 16].

В соответствии с поручениями Президента РФ от 8 декабря 2015 г. Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 190 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения институт присяжных заседателей» [17] с 1 июня 2018 г. суд присяжных был введен в районных судах, гарнизонных военных судах. Поручения Президента от 29 января 2020 г. будут выполнены в текущем 2020 г.

Эффективность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей районными судами в полной мере пока еще сложно оценить. Согласно данным судебной статистики, в России в 2018 г. с участием присяжных заседателей районными судами рассмотрено 91 дело в отношении 103 лиц, в 2019 г. — 474 дела в отношении 585 лиц [18], что в сравнении с общим количеством рассмотренных районными судами уголовных дел составляет крайне незначительную часть.

Анализ изменений уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод об их непоследовательности и противоречивости. С учетом этого необходима разработка единой концепции уголовной и уголовно-процессуальной политики [19, с. 127], определяющей стратегию дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства [20, с. 69]. Единая концепция уголовно-процессуальной политики необходима и для дальнейшего развития и совершенствования суда присяжных.

Относительно расширения подсудности суда с участием присяжных заседателей и возможности рассмотрения ими уголовных дел по преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности, а также против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления («должностным» преступлениям), Президентом РФ на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека было высказано суждение об отсутствии препятствий для этого [21]. 29 января 2020 г. Президент РФ подписал поручения, согласно которым Верховному Суду РФ рекомендовано до 1 июня 2020 г. рассмотреть вопросы о дополнительном расширении перечня составов преступлений, дела о которых подсудны суду с участием присяжных заседателей [16].

Указанное направление развития уголовно-процессуального законодательства было также обозначено Председателем Верховного Суда РФ В. М. Лебедевым на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации 11–12 февраля 2020 г. По мнению В. М. Лебедева, с учетом наличия у судов РФ достаточного опыта рассмотрения дел с участием присяжных заседателей возможно «распространить эту процедуру на рассмотрение уголовных дел обо всех особо тяжких преступлениях и о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, в материалах которых отсутствуют сведения о государственной тайне» [18].

Несмотря на то, что конкретных законопроектов на рассмотрение в органы законодательной власти еще не внесено, предложение Председателя Верховного Суда РФ получило положительный отклик со стороны профессионального сообщества [22].

Реализация поручений Президента РФ может стать очередной попыткой законодателя улучшить деятельность суда с участием присяжных заседателей, подчеркнуть его конституционно-правовую значимость. Однако указанные предложения требуют не только разрешения проблем экономического и организационного характера, которые объективно усложняют процесс рассмотрения уголовного дела в этой форме судебного производства. По нашему мнению, необходимость комплексного подхода к вносимым изменениям является бесспорной. Наши выводы о путях совершенствования суда присяжных основаны на результатах ранее проведенных исследований, а также имеющихся практических данных.

Являясь конституционным правом граждан, суд с участием присяжных заседателей представляется инструментом реализации государственной политики, а также показателем стремления государства к формированию устойчивого развития в социальной и правовой сферах общества. Условием эффективной деятельности суда присяжных является его надлежащее правовое обеспечение в рамках целостной концепции дальнейшего развития.

Полагаем необходимым:

- установить единый критерий включения составов преступлений в подсудность суда с участием присяжных заседателей с учетом характера и степени общественной опасности преступлений;
- скорректировать нормы УПК РФ для обеспечения реализации принципа юридического равенства при производстве по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей;
- определить конкретные условия ограничения права обвиняемого на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, исключая произвольное изъятие законодателем из подсудности отдельных составов преступлений;
- разрешить актуальные проблемы организации и деятельности суда с участием присяжных заседателей.

Сформулированные предложения по совершенствованию правовой основы суда с участием присяжных заседателей могут быть использованы в нормотворческой деятельности отечественного законодателя.

Библиографический список

1. Доклад 1987 года Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) при ООН «Наше общее будущее». URL: http://studme.org/297009/ekologiya/kontseptsiya_ustoychivogo_razvitiya_doklade_mkosr_nashe_obschee_budushee.
2. Декларация по окружающей среде и развитию, принятая на Конференции Организации Объединенных наций 14 июня 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.
3. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. Ст. 1572.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
5. Дудко Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в России : монография. Барнаул, 2013.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан». URL: <http://www.ksrf.ru>.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова». URL: <http://www.ksrf.ru>.

8. Федеральный закон от 30.12.2008 № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам противодействия терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 29.

9. Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (1). Ст. 6997.

10. Федеральный закон от 23.07.2013 № 217-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона 20 внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (1). Ст. 4050.

11. Дудко Н. А. О конституционном праве обвиняемых (женщин и несовершеннолетних) на суд присяжных // Известия Алтайского государственного университета. Серия «Право». 2016. № 3. С. 68–70.

12. Dudko N., Davidov S., & Neymark M. Protection of the constitutional rights of minors accused in the system of social security measures in cross border regions. Proceedings of the International Conference on Sustainable Development of Cross-Border Regions Economic, Social and Security Challenges (ICSDCBR 2019) — Articles Atlantis Press, 318. Retrieved from <https://www.atlantis-press.com/proceedings/icsdcbr-19/125922318>.

13. Прусс А. Р. О праве несовершеннолетних обвиняемых на выбор особого порядка судебного разбирательства // Российский следователь. 2017. № 21.

14. Данные судебной статистики (2009–2016). Форма № 1. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/>

15. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 года, подписанный Президентом РФ 8 декабря 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/>.

16. Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченными по правам человека, утвержденный Президентом 29.01.2020 № Пр-126. URL: <http://kremlin.ru/acts/>.

17. Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения институт присяжных заседателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (1). Ст. 3859.

18. Доклад Председателя Верховного Суда «Итоги деятельности судебной системы в 2019 году». URL: http://www.suprcourt.ru/press_center/news/28750/.

19. Кириллова Н. П., Смирнова И. Г. (2018). Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 12 (1).

20. Давыдов В. А., Качалова О. В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29.

21. Стенограмма заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 10.12.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62285>.

22. «Своевременно и необходимо» // Сайт Федеральной палаты адвокатов. URL: <http://fparf.ru/news/fpa/svoevremenno-i-neobkhodimo/>.

УДК 343.228
ББК 67.408.015

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СООТВЕТСТВИЯ МЕР ЗАЩИТЫ ХАРАКТЕРУ И ОПАСНОСТИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ

К. О. Коваленко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Соответствие защиты характеру и опасности посягательства является одним из самых спорных аспектов в науке уголовного права. Если общественно опасное посягательство или угроза его осуществления не были сопряжены с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, закон обязывает обороняющееся лицо избрать особую модель поведения в соответствии с ч. 2 ст. 37 УК РФ, а именно — найти такой способ отражения нападения, который будет соответствовать характеру и опасности посягательства.

Вместе с тем закон не содержит четких критериев определения мер защиты, что не только ограничивает граждан в возможности отражения посягательства, но и способствует вынесению приговоров, где действия обороняющегося лица неправильно квалифицируются либо как превышение пределов необходимой обороны, либо на общих основаниях. В науке уголовного права предлагаются разные подходы к решению проблемы — от установления каких-нибудь критериев до отказа от них (полностью беспредельная оборона).

Ключевые слова: уголовное право, необходимая оборона, условия правомерности, защита.

THE PROBLEMS OF DETERMINING THE CONFORMITY OF DEFENCE MEASURES WITH THE NATURE AND RISK OF ASSAULT BY THE JUSTIFIABLE DEFENCE

K. O. Kovalenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

The conformity of defence with the nature and risk of assault is one of the most controversial aspects in criminal law science. If a socially dangerous assault or threat of its implementation did not involve violence dangerous to the life of the defending person or another person, the law obliges the defending person to choose a special pattern of conduct in accordance with Part 2 of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely to find a way to repel the attack that will correspond to the nature and danger of the assault.

However, the law does not contain clear criteria for the determination of defence measures, which not only limits citizens «ability to repel assaults, but also promotes sentences where the actions of the defending person are incorrectly classified either as exceeding the limits of the justifiable defence or on general grounds. Criminal law science offers different approaches to solving the problem, from establishing some criteria to renouncing them (completely unlimited defence).

Keywords: criminal law, justifiable defence, conditions of legality, defence.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.6](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.6)

Пропорциональное, соизмеримое, соразмерное, подходящее — пожалуй, именно так можно охарактеризовать одно из условий правомерности необходимой обороны, относящееся к защите. Несмотря на то, что данный критерий присущ практически всем отраслям челове-

ской деятельности, в уголовном праве ему отведена особая роль при квалификации случаев осуществления необходимой обороны. Специфика соответствия мер защиты заключается в том, что оно применяется исключительно в случаях, когда совершается посягательство, не сопряженное с насилием, опасным для обороняющегося или другого лица, либо есть угроза применения такого насилия. Это законодательное требование содержится в ч. 2 ст. 37 УК РФ.

Соответствие мер защиты подразумевает избрание обороняющимся таких приемов, способов противодействия, которые фактически были бы аналогичны характеру и опасности посягательства. Явное превышение мер защиты может выражаться следующим образом.

Приговором судьи Индустриального районного суда г. Барнаула Белов А. В. был осужден по ч. 1 ст. 114 УК РФ. Судом установлено, что между Беловым, Павловым и неустановленным лицом произошла ссора, в ходе которой неустановленное лицо применило к Белову насилие, не опасное для жизни, а Павлов М. С. удерживал последнего за одежду. Белов, воспользовавшись принесенным с собой кухонным ножом, превышая пределы необходимой обороны, умышленно нанес Павлову один удар в область груди. Апелляционным определением приговор в части квалификации деяния оставлен без изменения [1].

Диспозиция ч. 1 ст. 37 УК РФ по своему содержанию довольно проста для понимания — человеческая жизнь провозглашается высшей ценностью, в связи с чем для ее защиты допускается причинение любого вреда в рамках остальных условий правомерности. В свою очередь, анализ положения ч. 2 ст. 37 УК РФ вызывает закономерные вопросы. Ссылаясь на недопущение превышения пределов необходимой обороны — совершение умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства, законодатель не счел необходимым определить эти критерии соразмерности, фактически предоставив оценку обстоятельств дела органам предварительного расследования и судам.

Не удивительно, что до сих пор отсутствует единое мнение относительно главного требования ч. 2 ст. 37 УК РФ. Конечно, не стоит оставлять без внимания и то, что само посягательство может быть выражено во множестве форм, однако оно далеко не всегда имеет насильственный характер, представляющий опасность для жизни кого бы то ни было.

Ситуация осложняется тем, что органы предварительного расследования и судьи нередко обходятся простым соотношением причиненного и предотвращенного вреда. Могут быть игнорированы действительно имеющие значение обстоятельства, не учтены ценность обороняемого объекта, поражающие свойства средств защиты и нападения, психическое отношение обороняющегося к совершаемому им деянию (в конце концов, лицо может неосторожно нарушить требование ч. 2 ст. 37 УК РФ) и прочие факторы.

В результате невинное лицо привлекается к уголовной ответственности якобы из-за того, что не сумело найти способ причинить вред преступнику в меньшей степени. Это несправедливо, учитывая, что последний избежит наказания и будет даже вправе рассчитывать на денежную компенсацию в размерах, которые каждый гражданин осилит.

Здесь стоит согласиться с тем, что в уголовный закон следует внести изменения, включить в него определенные параметры пределов защиты в зависимости от общественной опасности посягательства [2]. К сожалению, одни и те же обстоятельства обороняющихся правоохранительными органами и судами трактуются совершенно по-разному, поэтому уголовное законодательство остро нуждается в выработке соответствующих положений.

Так, А. Н. Попов полагает, что в законе должно быть определено, при каких условиях причинение смерти или тяжкого вреда здоровью признается правомерным, и оговорены случаи, когда причинение смерти или тяжкого вреда здоровью признается превышением пределов необходимой обороны посредством указания на категории преступления, предусмотренные в ст. 15 УК РФ. Категория преступления в обобщенном виде отражает характер и степень общественной опасности посягательства. Соответственно, чем более общественно опасно посягательство, тем выше санкция за него и тем более активные действия необходимо предпринимать для его отражения. Поэтому категория тяжести посягательства может служить критерием для определения возможного объема вреда при защите от него [3, с. 25].

Думается, ст. 37 УК РФ можно дополнить несколько иным образом — указать конкретные составы преступлений, предусмотренные Особой частью, и определить, представляет ли то или иное дея-

ние опасность для жизни или нет. Вместе с тем следует учитывать, что далеко не каждое преступное деяние может быть пресечено или отражено посредством необходимой обороны. Об этом, в частности, свидетельствует ряд составов преступлений антиконституционной, экономической направленности, а также против правосудия (ст. 146, 147, 170, 306 УК РФ и т. д.) — в этих случаях противоправное посягательство уже осуществлено, и надобность в необходимой обороне отпадает.

В ст. 37 УК РФ следует ввести следующие положения:

«1.1. Общественно опасное посягательство, опасное для жизни, или угрозу его применения характеризуют составы преступлений, объективная сторона которых обладает признаками деяний, предусмотренных ст. 105, 111, 162, 205, 295, 317... УК РФ.

2.2. Общественно опасное посягательство, не опасное для жизни, или угрозу его применения характеризуют составы преступлений, объективная сторона которых обладает признаками деяний, предусмотренных ст. 112, 115, 116, 119, 158, 161, ... УК РФ».

Конкретизация в указанной части, дополненная разъяснениями Верховного Суда РФ, должна способствовать упрощенному восприятию обстоятельств, при которых лицо причиняет вред преступнику в состоянии необходимой обороны.

Соответствие защиты характеру и опасности посягательства является основным препятствием для установления так называемой «беспредельной обороны», вопрос о которой нередко поднимается исследователями, нашедшими определенный смысл в декриминализации такого деяния, как превышение пределов необходимой обороны.

В. В. Диаконов отмечает, что нормы права о необходимой обороне недостаточно отвечают потребностям российского общества [4]. Он предлагает внести в ст. 37 УК РФ положение о допущении причинения смерти посягателю независимо от того, являлось ли само посягательство опасным для жизни обороняющегося или нет. Обосновано это тем, что человек, которому к спине приставляют нож, заранее не знает, собираются ли его убивать или же просто пугают. По его мнению, это приведет к снижению роста числа грабежей, разбойных нападений, убийств и т. п., поскольку преступник будет осведомлен о том, что он может лишиться жизни, даже если осуществляемое им посягательство незначительно по своей опасности. Соответственно, в ч. 2 ст. 37 УК РФ и определении чрезмерности обороны больше нет нужды.

У. У. Каримов полагает, что такое ограничение, как причинение вреда при необходимой обороне только от насильственных посягательств, создающих угрозу причинения тяжкого вреда, не соответствует как требованиям ст. 37 УК РФ, так и сущности института необходимой обороны [5, с. 175].

В ноябре 2019 г. лидер ЛДПР В. В. Жириновский заявил, что намеревается внести соответствующий законопроект на рассмотрение. Согласно проекту, текст статьи следует дополнить пунктом о том, что действия, предпринятые для защиты себя или своей семьи от насилия, угрозы его применения или для защиты имущества, не представляют собой превышение пределов правомерной защиты. По мнению В. В. Жириновского, действующая редакция ст. 37 УК РФ является причиной, по которой люди, защищавшие себя, свою семью или дом, привлекаются к уголовной ответственности. Также он полагает, что на данный момент система оценки исходящей от преступника угрозы слишком размыта [6].

С представленными позициями трудно согласиться, поскольку в данном случае игнорируется способность криминалитета удивительно быстро адаптироваться к любым изменениям в законодательстве. Прикрываясь состоянием необходимой обороны, преступники получают возможность безнаказанно расправляться с простыми гражданами и, возможно, представителями власти, оставаясь на свободе. Не исключен в принципе рост посягательств на жизнь, здоровье и имущество. Таким образом, полностью беспредельную оборону нельзя рассматривать как эффективное средство борьбы с преступностью.

Помимо этого, не учитывается моральная сторона вопроса. Причинение смерти другому лицу — тяжелое психологическое испытание для любого нормального человека, которое далеко не каждый преодолеет без определенных последствий. Да и как можно оправдать перевод в разряд непроступных деяний, например, убийство лица, намеревавшегося всего лишь разбить окна в чьем-нибудь автомобиле?

Именно для таких случаев критерий соответствия выступает важным ограничителем, не допускающим бесосновательно лишать жизни посягающих лиц. Жизнь человека — наивысшая ценность, и данное правило действует для того, чтобы избежать произвола в любой его форме.

Думается, проблема привлечения к уголовной ответственности лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны, кроется скорее не в недостатках конструкции нормы закона, а в ином аспекте — процессуальном, о чем было указано ранее. Приведем пример ошибки, допущенной судом при вынесении обвинительного приговора.

Постановлением Президиума Омского областного суда от 17 апреля 2017 г. был изменен приговор в отношении И., осужденного по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Его действия были переквалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Как установлено судом, причиной конфликта было противоправное поведение потерпевшего Х. А. Н., который, будучи в состоянии алкогольного опьянения оскорблял ранее незнакомую женщину — свидетеля И. А. И. После обращения свидетеля к осужденному последний, заступаясь за И. А. И., подошел к потерпевшему. Затем по инициативе потерпевшего Х. А. Н. оба они ушли за здание магазина, где потерпевший первым нанес осужденному И. несколько ударов рукой, причинив ушибы мягких тканей лица. В ответ на эти незаконные действия, явно превышая пределы необходимой обороны, защищаясь от насилия, не создающего угроз для жизни и явно не опасного для жизни, осужденный нанес удар потерпевшему ножом в живот, тем самым умышленно причинив тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека.

Суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что умышленные действия со стороны осужденного И., вооруженного ножом, причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, опасный для жизни человека, явно не соответствовали характеру и опасности посягательства. Кроме того, посягательство не было неожиданным для осужденного, и он мог объективно оценить степень и характер опасности нападения [7].

В данном случае суд первой инстанции, правильно установив фактические обстоятельства дела, неверно применил уголовный закон и квалифицировал действия осужденного, и это повлекло за собой значительное ухудшение положения последнего.

Отдельно следует рассмотреть указанный в диспозиции ч. 2.1 ст. 37 УК РФ признак неожиданности посягательства, который устраняет превышение пределов необходимой обороны для случаев, предусмотренных ч. 2 указанной статьи. Как следствие, лицо не может объективно оценить степень и характер нападения.

Л. обвинялся в убийстве С. при превышении пределов необходимой обороны. Судом было установлено, что он подвергся внезапному и неспровоцированному нападению со стороны С. Зная со слов свидетелей, что нападавший на него человек является наркоманом, будучи свидетелем агрессивного и неадекватного поведения потерпевшего и почувствовав боль от пореза, Л. обоснованно предположил, что в руках у нападавшего имеется острый предмет, предназначенный для лишения его жизни. При этом темное время суток, скоротечность возникшей ситуации, а равно ограниченность пространства и, как следствие, близость С., по мнению суда, создавали Л. препятствия в объективной оценке степени и характера опасности нападения. Суд указал на показательный факт того, что свои действия по защите от нападавшего Л. прекратил сразу же, как только С. фактически сообщил о прекращении своего противоправного посягательства. Л. был оправдан в связи с отсутствием в его действиях состава преступления [8].

Исходя из этого, становится понятно, что в основе определения неожиданности посягательства лежат объективный и субъективный критерии во взаимосвязи [9]. Если первый критерий включает в себя такие элементы, как место, обстановку посягательства, используемые орудия и т. д., то второй основывается на чувственном восприятии лицом нападения — страх, испуг, замешательство и т. п. Учитывается и возможный аффект, т. е. особое состояние человека, представляющее собой сильное кратковременное эмоциональное возбуждение, возникновение которого может быть как во время посягательства, так и после его окончания. Это необходимо для отграничения преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, от совершенных в состоянии аффекта, например, ч. 1 ст. 108 от ст. 107 УК РФ.

Стоит также отметить, что признак неожиданности посягательства является «законодательной новинкой» — предыдущие уголовные законы и Верховный Суд СССР не рассматривали его как обстоятельство, которое устраняет пределы превышения необходимой обороны. Только действующий УК РФ в 2003 г. установил неожиданность в качестве отличительного свойства посягательства. Это

породило ряд логичных вопросов — когда, при каких обстоятельствах нападение будет действительно внезапным. В п. 4 постановления Пленума от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» Верховный Суд РФ дал судьям возможность толкования неожиданности в зависимости от конкретных обстоятельств дела [10].

Таким образом, положение ч. 1 ст. 37 УК РФ допускает причинение вреда в любых пределах, если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В иной же ситуации такие действия обладают меньшей степенью общественной опасности, потому что отсутствует признак опасности для жизни, и лишение жизни в таком случае ничем не оправдано. Какие-либо изменения в части ответственности защиты характеру и опасности посягательства должны быть тщательнейшим образом основаны.

Библиографический список

1. Апелляционное определение суда апелляционной инстанции Алтайского края от 27.04.2017 № 22–1718/2017 по делу 1–70/2017 // Архив Алтайского краевого суда за 2017 г.
2. Смирнова Л. Н. Проблемы оценки правомерности необходимой обороны (по материалам судебной практики). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-otsenki-pravomernosti-neobhodimoy-oborony-po-materialam-sudebnoy-praktiki> (дата обращения: 06.05.2020).
3. Попов А. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / науч. ред. проф. Б. В. Волженкин. СПб., 1998.
4. Уголовное право России (Общая часть) : учебное пособие / В. В. Диаконов URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum104/> (дата обращения: 08.05.2020).
5. Каримов Т. У. Пределы необходимой обороны: основные научные концепции // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3.
6. Жириновский предложил изменить пределы самообороны. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ddb2b519a79477a92770754> (дата обращения: 10.05.2020).
7. Постановление Президиума Омского областного суда от 17.04.2017 № 44-У-47/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Справка по результатам изучения практики применения судами норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=445 (дата обращения: 07.05.2020).
9. Герасимова Е. В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-usloviyah-pravomernosti-neobhodimoy-oborony> (дата обращения: 10.05.2020).
10. Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: <https://rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html> (дата обращения: 08.05.2020).

УДК 342.41

ББК 67.3

ПРЕДТЕЧА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ИСТОРИОГРАФИИ КОМИТЕТА КОНСТИТУЦИОННОГО НАДЗОРА СССР (1988–1991)

М. А. Митюков¹, И. Ю. Остапович²

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия)

² Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)

Представлена беседа профессора Михаила Алексеевича Митюкова, участника Конституционного совещания (1993 г.), первого заместителя председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва (1994–1995 гг.), полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде РФ (1996–2005 гг.), Заслуженного юриста Российской Федерации, и доктора юридических наук Игоря Юрьевича Остаповича, профессора кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета.

Ключевые слова: Конституционное правосудие, Комитет конституционного надзора СССР, Конституция СССР, Конституция Российской Федерации 1993 г., становление конституционного правосудия на постсоветском пространстве.

FORERUNNER OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE POST-SOVIET SPACE: TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE COMMITTEE OF CONSTITUTIONAL SUPERVISION OF THE USSR (1988–1991)

M. A. Mityukov¹, I. Y. Ostapovich²

¹ Moscow State Law Institute University O. E. Kutafin (Moscow, Russia)

² Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia)

Presents the interview of Professor Mikhail Alekseevich Mityukova, a member of the constitutional Council (1993), first Deputy Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation (1994–1995), the Plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the constitutional Court (1996–2005), Honored lawyer of the Russian Federation and doctor of law Igor Yuryevich of Ostapovich, Professor of the Department of constitutional law of Ural state law University.

Keywords: Constitutional justice, the Committee of constitutional supervision of the USSR, the Constitution of the USSR, the Constitution of the Russian Federation in 1993, the formation of constitutional justice in the post-Soviet space.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.7](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.7)

Игорь Остапович (далее — И. О.): Уважаемый Михаил Алексеевич, в этом году отмечаем 30-летие со дня первого заседания Комитета конституционного надзора СССР (далее по тексту — ККН, Комитет). С Вашей легкой руки в свое время был запущен термин «предтеча» в отношении этого существовавшего когда-то органа. Вы как крупный российский ученый и практик в сфере конституционного правосудия, участник конституционного про-

цесса, общались и с председателем Комитета конституционного надзора членом-корреспондентом С. С. Алексеевым, и со многими членами этого Комитета. Помимо этого Вы известны как историк и библиограф конституционного правосудия. Что интересного хотели бы рассказать об этом органе? На что обратили бы внимание наших читателей?

Михаил Митюков (далее — М. М.): Действительно, Игорь Юрьевич, в то сложное для нашей страны время я трудился заместителем председателя в Комитете по законодательству Верховного Совета России, и наш Комитет, создавая российскую модель института охраны Конституции, а затем — проект закона о Конституционном Суде РСФСР, пристально присматривался и скрупулезно изучал практику только начавшего функционировать Комитета конституционного надзора. С учетом этого опыта «близкого наблюдателя» и моих исторических и библиографических пристрастий я отвечаю на поставленные вопросы.

Итак, 15 мая 1990 г. состоялось первое заседание Комитета конституционного надзора СССР. Хотелось бы обратить внимание наших читателей на то, что в целом, обобщенно, истории ККН посвящены лишь параграф «Обсуждение проблемы в конце 80-х гг. Комитет конституционного надзора», написанный Л. В. Лазаревым в совместном с В. А. Кряжковым учебном пособии (1998) [1, с. 41–44]; раздел в монографии «Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30 — начало 90-х гг. XX в.)», вышедшей в 2006 г. (М., с. 55–133); а документальной (в том числе — правовой) основе этой истории — раздел сборника «Отечественная конституционная юстиция: история и современность. Документы и материалы (1988–2010)», изданного А. А. Клишасом и С. М. Шахраем (М., 2010. С. 78–119). Первые же ретроспективные обзоры о ККН были созданы еще А. Бланкенегелем и Б. М. Лазаревым, буквально спустя несколько месяцев после прекращения его деятельности (1992 г.) [2, с. 13–16, 11–15; 3, с. 21–34]. Оценочные аспекты деятельности Комитета затрагивались в мемуарах М. С. Горбачева, А. И. Лукьянова, А. Д. Сахарова, Г. Х. Шахназарова [4, с. 491; 5, с. 175; 6, с. 425; 7, с. 623]. Затем лишь в конце 90-х А. М. Барнашов в своей статье попытался осмыслить его роль в правовой охране Конституции [8, с. 85–92].

И. О.: Насколько мне известно, и Вы немало работ посвятили деятельности Комитета конституционного надзора. И последние два десятилетия интерес к исследованию Комитета не утихает.

М. М.: Да, Вы правы. Научный интерес к Комитету конституционного надзора не утихает. В 2000-х гг. бывшие руководители этого института С. С. Алексеев и Б. М. Лазарев посвящают ему отдельные страницы в своих теоретических и историко-правовых монографиях [9, с. 352]. В новейшей же литературе обзор истории и анализ создания и деятельности ККН предпринят А. Мироненко, О. В. Брежневым и мною [10, с. 104–152, с. 31–56, с. 53–89, с. 14–39; 11, с. 133; 12, с. 211–216; 13, с. 81–94; 14, с. 52–55].

Исследования же последних двух десятилетий, помимо указанных публикаций, в основном касались важных, но частных вопросов: терминов в конституционном надзоре, особенностей статуса членов ККН СССР, влияния его заключений на развитие науки конституционного права в области прав человека в целом и на конституционное правосудие в частности, практики конституционно-надзорной деятельности [15, с. 371–372; 16, с. 18–21; 17, с. 31–34; 18, с. 20–22; 19, с. 81–87].

Библиография источников о ККН представлена развернутой рубрикой в специализированном издании «Библиография по конституционному правосудию», где суммарно на 1 января 2017 г. приведена 121 запись о научных и публицистических трудах, а также правовых и конституционно-надзорных актах. Их краткий анализ дан во вводном очерке «Конституционное правосудие как направление конституционно-правовых исследований: опыт библиографического осмысления» и в ряде других статей [20, с. 48–49, с. 173–182, с. 86–95; 21, с. 6, 75; 22].

И. О.: Известно, что значительный вклад в науку и практику становления и развития деятельности конституционного правосудия в России внесла Уральская научная школа. В частности, важную роль в развитии конституционной юстиции сыграл выдающийся советский и российский ученый, почетный профессор Уральского государственного юридического университета С. С. Алексеев, который был назначен Председателем ККН.

М. М.: Разумеется. Следует упомянуть, что в познании истории ККН определенную роль играет и мемуарная литература персон, творивших его историю, а также мемориальные работы об С. С. Алексееве, Б. М. Лазареве, М. И. Пискотине [23, с. 266–271; 24, с. 135; 25, с. 24; 26; 27, с. 478–

480]. К этому же спектру источников относятся и многочисленные интервью первого из них [28, 29; 30, с. 3–7] и его книга, вышедшая в 1997 г. [31, с. 326], а также некоторые юбилейные воспоминания известных тогда публицистов [32, 33]. Вместе с тем посвященных каждому из хронологических отрезков истории ККН специальных обобщенных трудов нет, о ней можно судить лишь на основе анализа массива литературы, правовых актов, архивных материалов, публицистики и мемуаров.

И. О.: Михаил Алексеевич, как Вы считаете, есть ли определенные этапы в развитии ККН? Можем ли мы их назвать?

М. М.: В истории ККН следует выделить несколько временных отрезков: 1) дискуссии об организационно-правовой форме охраны советской Конституции, учреждение (конституционное закрепление) ККН СССР с первой неудавшейся попыткой его формирования (1986 г. — 1 дек. 1988 г.); 2) разработка проекта и принятие Закона о конституционном надзоре в СССР, избрание руководителей и членов названного Комитета (1989 г. — 26 апр. 1990 г.); 3) специализированная конституционно-надзорная деятельность (май 1990–1991 гг.); 4) кризис конституционного надзора (авг. — дек. 1991 г.).

И. О.: Можно ли сказать, что ККН оказал влияние на дальнейшее развитие специализированных органов охраны конституции на постсоветском пространстве?

М. М.: Действительно, Комитет был предтечей не только российского конституционного правосудия, но и всех органов конституционного контроля на постсоветском пространстве. Это, по выражению С. С. Алексеева, «первая в нашей стране заявка на конституционное правосудие» [34, с. 322]. Несмотря на то, что опыт ККН по политическим причинам оказался недолговременным и не во всем удачным, он явился определяющим в том, что охрана Конституции, обеспечение ее верховенства, прав и свобод граждан стали в последующем осуществляться в более совершенной организационно-правовой форме — конституционными судами либо советом, как в Казахстане (конституционной палатой при ВС в Киргизии и др.).

И. О.: Михаил Алексеевич, как относилось к таким новациям научное сообщество?

М. М.: О дискуссиях второй половины 80-х гг. свидетельствуют научные работы и обзоры [35, с. 42–50; 36, с. 29; 37, с. 28–30], а также научно-публицистические статьи того времени. В исследуемом плане интересны научные «поиски» активно действовавших тогда таких ученых, как С. С. Алексеев, Ю. М. Батулин, Д. А. Керимов, В. Н. Кудрявцев, Б. М. Лазарев, Л. В. Лазарев, Р. З. Лившиц, В. О. Лучин, Н. А. Михалева, Ж. И. Овсепян, В. М. Савицкий, А. Я. Слива, И. М. Степанов, Б. Н. Топорнин, В. А. Туманов, Ю. Л. Шульженко, А. И. Экимов, А. М. Яковлев [38, 39, с. 6–9; 40, 41; 42, с. 38–46; 43, с. 83–89]. Среди авторов и руководители правоохранительных органов, публицисты (В. И. Теребилов, С. Емельянов, Е. А. Смоленцев, Ф. М. Бурлацкий, А. Ваксберг и др.) [44–46; 47, с. 2; 48–52]. Для понимания ситуации тех лет важны и материалы Архива Президента Российской Федерации (фонд 3) и Российского государственного архива новейшей истории (фонд 2). Это стенограммы майского и июльского пленумов ЦК КПСС 1988 г., документы XIX Всесоюзной партийной конференции (1988 г.), дискуссии о национальной политике (1989 г.), об образовании ККН (1989–1990 гг.) и подготовке новой Конституции СССР, сводки предложений, замечаний, дополнений граждан к изменениям и дополнениям Конституции 1988–1990 гг.

Большим подспорьем для подтверждения многих фактов и выводов, касающихся конституционного строительства и места в нем идей конституционного надзора и конституционного контроля, являются мемуары. Особенно причастных к этим процессам государственных и политических деятелей — М. С. Горбачева, В. И. Воротникова, А. И. Лукьянова, А. Н. Яковлева, А. Е. Бовина, Ф. М. Бурлацкого, В. Б. Исакова, Г. Х. Шахназарова [53, с. 491; 54–56; 57, с. 319; 58, с. 410; 59, с. 623; 60]. Интересный материал о деятельности Комитета конституционного надзора СССР может быть почерпнут и из публицистических работ членов ККН — С. С. Алексеева, С. С. Босхолова, Б. М. Лазарева, М. И. Пискотина, Ю. К. Толстого [61–64; 65, с. 112; 66, с. 3–4; 67, 68; 69, с. 135; 70, с. 24], а также журналистов — О. Лациса, Ю. Феофанова, А. Степового, С. Чугаева, В. Щепоткина [71–73].

В этот период развиваются конституционно-правовые воззрения на специализированный конституционный надзор и конституционный контроль, на которые оказывают определенное влияние позиции правящих кругов КПСС, внутрипартийных и парламентских дискуссий, общественного мнения, политических и национальных движений и отдельных народных депутатов СССР.

И. О.: Можно ли сказать о том, что создание именно надзорного органа во многом определялось либо политическими или фракционными пристрастиями, либо интересами той или иной союзной республики или национального движения?

М. М.: Ряд доступных документов показывают в «диалектике» позиции «сановных» юристов — М. С. Горбачева, А. И. Лукьянова, Б. В. Кравцова, А. Я. Сухарева, государственных и партийных деятелей — Б. Н. Ельцина, Н. И. Рыжкова, Э. А. Шеварнадзе, В. А. Медведева и других, а также многих депутатов, как «доперестроечного» Верховного Совета СССР, так и Съезда народных депутатов СССР — Г. А. Арбатова, Г. Э. Бурбулиса, Ф. М. Бурлацкого, Г. Х. Попова, и других. Весьма интересны и воззрения народных депутатов СССР юристов — Ю. В. Голика, И. Н. Грязина, А. И. Казанника, А. А. Плотниекса, А. А. Собчака.

Исследуются и те причины, по которым законодатель, а точнее господствующая тогда КПСС и ее руководители, не пошли на создание судебного конституционного контроля, а ограничились конституционным надзором. И прослеживается трансформация воззрений политиков, юристов и публицистов в направлении материализации идеи конституционного правосудия. Сначала предполагалось, что она реализуется в новой Конституции СССР, затем ее связывали с будущим Союзным договором.

И. О.: И все-таки итогом реформы стала реализация идеи создания Комитета конституционного надзора СССР. Если проанализировать поправки 1988 г. в Конституцию СССР, то учреждался не орган контроля, а орган конституционного надзора. Он наделялся, главным образом, надзорно-консультативными функциями и не имел права отмены каких-либо актов, не соответствующих Конституции и законам.

М. М.: Начиная с 1986 г. в противоборстве различных предложений, представляющих конгломерат идей общего и специализированного конституционного надзора и контроля, последовательно выкристаллизуются идеи охвата этими методами ведомственных актов и инструкций, в широком плане — подзаконных актов [74; 75, с. 154–155], а затем и законов и действий должностных лиц. В качестве инструментария отдельные ученые видят суды общей юрисдикции, Верховный Суд СССР [76, с. 32–33; 77; 78, с. 18–19; 79, с. 29], специальный консультативный орган конституционного надзора [80, с. 84], Конституционный совет при Верховном Совете СССР [81], Конституционный суд [82, с. 44; 83; 84, с. 177].

Позже в литературе констатируется, что в начале 1988 г. «в советской правовой доктрине четко определилось направление развития конституционного контроля (надзора) по линии эффективного использования контрольных возможностей высшего представительного органа государственной власти и расширения компетенции Верховного Суда в области конституционного надзора. Создание самостоятельного Конституционного Суда рассматривалось не как практическая задача, а как одна из гипотетических перспектив развития конституционного контроля. Вопрос о специализированном конституционном надзоре (контроле) был лишь одним из составляющих элементов широкой дискуссии в стране о демократизации общества, создании «социалистического правового государства».

Этот вывод значительно корректируется в ходе подготовки и проведения в этом же году Всесоюзной партийной конференции и ряда пленумов ЦК КПСС, что подтверждается опубликованными, а также архивными источниками. Если в тезисах к названной конференции провозглашаемая идея верховенства закона не была подкреплена необходимостью установления специализированного конституционного надзора (контроля), то по результатам их обсуждения в печати была повторена идея образования реальной системы правовой охраны Конституции, а в качестве одного из ее элементов — специализированных органов конституционного контроля типа конституционного суда или конституционного совета, при этом обосновывая необходимость их определенной зависимости от парламента. В ином направлении размышляли 97 сотрудников Кольского филиала АН СССР, предложив «рассмотреть вопрос о создании в стране независимого Конституционного суда, избираемого народом из числа выдающихся представителей общественности». Новый судебный орган, по их мнению, следовало бы наделять правом опротестовывать и отменять законы, иные нормативные акты, противоречащие Конституции СССР. Отстаивалась и точка зрения о целесообразности наделяния высших судебных органов Союза и союзных республик правом на консультативные заключения о конституционности, для чего предлагалось в составе названных судов образовать специальные коллегии. Заключения последних подлежали направлению на рассмотрение высшего органа государственной власти, который принимал бы окончательное решение [85; 86, с. 10].

На самой конференции идея «независимого конституционного суда» выдвигалась лишь Эстонской республиканской партийной организацией и не обсуждалась. Был поддержан основанный на концепции соединения Советами законодательных, распорядительных и контрольных функций тезис доклада М. С. Горбачева: «Встает вопрос и о создании в структуре верховной власти такого органа, как Комитет конституционного надзора, избираемый Съездом народных депутатов СССР. Он следил бы за соответствием наших законов и других правовых актов Основному Закону страны, и был бы наделен для этого достаточными полномочиями» [87, с. 60, 74–77]. В согласии с этим XIX партконференция в резолюции «О правовой реформе» рекомендовала, что «в целях обеспечения строгого соответствия законов и постановлений правительства требованиям Конституции СССР было бы полезно учредить комитет конституционного надзора...» (п. 3).

И. О.: Какая же в дальнейшем продолжалась дискуссия вокруг конституционного надзора в рамках анализируемого хронологического отрезка?

М. М.: Дискуссия в этот период оказалась многосюжетной, обусловленной крупнейшими политическими событиями: 1) обсуждением и принятием Закона СССР от 1 декабря 1988 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР», учредившего ККН СССР (22 окт. — 1 дек. 1988 г.); 2) подготовкой к I Съезду народных депутатов СССР, планируемому и неудавшимся формированием состава ККН (май-июль 1989 г.); 3) подготовкой и проведением сентябрьского (1989 г.) Пленума КПСС, посвященного платформе «Национальная политика партии в современных условиях». Они становились поводом для активизации либо возобновления перманентной дискуссии о конституционном надзоре или контроле, внося в нее иногда новые нюансы, обусловленные изменением политической ситуации.

Каждое из этих событий, в том числе в ракурсе упомянутой дискуссии, запечатлено как в официально опубликованных [88, с. 16–18; 89, с. 127–128, 141, 158, 159–160], так и в хранящихся в архивах стенографических отчетах и обзорах [90–92], некоторых документальных сборниках и дневниках [93, с. 43–33; 94, с. 269–270], газетных и журнальных статьях того времени [95, 96; 97, с. 50–51; 98, с. 13–14; 99, с. 59; 100, с. 3–4; 101–103; 104, с. 37], а позднее — в отдельных монографиях [105, с. 27; 106, с. 140; 107, с. 65–78].

И. О.: А как обстояли дела в сфере разработки и обсуждения законодательства о Комитете?

М. М.: Первоначально идея ККН была воплощена в разработанном в ЦК КПСС проекте Закона СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР», опубликованного 22 октября 1988 г. для всенародного обсуждения. Согласно ему ККН должен избираться Съездом народных депутатов СССР из числа специалистов в области политики и права в составе председателя, заместителя председателя и 13 членов комитета сроком на десять лет. Объем полномочий Комитета сводился к даче заключений на проекты законов, а также актов Верховного Совета СССР и его палат, нормативных актов других государственных органов и общественных организаций. Ориентиром для надзора определялась Конституция, законы, принятые Съездом народных депутатов, а в некоторых случаях — и законы, принятые Верховным Советом СССР. В отношении конституций и законов союзных республик, постановлений правительств СССР и союзных республик предполагалось, что ККН будет «осуществлять наблюдение». Проект не включал ККН в число субъектов права законодательной инициативы и не предусматривал в нем представительства союзных республик.

И. О.: Как отреагировал научный мир к оценке проекта и перспективам конституционного надзора в стране?

М. М.: В развернувшейся в печати дискуссии обозначились несколько подходов. Одни авторы полагали, что в обсуждаемом проекте «неоправданно сужена» компетенция ККН «до юрисконсультских функций» [108]. Другие считали, что в соответствии с мировой практикой целесообразно создание конституционных судов, а не надзорных комитетов [109]. И, наконец, высказывалось мнение о том, что главное — не в характере создаваемого органа, а в его компетенции. В частности, В. М. Савицкий, считая создание ККН «важной и очень нужной мерой», настаивал на расширении объектов конституционного надзора и круга субъектов обращения в ККН, полагая, что в их число должны быть включены и Верховный Суд СССР, Генеральный прокурор, общественные организации, АН СССР, а в конечном итоге все субъекты права законодательной инициативы, также граждане. Полагал, что членами ККН должны быть только специалисты в области права, в том числе представители союзных республик, с распространением на них депутатского иммунитета [110].

Таким образом, создание специализированного конституционного надзора (контроля) стало увязываться не только с проблемой обеспечения верховенства Конституции, но и федерализма в стране, о чем поспешил заявить М. С. Горбачев на заседании Президиума Верховного Совета СССР 26 ноября 1988 г.

И. О.: То есть официально конституционный надзор был назван одним из основных элементов не только политической, но и правовой реформы. Михаил Алексеевич, расскажите, как дальше развивались события вокруг обозначенных законопредложений?

М. М.: К концу ноября проект анализируемого закона под влиянием состоявшейся дискуссии, а также противодействия со стороны партийных функционеров был скорректирован в направлениях: 1) расширения количественного состава ККН с 15 до 23 человек с представительством от каждой союзной республики и распространения конституционного надзора на распоряжения Совета Министров СССР и Советов министров союзных республик и на все акты других государственных органов и общественных организаций; 2) обеспечения соответствия конституций и законов союзных республик Конституции и законам СССР; 3) создания «дуалистического» конституционного надзора (сочетания «парламентского» надзора Верховного Совета СССР и его Президиума, а также специализированного в виде ККН) [111, с. 56–50].

Последнее направление было четко подчеркнуто М. С. Горбачевым на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва тезисом, что контрольные функции в полной мере будут присущи самому Верховному Совету. При этом им эклектично замечалось, что конституционный надзор мыслится как элемент «сдержек и противовесов» в структуре государственной власти [112, с. 16–18]. Отсюда был очевиден вторичный и производный характер замышляемого специализированного конституционного надзора от полномочия представительных органов законодательной власти, а подспудно — от высшего партийного контроля.

Верховный Совет СССР в целом согласился с предлагаемой конституционной регламентацией ККН, сочтя необходимым ее дополнить предоставлением высшим органам государственной власти союзных республик права обращаться в этот орган, а самому Комитету — права законодательной инициативы.

И. О.: Поднимался ли вопрос о наделении граждан правом обращения в Комитет?

М. М.: Да, такие предложения звучали.

И. О.: Какие еще интересные новации того периода звучали?

М. М.: В качестве отголосков ранее состоявшихся дискуссий на сессии Верховного Совета были предложения о создании подобных органов в республиках, более четком разграничении функций и полномочий Верховного Суда, Прокуратуры и ККН, предании «реальности» решениям последнего [113, с. 33–37, 47, 69, 77, 87, 96, 137, 145, 165, 166]. И, наконец, самым демократичным было мнение депутата В. С. Мавликова: избирать Комитет всенародным голосованием. Но оно было подвергнуто тогда критике в научной литературе, поскольку такой порядок, по мнению некоторых авторов, «поставил бы Комитет над Съездом, вошел бы в противоречие с принципом верховенства представительного органа, который обладает всей полнотой власти, в том числе в области конституционного контроля, правом принимать окончательные решения о конституционности законов» [114, с. 89–90]. Очевидно, что эта критика была основана на догматах господствовавшей в советское время доктрины верховенства представительных органов государственной власти.

И. О.: И что из предложенного нашло отражение в законодательстве?

М. М.: Принятый внеочередной сессией еще доперестроечного Верховного Совета СССР Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» учреждал новый государственный институт — Комитет конституционного надзора СССР. Ему посвящались отдельные положения статей 108, 114, 121 и целая развернутая статья 125 [115]. В соответствии с ними избрание этого органа являлось исключительным полномочием Съезда народных депутатов СССР и осуществлялось по предложению Председателя Верховного Совета СССР. Устанавливалась независимость лиц, избранных в него, при выполнении своих обязанностей и подчинение их только Конституции СССР. Определялось, что этот Комитет избирается сроком на десять лет из числа специалистов в области политики и права в составе Председателя, его заместителя и 21 члена, включая представителей от каждой союзной республики. При этом одновременно они не могли входить в состав органов, акты которых ему поднадзорны.

В Конституции СССР предусматривались полномочия Комитета, круг проектов и актов, поднадзорных ему, возможные инициаторы рассмотрения вопросов в ККН, правовой характер его заключений и представлений. Закреплялась норма о том, что организация и порядок деятельности ККН определяется Законом о конституционном надзоре в СССР.

ККН учреждался в качестве органа предварительного и последующего конституционного надзора, решения которого не являлись окончательными. Последнее слово принадлежало представительному и законодательному органу государственной власти, а в некоторых случаях — высшему исполнительному органу государственной власти. Поэтому вполне естественно, что за Президиумом Верховного Совета СССР закрепилось право осуществлять контроль за соблюдением Конституции СССР и обеспечивать соответствие конституций и законов союзных республик Конституции и законам СССР.

И. О.: По сути, Президиум Верховного Совета СССР не собирался расставаться с теми полномочиями, которыми он был наделен. Возможно, это повлияло на такие скромные компетенции ККН? На сегодняшний день как бы Вы оценили правовую природу ККН?

М. М.: По своей сущности был учрежден весьма противоречивый институт конституционного надзора, в котором «отцы-учредители» попытались соединить два несовместимых конституционных принципа (разделение государственной власти и полновластие представительных органов власти), свойственных различным общественно-политическим системам. Но при всем этом учреждение конституционного надзора являлось шагом вперед, приоткрывало дверь в другую систему политико-юридических координат.

И. О.: Как общественностью было воспринято учреждение ККН?

М. М.: Возможность появления в структуре верховной власти нового органа многими была воспринята положительно, как конкретное воплощение идеи формирования правового государства. В научных исследованиях того времени еще не созданный реально ККН СССР классифицировался как орган надзорный, а не контрольный или судебный, т. е. не наделенный правом отменять акты, которые признаны им не соответствующими Конституции и законам СССР. Помимо надзорной, за ККН признавались функции консультативная и участия в совершенствовании законодательства. Считалось, что ККН обладает высокой степенью независимости, но объем его надзора не является всеобъемлющим, поскольку он создан для обеспечения законности в деятельности высших эшелонов власти, не входящих в орбиту прокурорского надзора. Акты Съезда народных депутатов СССР исключались из сферы конституционного надзора [116; 117, с. 13–14; 118, с. 59; 119, с. 3–4].

Но в то время конституционное учреждение ККН СССР было уже достаточно для того, чтобы в научной литературе стали утверждать о «крупном шаге по пути реформы политической системы», появлении нового института, создании специализированного органа по правовой охране Основного Закона СССР и т. п. [120, с. 3–13; 121, с. 28–39] и выдвигать отдельные предложения о регулировании статуса ККН [122, с. 557–558].

Научное же осмысление факта конституционного учреждения ККН и времени предшествующего ему продолжилось и в «нулевых» годах этого столетия [123, с. 39–59].

И. О.: Михаил Алексеевич, расскажите о тактике формирования ККН СССР.

М. М.: Будущий персональный состав Комитета, особенно — председатель, предопределялись партийными органами. Еще на июльском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев ориентировал участников на то, чтобы на будущем первом Съезде народных депутатов СССР в следующем году надо «образовать Комитет конституционного надзора» [124]. В соответствии с такой стратегией подготовка Закона о конституционном надзоре должна была осуществляться после избрания ККН. Но этот план по некоторым параметрам оказался неосуществимым из-за отсутствия поддержки в депутатском корпусе, обусловленного обострением межнациональных отношений и «всплеском» уже на «парламентском» уровне нового витка дискуссии вокруг ККН.

И. О.: повлияло ли отмеченное на судьбу формирования Комитета?

М. М.: В начале мая 1989 г. А. И. Лукьянов представил в ЦК КПСС предложения по составу ККН. В числе кандидатур назывались крупные ученые в области права — А. Г. Быков, В. И. Васильев, В. Т. Кабышев, Л. А. Николаева, Р. С. Павловский, В. К. Собакин, М. И. Пискотин, Ф. Г. Бурчак, А. А. Агзамходжиев, Г. С. Сапаргалиев, Г. Ицкревели, В. О. Миллер, Р. Тургунбеков и др. [125]. Но литературные и документальные, в том числе архивные, источники свидетельствуют о борьбе за пост председателя

ККН. Даже академик А. Д. Сахаров, вспоминает его вдова — Е. Г. Боннэр, не раз говорил ей, «что хотел бы работать в Комитете конституционного надзора, который считал чрезвычайно важным, а пост его председателя, возможно, самым ответственным в стране и требующим от того, кто его будет занимать, абсолютной внутренней свободы и абсолютной честности» [126, с. 81]. Майский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС по предложению М. С. Горбачева рекомендовал на должность председателя ККН В. П. Ломакина, бывшего советского посла в ЧССР, несмотря на возражения Б. Н. Ельцина [127, с. 269–270]. С этой рекомендацией не согласилось собрание партийной группы Съезда, считая, что во главе нового важного органа должен быть более компетентный в праве человек. Постановлением ЦК КПСС от 2 июня 1989 г. «Вопросы Съезда народных депутатов СССР» во изменение своего прежнего решения уже было предложено рекомендовать на эту должность вице-президента АН СССР В. Н. Кудрявцева. В соответствии с правом, предоставленным Конституцией Председателю Верховного Совета СССР, М. С. Горбачев предложил Съезду избрать Председателем ККН академика В. Н. Кудрявцева, а его заместителем — заведующего сектором Института государства и права Б. М. Лазарева. В состав Комитета рекомендовались представители ряда вузов страны и от всех союзных республик — крупные специалисты в области политики и права. Но сформировать ККН на 1 Съезде народных депутатов СССР не удалось

И. О.: То есть «опережающее» избрание Комитета было неудачным. Как отреагировали депутаты?

М. М.: Ряд депутатов считали, что его выборы следует перенести на другое, более позднее, время, при этом выдвигались претензии не только в отношении отдельных кандидатов, но и общего политического характера, что выборы неальтернативны, без конкурса, в числе кандидатов ни одного беспартийного, все они в преклонном возрасте, население широко не ознакомлено с ними, нет представителей от автономных республик, группы депутатов были лишены возможности выдвинуть дополнительных кандидатов. Организационным препятствием для формирования Комитета, по мнению депутата И. Н. Грязина (Эстония), являлось отсутствие Закона о конституционном надзоре в СССР, а эти два вопроса необходимо рассматривать «в комплексе». Были обозначены и концептуальные возражения против ККН. Они сводились к ссылке на «устарелость» Конституции, препятствующей новациям «на уровне федерации», следовательно, пока не будут решены «вопросы власти», нет необходимости в таком органе (Ю. Ю. Болдырев, Ленинград). Часть депутатов от прибалтийских республик (А. А. Плотниекс и др.) полагали, что конституционный надзор создает угрозу их суверенитету и требовали, чтобы он не распространялся на конституции и законы союзных республик. Р. В. Гудайтис (Литовская ССР) предложил изменить ст. 125 Конституции СССР и избирать ККН только из числа специалистов права в составе 15 председателей и 15 членов комитета от каждой союзной республики с осуществлением руководства комитетом по принципу строгой очередности и предоставлением союзной республике права вето на решения, ограничивающие ее суверенитет. Из-за демонстративного бойкота выборов ККН подавляющей частью депутатов от Литовской ССР вопрос был отложен [128, с. 127–167]. Уход литовской делегации со Съезда известный публицист Ю. Феофанов назвал «началом конца (СССР — М. М.), ибо уступки пошли в беспредел» [129].

И. О.: Какое оказало влияние указанная «предвыборная» дискуссия на будущее Комитета?

М. М.: В результате дискуссии наметилось два различных концептуальных понимания роли конституционного надзора в стране: как правозащитного (В. Н. Кудрявцев) и как дополнительного инструмента к контрольной деятельности Президиума Верховного Совета СССР (М. С. Горбачев), а также высказано мнение, что ККН «наш вариант конституционного суда (Ю. В. Голик) [130, с. 141, 158–160]. А вслед Съезду народных депутатов некоторые государствоведы обратили внимание на необходимость использования этого института в интересах защиты прав союзных и автономных республик [131].

Назначение и роль ККН в решении межнациональных споров стал предметом диспута уже в связи с обсуждением платформы «Национальная политика партии в современных условиях», который, главным образом, отражен в неопубликованных архивных источниках [132]. К этому обсуждению имели отношение члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, первые секретари партийных организаций союзных республик, государственные деятели, в частности, М. С. Горбачев, В. А. Медведев, А. И. Лукьянов, Э. А. Шеварднадзе, Н. Н. Слюньков, А. — Р. Х. Везиров и др. Естественно, что это обсуждение проводилось под влиянием событий в Нагорном Карабахе.

И. О.: Какая роль ККН отводилась в разрешении федеративных вопросов?

М. М.: По мнению авторов проекта платформы, в рамках федеративного правового государства функцию разрешения разногласий, которые могут возникнуть между органами власти и управления Союза ССР и республик, мог бы выполнять прежде всего ККН СССР, действуя в качестве конституционного суда. Обсуждение проекта выявило несколько подходов к рассматриваемой проблеме, в том числе: 1) приспособление к ее решению ККН с приданием ему функций конституционного суда; 2) использование в этих целях возможностей конституционного надзора; 3) создание иных несудебных механизмов ее решения. Причем предлагалось и дифференцированное использование этих подходов в зависимости от того, решаются ли споры между Союзом ССР и союзными республиками либо между последними и входящими в них автономными республиками, автономными областями, краями и областями, в частности, создать комитеты конституционного надзора в союзных республиках. Они, «как и союзный, действовали бы в качестве конституционных судов, но уже рассматривали все спорные вопросы, которые могут возникать между республиками и входящими в их состав автономными образованиями» [133]. Некоторые полагали, что разрешение межнациональных споров должно быть прерогативой Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР или его палаты Совета Национальностей. Под влиянием всех этих предложений и давления со стороны партийных руководителей ряда союзных республик из окончательной редакции платформы исчезла формулировка, что ККН в разрешении межнациональных разногласий действует как Конституционный Суд. Было закреплено «двухвостное» решение: «Эту функцию мог бы выполнять прежде всего Комитет конституционного надзора, в необходимых случаях — Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР», что в последующем повлияло на содержание соответствующей нормы Закона «О конституционном надзоре в СССР».

И. О.: Теперь становится понятно, как непросто принималось решение о введении института охраны Конституции, который долгое время не воспринимался советской идеологией. Хорошо, движемся дальше. Михаил Алексеевич, наша беседа плавно переходит к раскрытию следующего этапа становления ККН. Какие особенности, на Ваш взгляд, следует отметить на этом отрезке времени?

М. М.: С конституционным закреплением 1 декабря 1988 г. института конституционного надзора [134] дискуссия, как и сама конституционная регламентация статуса ККН, не завершились и были продолжены на следующих отрезках его истории и во многом были сопряжены с разработкой и принятием Закона о конституционном надзоре СССР и последующими изменениями в Конституции СССР. На это формально потребовался целый год, а Комиссия Съезда народных депутатов СССР по подготовке названного закона была образована лишь 9 июня 1989 г. О ее работе писали С. С. Алексеев, Д. А. Керимов (председатель рабочей группы по подготовке проекта этого закона) и А. И. Экимов (член названной группы) [135, с. 34; 136, с. 3–13; 137]. Весьма краткая информация о комиссии и ее рабочей группе, их составе содержится в официальных материалах съезда народных депутатов СССР и его Верховного Совета.

Непосредственно разработке и принятию Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР» и последующему уточнению его конституционного статуса посвящены опубликованные стенограммы I–IV Съездов народных депутатов СССР [138, с. 227–230], в том числе доклады (основной и редакционной комиссии) Д. А. Керимова и выступления депутатов в прениях [139, с. 18–136], отдельные замечания ученых к проекту этого закона [140, с. 282–284], а также официальные и неофициальные публикации самого закона и постановления Верховного Совета СССР о порядке введения его в действие, а также связанные с этим изменения и дополнения статьи 125 Конституции СССР [141; 142, с. 16; 143, 144]. В марте 1990 г. в это законодательство были внесены новые изменения и дополнения, обусловленные учреждением поста Президента СССР [145].

И. О.: Как оценивались указанные новации?

М. М.: По следам принятого законодательства о ККН СССР «оптимисты» заговорили о нем как об «опоре правового государства», «гарантии законности высших эшелонов власти» [146, с. 68–76; 147, с. 29–31; 148, с. 8–11]. «Пессимисты» высказывались о предпочтительности судебного контроля за конституционностью нормативных актов как более действенной формы в сравнении с надзорными функциями, возложенными на Комитет [149, с. 90]. В последующем этот хронологический отрезок в предыстории ККН весьма подробно отражен в одной из наших статей [150, с. 60–90], не-

которые оценки, касающиеся принятия Закона о конституционном надзоре и последующем его действии даны и в исторической и юридической литературе [151, с. 142; 152, с. 141; 153, с. 62]. Отдельные штрихи, относящиеся к полемике вокруг рассмотрения этого проекта, обнаруживаются и в парламентских дневниках, опубликованных В. Б. Исаковым [154, с. 96–97].

И. О.: Михаил Алексеевич, как бы Вы оценили дискуссии на Втором съезде народных депутатов, связанные с обсуждением вопросов, касающихся принятия закона о конституционном надзоре СССР? Они имели политический или юридический характер?

М. М.: Характер этой дискуссии и обстоятельства, на нее повлиявшие удачно, на наш взгляд, были раскрыты А. М. Барнашовым [155, с. 85–86]. Сопутствующими главной дискуссионной проблеме (создавать ли ККН и нужен ли Закон о нем [156]) были вопросы концептуального масштаба (о статусе этого органа: наименовании, сущности) и второго плана, производные от положительного решения основной задачи. К ним относились вопросы о целях и принципах, составе и способе формирования и ротации ККН; статусе его членов, объектах конституционного надзора, полномочиях; масштабе применяемой оценки к рассматриваемым актам, субъектах обращения, юридической силе заключений ККН; соотношении предварительного и последующего надзора, разграничении конституционного и прокурорского надзора, предопределении контуров органов конституционного надзора в республиках [157].

В этих дискуссиях, по нашим подсчетам, выступило не менее 50 депутатов, включая письменные заявления некоторых из них. Это, в частности, государственные и общественные деятели: М. С. Горбачев, А. Я. Сухарев, Ю. Н. Афанасьев, Г. Э. Бурбулис, Ф. М. Бурлацкий, Р. А. Медведев, Г. Х. Шахназаров; видные ученые-экономисты П. Г. Бунич, Т. И. Заславская, Г. А. Попов и др., юристы Д. А. Керимов, А. А. Собчак, А. М. Яковлев, А. И. Казанник; представители всех союзных республик, в том числе и прибалтийских, а также некоторых автономий.

И. О.: Имелись ли противоборства в отношении принятия Закона о конституционном надзоре и избрания ККН?

М. М.: Стенограммы Съезда, политическая и юридическая публицистика того времени отражает противоборство двух тенденций. Первая — поддерживала представленный проект закона и полагала необходимым образовать Комитет. Большинство депутатского корпуса (по результатам голосования — 1595 народных депутатов из их конституционного числа 2250) исходили из того, что Закон обусловлен: «историческими обстоятельствами, требующими незамедлительно создать механизм, обеспечивающий строгое, единообразное и последовательное исполнение законодательных актов» (Д. А. Керимов); «болезненными» процессами в союзных республиках, игнорирующих верховенство Конституции СССР, поэтому в интересах союзного и правового государства создать конституционный надзор в целях нормализации экономической ситуации и межнациональных отношений (Г. И. Демидов, Пензенская обл.); необходимостью защиты демократических прав граждан от дискриминационных законов союзных республик, а также для защиты национальных меньшинств (В. И. Яровой, Е. В. Коган, В. И. Алкснис и др.); созданием новой политической системы, атрибутом которой станет конституционный надзор (А. А. Собчак, Г. К. Крючков и др.).

Выразители другой тенденции (437 депутатов, включая значительную часть представителей от прибалтийских республик, поддержанных межрегиональной депутатской группой) считали, что нет необходимости как в законе о конституционном надзоре, так и в создании соответствующего Комитета, поскольку нельзя отстаивать «незыблемость Конституции СССР, которая устарела», и принятие закона затормозит законодательный процесс, а ККН необходим для развитого правового государства, которое еще не построено (А. А. Плотниекс) [158, с. 6]. Сторонники этой позиции полагали, что «преждевременный» конституционный надзор будет служить «антиперестроечным реакционным целям», сужению «суверенных прав союзных республик» и лишению их «права на суверенное законодательство» (В. Ландсбергис, М. И. Лауристин, И. Н. Грязин, В. К. Мотека).

И. О.: Помимо этих «ключевых» аргументов, выдвигались ли иные тезисы?

М. М.: Имелись «побочные», а иногда противоречивые и абсурдные по своей сущности позиции о «деформировании замысла Комитета конституционного надзора», ибо не учтен иностранный, в частности американский опыт (Ф. М. Бурлацкий); о нелогичности голосовать за создание Комитета, поскольку он «будет препятствовать осуществлению лозунга «Вся власть Советам!» и «должен выступить против народовластия»; что «создается ведомство по охране дореволюционной Конституции»

(А. В. Менжуренко, Омская обл.), о «преждевременности» ККН из-за «разобранности» Конституции (Р. А. Медведев, Ю. Н. Афанасьев и др.).

В числе противников включения в повестку Съезда вопросов о конституционном надзоре оказались и видные представители политической и интеллектуальной элиты страны: Г. А. Арбатов, П. Г. Бунич, Г. Э. Бурбулис, Ф. М. Бурлацкий, Т. И. Заславская, В. А. Коротич, Р. А. Медведев, Г. Х. Попов, Р. З. Сагдеев и др. Историки констатируют: «Сложилось парадоксальное положение: в то время как демократические депутаты возражали против института с репутацией и статусом демократического символа, их противники из рядов партийно-государственной номенклатуры заговорили вдруг о правовом государстве и правах человека» [159, с. 142].

И. О.: Острые политические споры были вокруг этого вопроса. Чем же они завершились?

М. М.: Компромиссом! Об этом компромиссе и «соглашательской роли» М. С. Горбачева и его помощника Г. Х. Шахназарова свидетельствуют записка второго от 21 декабря 1989 г. Горбачеву и его «содоклад» на Съезде народных депутатов СССР [160, с. 444–445]. Положения Закона, касающиеся надзора за соответствием конституций и законов союзных республик Конституции и законам СССР, вступают в силу одновременно с будущими изменениями и дополнениями раздела Конституции СССР о национально-государственном устройстве. Этот компромисс в главных чертах воспроизведен Д. А. Керимовым в докладе Редакционной комиссии, а затем Съездом народных депутатов в специальном постановлении. Им устанавливалось, что положения Закона о конституционном надзоре в СССР, касающиеся надзора за соответствием конституций и законов союзных республик Конституции и законам СССР, должны вступить в силу одновременно с изменениями и дополнениями раздела Конституции СССР о национально-государственном устройстве СССР [161]. Этим самым, по мнению, высказанному спустя пятнадцать лет Н. В. Витруком, возможность полнокровного функционирования Комитета конституционного надзора была «блокирована» [162, с. 62]. Но более осторожную оценку по этому поводу еще ранее дал С. А. Авакьян, полагая, что «возможности ККН в отношении актов союзных республик вообще можно считать существенно ослабленными этой реформой» [163, с. 92].

И. О.: Интересные и непростые были времена. Чем же продолжились дискуссии?

М. М.: На Втором Съезде депутаты отстаивали либо поддержали положения и предложения о включении в число целей конституционного надзора защиты прав и свобод личности (А. А. Собчак, М. И. Умарходжаев), о принципе независимости осуществления конституционного надзора (Д. А. Керимов), увеличении проектируемого состава Комитета до 27 человек, включая по одному из каждой союзной республики, а также об обеспечении представительства в нем от автономных республик в целом, приравнивании членов ККН по статусу к народным депутатам СССР [164]; праве граждан через уполномоченные на то органы доводить до сведения Комитета о неконституционности актов (У. Н. Султангазин) [165; 166, с. 9; 167, с. 57].

И. О.: Поднимались ли на этом этапе идеи о создании Конституционного суда? Какие опасения были озвучены и с чем они связаны?

М. М.: Идеи о возможном создании конституционного суда вместо ККН были отвергнуты (А. А. Собчак, И. Д. Хадыркэ, В. И. Яровой) [168]. И еще одну важную задачу не сумел решить Горбачев. Юристы уговаривали его учредить одновременно с парламентом Конституционный Суд, однако сильно было и давление тех, кто опасался, что Суд и впрямь начнет выносить вердикты, поправляя Президента и Верховный Совет. Людям, едва вышедшим из прежней системы и сохранившим в сознании ее предрассудки, подобный порядок казался и недопустимым и несправедливым. Иное дело, если коллегия будет сигнализировать, что «не так» в указе и законе. В соответствии с этим и был создан Комитет конституционного надзора, лишенный реальных полномочий.

И. О.: Какие еще в рамках этой дискуссии были высказаны интересные теоретические выводы и критические соображения?

М. М.: Исключение из проекта права ККН по собственной инициативе рассматривать вопросы о конституционности нормативных актов (Влияние и переход этого полномочия в деятельность первого КС РСФСР); формирование Комитета на основе альтернативных или конкурсных выборов, установлении предельного возраста для избрания в него и сокращении квоты числа членов ККН, подлежащих ротации (Б. В. Крыжков, М. И. Умарходжаев); исключение всех актов союзных республик, а также разногласий между союзными республиками и автономиями из сферы конституционного надзора СССР; исключение из числа объектов конституционного надзора актов Съезда и Верховно-

го Совета СССР, его нератифицированных договоров, руководящих разъяснений Пленума Верховного Совета СССР, актов Генерального прокурора СССР и Главного государственного арбитра СССР, имеющих нормативный характер, постановлений общественных организаций (Е. У. Ким, А. Я. Сухарев, А. М. Яковлева); установление «сплошного» предварительного и последующего конституционного надзора (А. Л. Маркевич); расширение круга субъектов обращения в ККН, предоставив такое право гражданам, национальным меньшинствам, отдельным социальным группам общественным организациям, каждому народному депутату СССР и одной пятой части депутатов Верховного Совета Союзной республики (У. Н. Султангазин, М. И. Умарходжаев) [169].

Кроме того, высказывались о том, что конституционный надзор «стоит ... выше прокурорского надзора» (В. Н. Кудрявцев) [170, с. 5], восполняет его «пробелы» и «в результате конституционный надзор и прокурорский надзор суммарно охватят акты всех органов власти и управления» (Б. М. Лазарев) [171, с. 9]. Ю. Решетов же полагал, что с точки зрения современных международных стандартов «следовало бы, вероятно, наделить Комитет правом проверять соответствие самой нашей Конституции и законов СССР международно-правовым актам, ратифицированными Советским Союзом, всем международным обязательствам страны, и, прежде всего, пактам о правах человека [172, с. 69]. Это было созвучным с поправкой М. И. Умарходжаева о том, чтобы критерием конституционности являлись бы также международные договоры, пакты и конвенции. Но подобные идеи Закон о конституционном надзоре в СССР воспринял лишь частично, указав в статье 18 положение о необходимости в заключении ККН вывода о соответствии или несоответствии рассматриваемого акта или его отдельных положений Конституции СССР или законам СССР, *а в надлежащих случаях также международным обязательствам» (курсив мой — М. М.)* [173].

И. О.: Михаил Алексеевич, прокомментируйте, пожалуйста, сущность конституционного надзора того периода, которая выражалась в юридической силе решений ККН и их прямой обусловленности на реализацию от воли высшего представительного органа государственной власти.

М. М.: Официально в этом обстоятельстве виделось достоинство, отличающее от западной модели правовой охраны Конституции. Выступая на Втором Съезде, Д. А. Керимов считал «демократическим принципом» то, что в отличие от аналогичных органов капиталистических стран, решения которых обычно отменяют антиконституционные акты, заключение ККН СССР не только не отменяет, но и не приостанавливает действие не соответствующих Конституции СССР конституций союзных республик, а также законов и иных актов, принятых Съездом народных депутатов СССР. Он мог приостанавливать действие всех других актов, поднадзорных ему, в случае их неконституционности до устранения указанного в заключении несоответствия. Орган, издавший акт, обязан в трехмесячный срок устранить это несоответствие. Если оно в указанный срок не устранено, Комитет входит с представлением в соответствующий орган об отмене названных актов.

Заключения Комитета, как правило, были консультативными, за исключением тех, которые касались актов, нарушающих основные права и свободы, закрепленные в Конституции. Что же касается заключений о разрешении споров между СССР и союзными республиками, между последними, между союзными республиками и национально-государственными и национально-территориальными образованиями по поводу конституционности актов, принятых их органами государственной власти и управления, то, по мнению Б. М. Лазарева, из Закона нельзя было сделать вывод о юридической силе решений Комитета по такого рода спорам.

Шагом назад по сравнению с той моделью конституционного надзора, которая предусматривалась статьей 125 Конституции СССР (в ред. от 1 декабря 1988 г.), являлось дополнение ее положением о том, что заключение ККН о неконституционности акта или отдельных его положений может быть отклонено решением Съезда, принятым двумя третями голосов от общего числа народных депутатов. Если предложение об отклонении заключения Комитета не получит на Съезде этого числа голосов, акт и его отдельные положения, не соответствующие Конституции или законам СССР, должны утрачивать силу, за исключением конституций союзных республик. Эта новелла обосновывалась ссылкой на статью 174 Основного Закона, устанавливающую то большинство голосов, которое необходимо для изменения конституционных норм. Но даже вопреки указанному, Д. А. Ковачевым предлагалось преодолевать заключения ККН простым большинством голосов Съезда народных депутатов, чтобы «право на надзор не превратилось в право вето».

Нейтрализующей в определенной мере вышеупомянутое положение стала поправка о том, что заключение ККН, констатирующее нарушение каким-либо нормативным правовым актом или его отдельными положениями основных прав и свобод человека, закрепленных в Конституции СССР и в международных договорах, ратифицированных СССР, влечет за собой утрату силы такого акта или его отдельных положений с момента принятия заключения. Это дополнение, по мнению М. С. Горбачева, распространялось и на конституции и законы союзных республик. Такой же позиции придерживался председатель ККН С. С. Алексеев [174, 175].

И. О.: Как относились к такому разнообразию в юридических последствиях заключений ККН?

М. М.: Такое разнообразие, как Вы отметили, обусловило появление ряда исследований о классификации этих актов, возможности участия парламента и его палаты — Совета Национальностей в разрешении конституционных споров и даже снижении порога Съезду народных депутатов для преодоления заключения Комитета [176, с. 10; 177, с. 34–36; 178, с. 115–117; 179, с. 87–88; 180, с. 43].

Политико-правовая оценка конституционного надзора, регламентированного статьей 125 Конституции СССР (в ред. от 23 декабря 1989 г.) [181] была от восторженно оптимистической до отрицательной. Многие утверждали, что «это важный шаг по пути формирования правового государства», «революционный шаг», «событие принципиального значения с точки зрения укрепления законности в стране». Отдельные исследователи связывали его с предстоящим окончательным решением вопроса о разделении властей и считали ККН важным элементом механизма защиты прав человека. Предполагалось, что он активно будет влиять на процесс выработки новой Конституции, особенно ее раздела о правах и свободах граждан.

И. О.: Можно ли сказать, что, по сути, законодатель отказался от копирования буржуазных форм конституционного контроля, тем самым подчеркнул самобытность отечественного конституционного надзора?

М. М.: Да, вполне возможно. Н. И. Побежимова особо подчеркивала, что ККН — «новый орган, как по форме, так и по содержанию, не имеющий аналогов в истории создания и деятельности государственных органов в СССР». Ф. Бурлацкий «успех сложного дела — создания Комитета конституционного надзора СССР» связывал с парламентским подходом к нему [182, с. 8; 183, с. 29–31; 184, с. 38; 185, с. 54–55; 186, с. 50].

Более «взвешенную» оценку Закону от 23 декабря 1989 г. дала Ж. И. Овсепян. Она считала, что им внесены изменения в систему «сдержек и противовесов», обеспечиваемую через механизм конституционного надзора. Эти изменения, с одной стороны, усилили позицию ККН, а с другой — ослабили ее. К первым изменениям Ж. И. Овсепян отнесла: распространение конституционного надзора на законы и иные акты, принятые Съездом, а не только на их проекты; установление правила о том, что заключение Комитета может быть отклонено лишь решением Съезда народных депутатов СССР, причем квалифицированным большинством голосов; придание окончательного характера заключениям ККН о признании неконституционности актов (или отдельных их положений), нарушающих права и свободы граждан. К отрицательным изменениям автор вполне обоснованно причислила то обстоятельство, что ККН лишился права приостанавливать положения конституций союзных республик [187, с. 11–12].

И. О.: Какие, на Ваш взгляд, были недостатки у нового отечественного специализированного органа охраны Конституции?

М. М.: Его недостатки виделись в том, что он не решил проблем разделения властей в широком плане и был «половинчатой мерой» [188, с. 25; 189, с. 51], не обладал правом отменять поднадзорные акты и «не был готов к быстрому реагированию в политических ситуациях» [190, с. 23; 191, с. 147–148]. Позднее явно критические оценки ККН, статус которого был уточнен «второй волной конституционного обновления», стали преобладающими [192, с. 11].

Неудовлетворенность законодательно закрепленной моделью конституционного надзора еще до начала деятельности ККН вызвала поток предложений ученых о расширении его круга властных полномочий, придании обязывающей силы решениям Комитета, освобождении его от консультативных обязанностей, предоставлении права гражданам обращаться с конституционной жалобой в ККН, ужесточении требований к кандидатам в члены Комитета (по возрасту, образованию, стажу работы по юридической специальности и др.). Ю. Л. Шульженко, в частности, считал необходимым

обновлять лиц, избранных в ККН из автономных образований, ежегодно, чтобы за десятилетний срок полномочий этого органа представители всех автономий приняли участие в его деятельности [193, с. 75; 194, с. 56–57; 195, с. 32–37].

И. О.: Как относились парламентарии к отмеченным недостаткам?

М. М.: Высказанные предложения оказались не востребованными. Внеочередной Третий Съезд народных депутатов СССР (12–15 марта 1990 г.) внес в Конституцию СССР лишь те изменения, которые были связаны с учреждением поста Президента СССР [196]. Вместе с тем Съезд стал трибуной для продолжения дискуссии о конституционном надзоре. Она касалась, главным образом, будущих взаимоотношений Президента и ККН. В докладе А. И. Лукьянова «О внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР и учреждении поста Президента СССР» подчеркивалось, что ККН обязан осуществлять контроль за указами главы государства. Но это заверение не убедило депутатов. В дискуссии Э. Ю. Салаев, А. Акаев, Ю. В. Блохин акцентировали на этой проблеме внимание [197, с. 18, 24, 89, 119, 136].

И. О.: Учреждение института Президента СССР и внесение соответствующих новых поправок к Конституции СССР повлекли за собой какие-либо изменения в статусе ККН?

М. М.: Изменения коснулись того, что только исключительно Съезду и Верховному Совету предоставлялось право ставить на рассмотрение ККН вопросы о соответствии указов Президента Конституции и законам СССР, что Президенту СССР перешли полномочия Председателя Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета СССР по даче поручений и предложений ККН о заключениях [198, с. 102–103]. По мнению Д. А. Керимова и А. И. Экимова, учреждение поста Президента СССР повлекло изменение компетенции Президиума Верховного Совета СССР, в том числе и в отношении осуществления им контроля за соблюдением Конституции СССР. И конституционный надзор на общесоюзном уровне стал осуществляться исключительно ККН СССР [199, с. 6]. С подобной точкой зрения трудно согласиться, поскольку упомянутое полномочие Президиума Верховного Совета СССР превратилось в прерогативу Президента СССР. В соответствии с пунктом 1 статьи 127–3 Конституции СССР он выступал гарантом соблюдения прав и свобод граждан, Конституции и законов СССР. Практика главы государства в этом направлении фактически была идентична соответствующей деятельности Президиума Верховного Совета СССР. Таким образом, в сфере правовой охраны Конституции СССР Президент и ККН в своей деятельности взаимно дополняли и обуславливали друг друга [200, с. 90–91]. Этот аспект и затрагивался на Третьем Съезде народных депутатов. В частности, в выступлении Л. Д. Магомадова (Чечено-Ингушетия) подчеркивалось: «И Президент, и Комитет должны следить за соблюдением законов. Может, лучше эти функции оставить за главой государства, а Комитету вменить в обязанность следить за тем, чтобы он не нарушал Конституцию СССР». Однако в балансе контрольно-надзорных функций Съезд ничего не стал менять: с некоторыми коррективами на взаимоотношения главы государства и ККН перенес ту модель отношений, которая ранее существовала между Президиумом Верховного Совета и Комитетом конституционного надзора СССР.

И. О.: Надо полагать, что в связи с закреплением в Конституции СССР неприкосновенности Президента СССР встал вопрос не только о возможных правовых основаниях смещения главы государства, но и о процедуре его реализации с участием ККН?

М. М.: Да, Игорь Юрьевич, Вы правы. После недолгой дискуссии было установлено, что решение о смещении главы государства принимается Съездом народных депутатов СССР по инициативе самого Съезда или Верховного Совета СССР с учетом заключения Комитета конституционного надзора СССР (статья 128–8 Конституции СССР) [201, с. 282, 293, 312].

И. О.: Но тогда возникает закономерный вопрос, а какова роль Президента СССР в формировании ККН? Если Президента СССР наделить правом представлять Съезду кандидатуры для избрания в ККН, то такой Комитет станет частью аппарата Президента и не сможет реально выполнять свои функции.

М. М.: Более обстоятельный обмен мнений состоялся по вопросу о том, по представлению какого должностного лица избирается ККН: Президента СССР или Председателя Верховного Совета СССР? В обсуждаемом законопроекте этот вопрос решался в пользу главы государства, что вызвало резкое неприятие народных избранников. А. И. Казанник заявил, что необходимо провести четкое разграничение властей, закрепить систему сдержек и противовесов, чтобы ни один орган государства не мог возвыситься над другим. Исходя из этого тезиса, депутат полагал, «если Комитет конституционного

надзора толкует декреты Президента, сопоставляет их с Конституцией СССР и может прийти к выводу, что они неконституционны, то, конечно же, Президент не вправе назначать (*имелось в виду «представлять» — М. М.*) членов Комитета конституционного надзора СССР». А. И. Казанник предложил новый порядок формирования ККН. Одну треть его состава назначает Президент, одну треть — Совет Союза и одну треть — Совет Национальностей Верховного Совета СССР, что уравнивает власти и появляется система сдержек и противовесов. Хотя это мнение и вызвало интерес у отдельных депутатов, в целом же Съезд не решился изменить порядок избрания ККН. Предлагалось оставить за Председателем Верховного Совета СССР право вносить предложения о персональном составе ККН. Председатель Редакционной комиссии по обсуждению законопроекта В. Н. Кудрявцев высказался за то, что «не нужно, чтобы Президент представлял Комитет конституционного надзора СССР, которому он сам поднадзорен... И мы предлагаем... дать такое право Председателю Верховного Совета СССР» [202, с. 164, 221–222]. В результате сохранился установленный 1 декабря 1988 г. порядок избрания ККН.

И. О.: Давайте обратим внимание читателя, как развивались события после принятия закона о конституционном надзоре.

М. М.: В этот период появляются достаточно основательные работы о конституционном надзоре в стране. Прежде всего, уже упомянутая статья Д. А. Керимова и А. И. Экимова [203, с. 3–13], а затем публикации о концепции конституционного надзора, о его соотношении с прокурорским надзором и другими видами контрольной и надзорной деятельностью и, наконец, о перспективах развития [204, с. 25; 205, с. 78–94; 206, с. 58–61; 207; 208, с. 3–10; 209, с. 190–192]. В некоторых союзных республиках так же проявился интерес к исследованиям в этой области [210, с. 10–17; 211, с. 92–95; 212, с. 52–57].

В последующем в некоторых законах СССР конкретизируются отдельные положения Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР». В частности, Законом СССР от 10 апреля 1990 г. «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» провозглашено, что высшие органы государственной власти республик могут вносить вопросы о соответствии Конституции СССР и законам СССР актов высших органов государственной власти и управления Союза ССР, регулирующих экономические отношения, на рассмотрение ККН (ст. 6) [213]. Подобные нормы существовали и в законах СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», от 24 октября 1990 г. «Об обеспечении действия законов и иных актов законодательства Союза ССР», от 16 мая 1991 г. «О Контрольной палате СССР», от 17 мая 1991 г. «О Высшем арбитражном суде СССР» [214–217].

И. О.: Михаил Алексеевич, Вы как участник конституционного процесса, общались лично с членами ККН, работали со стенограммой. Поделитесь своими личными наблюдениями «провала», как отмечал в своих работах Б. Н. Лазарев, избрания ККН. Какие события привели к последующему поиску кандидатур на пост председателя ККН?

М. М.: Неудавшаяся попытка избрать ККН была предпринята еще на Первом съезде народных депутатов СССР. Председателем Верховного совета СССР М. С. Горбачевым для этого были представлены все кандидатуры во главе с академиком В. Н. Кудрявцевым [218, с. 127–167], а в Регламенте Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР предусмотрен специальный раздел «Избрание Комитета Конституционного надзора СССР» [219, 220]. Но это не было осуществлено по ряду причин, в том числе из-за отсутствия законодательной базы и серьезных противоречий между союзными республиками и союзными депутатами различных политических взглядов.

По данному вопросу имеются лишь единичные работы, и то более позднего издания [221]. Обстоятельно причины этого «провала» привел Б. Н. Лазарев. Среди них он назвал идеологические факторы и традиции (конфликт принципов разделения властей и полновластия Советов), кризис национально-территориального устройства СССР, конкуренцию идеи конституционного суда с конституционным надзором. «Мало кто хотел и наделять Комитет конституционного надзора СССР широкими правами. Еще меньше было тех, кто торопился его формировать», — с горечью вспоминал ученый и бывший заместитель Председателя ККН. «Совершенно очевидно, — писали Д. А. Керимов и А. И. Экимов, — что в обществе немало сил, которые не заинтересованы в существовании института конституционного надзора. Крайне левые считают, что он мешает «идти вперед», а крайне правые опасаются потерять возможность и впредь безнаказанно игнорировать Конституцию и закон» [222, с. 22; 223, с. 13].

Последующий поиск кандидатуры на пост председателя ККН отражен в мемуарах Г. Х. Шахназарова и материалах Второго съезда народных депутатов СССР [224, с. 415–416; 225]. В них назывались, прежде всего, А. А. Собчак, С. С. Алексеев. Вторым съездом по представлению М. С. Горбачева избран Председателем ККН чл. — корр. АН СССР С. С. Алексеева и его заместителем д. ю. н., проф. Б. М. Лазарева. Членов Комитета, в том числе по одному из каждой союзной республики и четырех из автономных образований, поручено избрать Верховному Совету СССР на очередной сессии [226].

В связи с комментируемым Постановлением Съезда от 23 декабря 1989 г. «Об избрании Комитета конституционного надзора СССР» в периодической печати и специальной литературе того времени было два вопроса: рассчитано ли оно на многократное применение в части представительства от автономий и правомерна ли передача Съездом избрания членов ККН Верховному Совету. Понятно, что ответ эти вопросы могла дать лишь практика. Но было мнение, что такой подход является якобы «неконституционным» и не представляет собой «конституционный» прецедент [227; 228, с. 8].

И. О.: 26 апреля 1990 г. Верховный Совет избрал членов Комитета конституционного надзора СССР. Расскажите об этом подробнее.

М. М.: Прибалтийские республики, как позднее выразился председатель Государственного суда Эстонии У. Лыхмус, «пробивая брешь в конституционном порядке Советского Союза» [229, с. 83] и планируя отделение, не выдвинули своих кандидатов в Комитет. Под предлогом замены ранее назначенных кандидатур не были представлены новые некоторыми другими союзными республиками. В Комитет были также избраны представители из Бурятской, Башкирской и Татарской автономных республик [230]. Таким образом, Комитет был сформирован лишь в составе 21 человека вместо 27, как это предусматривалось Конституцией СССР.

ККН представлял собой профессиональный высококвалифицированный орган и состоял главным образом из специалистов в области права. В нем было 14 докторов и 5 кандидатов юридических наук. Специалистами в области политики являлись доктора исторических и философских наук. Это были не только представители академической и вузовской наук. Среди них несколько крупных практиков: заведующий юридическим отделом Президиума Верховного Совета УССР, заведующий отделом Президиума Верховного Совета Татарской АССР, главный редактор журнала «Народный депутат». Юристы, избранные в ККН, специализировались в таких отраслях науки, как теория государства и права, государственное (конституционное) право, международное право, гражданское право, уголовное право и процесс и др.

Лица, вошедшие в состав Комитета, распределялись по трем секциям: государственно-правовой; гражданского и хозяйственного законодательства; правоохранительного законодательства, возглавляемыми видными правоведами-профессорами М. И. Пискотиным, Ю. К. Толстым и В. Д. Филимоновым. Секретариат ККН имел Отдел по государственно-правовым вопросам (с секторами государственного и административного права, международного права), Отдел по вопросам отраслевого законодательства (с секторами социально-экономического законодательства и законодательства о правоохранительной деятельности), группу правовой информации, бюро писем и Канцелярию. Аппарат имел 30 штатных единиц [231, с. 24; 232], что в разы меньше аналогичной структуры в образованном позднее Конституционном Суде РСФСР.

И. О.: Хотелось бы еще раз обратить внимание читателя, как хронологически развивались события по поводу анализируемого вопроса? 16 мая 1990 г. председатель ККН провел первую пресс-конференцию, на которой определил этические и организационные принципы деятельности органа конституционного надзора.

М. М.: С. С. Алексеев в этот день отметил, что «Каждый член Комитета при принятии решения должен руководствоваться не партийной принадлежностью, а совестью, долгом и гражданской позицией ученого... Комитет — не орган немедленного реагирования. Есть процедуры возбуждения... Принятия же самими комитетом к рассмотрению вопроса ... должно быть исключением, а не нормой...» [233]. Таким образом, руководитель ККН, сообразно со своими теоретическими и гражданскими взглядами, неоднократно им высказанными в научных и публицистических трудах, ориентировал членов Комитета на деятельность, имеющую судебный характер, либо, по крайней мере, весьма близкую к ней.

И. О.: Следующий этап конституционно-надзорной деятельности Комитета конституционного надзора с мая 1990 по декабрь 1991 г. характеризовался количеством рассмотренных во-

просов (29), большая часть которых официально опубликована. Какие имелись отличительные особенности?

М. М.: Решения ККН публиковались в «Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР» в форме принятых постановлений, заключений и заявлений. Иногда акты Комитета печатались в юридических журналах и газетах, а его заявления, наоборот, весьма широко публиковались в прессе. В ней нередко выступали и известные публицисты с критикой актов ККН [234, 235]. В качестве ответной реакции на эти выступления давались интервью обычно Председателем [236, 237], а в некоторых случаях — и членами Комитета. Интересный материал о деятельности ККН может быть почерпнут и из публицистических работ его членов — С. С. Алексеева, С. С. Босхолова, Б. М. Лазарева, М. И. Пискотина, Ю. К. Толстого [238–241; 242, с. 112; 243; 244, с. 3–4; 245, с. 135; 246, с. 24], а также журналистов О. Лациса, Ю. Феофанова, А. Степового, С. Чугаева, В. Щепоткина [247–249].

Последние акты Комитета конституционного надзора СССР (ноябрь–декабрь 1991 г.) были неофициально приведены сначала в приложении к нашей монографии (2006) [250, с. 133–152]. В последующем акты ККН частично либо полностью воспроизводятся в некоторых документальных сборниках [251, с. 320–1035; 252, с. 119–209; 253, с. 33–51]. Перечень их приводится в библиографических и отдельных монографических трудах [254, с. 179–182; 255, с. 154–158].

В литературе проанализирована полуторагодовая деятельность ККН, его как официально опубликованные акты, так и те, которые оказались неопубликованными вследствие распада СССР [256; 257, с. 4–6; 258, с. 6–13; 259, с. 86–92; 260, с. 71–75], осуществлена их классификация (по категориям вопросов и основаниям инициирования конституционно-надзорного производства) и статистический обзор [261, с. 108–111, 117–118]. В качестве позитивного результата подчеркивается то, что ККН пытался весьма активно в своей надзорно-контрольной деятельности развивать правозащитный аспект, «оперировать» категориями общепризнанных принципов и норм международного права [262; 263, с. 3; 264]. Им заложены основы отечественного понимания актов специализированных органов правовой охраны Конституции как источника права, источника формирования конституционной доктрины современной России [265, с. 88; 266, с. 71].

Эти идеи созвучны высказанной в лучшую пору деятельности ККН мысли известного публициста Юрия Феофанова о том, что заключение этого органа «это документ, имеющей юридическую силу, силу закона, ликвидирующий ... «саму правовую ткань» антидемократической практики» [267]. Очевидно, что автор выдавал желаемое за действительное, «забегая» вперед в возможном развитии правовой охраны Конституции в нашей стране.

И. О.: С. С. Алексеев в своих трудах отмечал, что ККН заложил теорию такой юридической конструкции, как «правовая позиция», впоследствии взятой на вооружение конституционным правосудием [268]. Можно ли говорить о том, что ККН определил некоторые ориентиры совершенствования законодательства и формирования принципов и норм будущей Конституции РФ?

М. М.: Совершенно верно, причем ККН стал впервые применять распространение подобных позиций по одному делу на другие [269, с. 112–113]. Тогда же появилась практика особых мнений в специализированных органах правовой охраны Конституции [270].

И. О.: Какие трудности, на Ваш взгляд, испытывал ККН в те непростые времена?

М. М.: В условиях политического и экономического кризиса, «парада суверенитетов» и ограниченности полномочий ККН оказался беспомощным при осуществлении конституционного надзора в области федеративных отношений, а также бездейственным в сфере предварительного конституционного надзора, явно обозначились проблемы процедурного свойства в деятельности Комитета и исполнения его заключений [271]. Их игнорировали высшие органы государственной власти СССР [272] и союзных республик. Последние, как правило, избегали обращаться в ККН по вопросам его компетенции. В законодательной деятельности Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР реализовывалась концепция дуалистического конституционного надзора и контроля (парламентом и его специализированным органом), что критиковалось уже в первых научных работах о конституционном надзоре [273; 274, с. 16–17].

Несмотря на все эти обстоятельства, Председатель ККН С. С. Алексеев уже в феврале 1991 г. поспешил заявить, что появилась «такая, пусть и не сильная, судебно-конституционная власть» [275, 276]. Спустя некоторое время в этом засомневался Ю. Феофанов, задаваясь вопросом: «Состоялся ли Комитет как «третья власть» в государстве, или это еще один консультативно-правовой орган» [277]? То

гда непродолжительный опыт работы этого института государства не давал достаточного материала для подтверждения его «правосудного» характера. Попытка дать отрицательный ответ на этот вопрос была предпринята уже в этом столетии, хотя и не отрицалось, что ККН приобрел какие-то черты конституционного суда, выразившиеся в заимствовании отдельных элементов судебного процесса [278, с. 115–117]. Еще ранее было высказано и мнение о «постепенном превращении ККН в Конституционный Суд» [279, с. 175], но, видимо, оно опиралось на бытовавшее в начале 90-х годов в партийных и советских кругах суждение о тождестве комитета конституционного надзора и конституционного суда. Однако процесс суверенизации союзных республик predetermined, что они стали пионерами в деле учреждения конституционных судов.

И. О.: Можно ли охарактеризовать четвертый этап как кризис конституционного надзора? Давайте хотя бы схематично покажем читателю отдельные моменты в развитии этой проблемы и спорах вокруг нее.

М. М.: Да, вполне возможно. Появляются научные работы, интервью, публицистические очерки и информационные статьи о «непригодности» и судьбе этого института [280, с. 42–62].

Развитию кризиса конституционного надзора, как констатировали современники и подтверждают документальные источники, способствовали и политические процессы в РСФСР и других союзных республиках [281, с. 4–6], признание на общесоюзном уровне учеными [282, с. 20; 283, с. 37; 284, с. 123–126] и частью народных депутатов СССР [285] предпочтительности конституционного контроля над конституционным надзором, отказ уже на Первом Съезде народных депутатов РСФСР от конституционного надзора [286, с. 47; 287, с. 47–134], независимая от союзного центра разработка проектов российской Конституции и Федеративного договора и, наконец, августовские события 1991 г.

Вопрос о судьбе ККН был с начала 1990 г. предметом политических, юридических и, естественно, законопроектных дискуссий и в связи с подготовкой Союзного договора и новой Конституции СССР. Одни из участников полемики были за сохранение этого института [288, с. 3–7; 289, с. 9–10], другие — за передачу его функций Верховному Суду СССР [290, с. 21]. Сторонники же судебного конституционного контроля обосновывали идею его преобразования в Союзный Конституционный Суд с расширением полномочий [291, с. 32–37; 292, с. 15–21; 293; 294, с. 3–14] либо о передаче этого контроля Верховному Суду [295, с. 5–12; 296, с. 96–102; 297]. В частности, в проекте А. Д. Сахарова говорилось о Конституционном Суде как об одной из четырех палат Верховного Суда Союза (ст. 14) [298, с. 11, 92]. Эту идею тогда поддерживают С. С. Алексеев и Ю. Х. Калмыков, председатель Комитета Верховного Совета СССР по законодательству и правопорядку. Объединение всех высших судов в один Верховный Суд Союза, по мнению последнего, «исключало бы дублирование, способствовало единообразному применению законов, в конечном счете — стабилизации правовой обстановки в стране» [299; 300, с. 6].

Борьба этих мнений отражена в различных версиях проекта Союзного договора, опубликованных в периодической печати, сборниках документов, а также в публицистике и литературе. В итоге в последнем пятом проекте Договора речь уже шла о Верховном Суде Союза в качестве конституционного и межреспубликанского суда. Интересно, что в опубликованном Е. Майминасом еще в начале 1991 г. авторском проекте Договора об образовании Европейско-Азиатского союза республик почти аналогичным образом был решен этот вопрос [301, с. 96–102].

Но эти проекты оказались невостребованными по политическим причинам, в том числе и вследствие распада Союза ССР и заключением 8 декабря 1991 г. соглашения о создании Содружества независимых государств и последующей его ратификацией и присоединением к соглашению бывших союзных республик [302, 303; 304, с. 1042–1054]. По этой причине прекратил деятельность и Комитет конституционного надзора СССР.

Для исследователей ККН в дальнейшем, на наш взгляд, остаются два неразрешенных до конца крупных научных вопроса: оценка его роли в становлении конституционного правосудия в России и в других постсоветских государствах и, соответственно, определения его места в истории отечественного конституционного правосудия.

В этом плане обобщение деятельности ККН было бы неполным, без обращения внимания на неоднозначные оценки ее и в западной (особенно в немецкой) специальной литературе. Можно упомянуть весьма интересные работы Д. Барри, А. Бланкенагеля, Б. Визера, О. Лухтерхандта, А. Мавчица, А. Нуссбергер, В. Рюккерт, Г. Хаусманингера, Г. Швартца, У. Штейнгрёвер, Ф. — С. Шрёдера и др.

[305, с. 448–457; 306, с. 59–69; 307, с. 109–163; 308, с. 18–23; 309, с. 55–98; 310, с. 1359–1391], некоторые из них переведены на русский язык.

И. О.: Михаил Алексеевич, как бы Вы оценили деятельность ККН?

М. М.: В оценке деятельности ККН нет единства ни в отечественной, ни в западной литературе. Некоторые исследователи (А. Бланкенагель, Б. Маггс и др.) характеризуют эту деятельность негативно [311, с. 104; 312]. Но это, как правильно подметил Б. М. Лазарев, во многом обусловлено завышенными ожиданиями [313, с. 24]. В то же время ряд ученых дает весьма высокую оценку этому органу. Так, И. А. Ледах, рассматривая ретроспективно функционирование ККН, обращает внимание на то, что он играл важную роль в защите прав и свобод человека. «Не обладая достаточными полномочиями, не будучи наделенным необходимым механизмом реализации выносимых им заключений и являясь в силу этого в основном совещательным органом, — писала она, — Комитет конституционного надзора тем не менее внес значительный вклад в защиту прав и свобод человека» [314, с. 137]. Д. Барри отмечал, что Комитет был «более перспективным институтом», чем в прошлом Верховный Суд СССР в конституционно-надзорной деятельности. ККН «добился общественного признания» и создал основу для образования Конституционного Суда России [315, с. 76–79]. В современных исследованиях создание Комитета квалифицируется как «прогрессивный шаг», «победой тех, кто выступал за введение института конституционного контроля в нашей стране», а также институтом «на пути к трансформации в орган конституционного контроля» [316, с. 596–597].

На наш взгляд, кратковременный опыт деятельности Комитета свидетельствует, что специализированный конституционный надзор как институт высшего представительного органа государственной власти оказался малоэффективным, особенно в сфере нормонадзора (обеспечения верховенства Конституции и законов СССР) и разрешения споров в системе советского федеративного государства. Это обуславливалось не только кризисной политической ситуацией, но и дуалистической, подчиненной природой конституционного надзора в системе охраны конституции, недостатками его правового регулирования, ограничившего возможности этого государственного института. Рассмотрение ККН вопросов по собственной инициативе лишало его возможности быть политически беспристрастным и решать вопросы сугубо права. В общем, можно согласиться с высказанным еще в 1989 г. мнением, что создание ККН было «шагом робким, недостаточно решительным, а во многом и противоречивым» [317, с. 164–167]. «Органические пороки» института конституционного надзора (лишение самостоятельности и в силу закона в большей мере зависящего от парламента и др.) не могли быть преодолены деятельностью членов ККН СССР, заслуживающей уважения и в целом веской позитивной оценки [318, с. 503]. Конституционно-надзорное направление охраны Конституции в федеративном государстве оказалось бесперспективным.

И. О.: Михаил Алексеевич, давайте в завершение нашего разговора рассмотрим влияние ККН на становление органов правовой охраны Конституции на постсоветском пространстве.

М. М.: Как уже отмечалось, Комитеты конституционного надзора, предусмотренные в ряде союзных республик конституционными изменениями 1989–1990 гг., не стали реальностью. Лишь в Таджикистане, Узбекистане и отдельных республиках Российской Федерации (Коми, Татарстан, Северная Осетия) они в качестве переходной модели предшествовали созданию конституционных судов.

На неустойчивый характер конституционного надзора в стране повлияли многие обстоятельства, среди них и юридического свойства: «устарелость» Конституции, исключение из сферы абстрактного нормоконтроля конституций и законов союзных республик, правовые «предрассудки» о верховенстве парламента и прерогативах исполнительной власти. Немаловажную роль в этом сыграли и кризис межнациональных отношений, реальное усиление роли республик и центробежных устремлений, попытка законодателя «удержать» контрольно-надзорные полномочия в своих руках, создав тем самым «дуалистический», а в некоторых случаях «многоканальный» конституционный надзор.

Одним из обстоятельств, обуславливающих «неустойчивость» ККН, также являлось публично выражаемое сомнение в эффективности этого института. Во всех политико-правовых дискуссиях конца 80-х — начала 90-х гг., где бы они ни проходили (партийные форумы, съезды народных депутатов, «всенародные обсуждения», научные конференции), многими участниками отдавалось предпочтение идее конституционного суда. Тем самым функционирование ККН происходило на фоне соперничества с еще незримым для нашей страны образом конституционной юстиции.

Вместе с тем специализированный конституционный надзор явился первой реальной попыткой применения общепризнанных принципов и норм международного права в решении проблем защиты прав и свобод в стране. ККН СССР был убедительным примером необходимости учреждения конституционного контроля на основе других правовых принципов, в частности — разделения государственной власти. Поэтому он стал институтом, предшествующим установлению в постсоветских странах судебного конституционного контроля.

Хотя и закрепилось в современной литературе называть период ККН введенным нами термином «предтеча конституционного правосудия» [319, с. 404–409], в отечественном конституционном праве наметились две противоположные точки зрения по поводу исторической преемственности между ККН и российским Конституционным Судом. Согласно одной из них, этот орган судебного конституционного контроля не является историческим продолжением первого [320, с. 705]. По мнению сторонника этой позиции В. Б. Ястребова, «нет ... достаточных оснований считать Конституционный Суд РФ преемником Комитета конституционного надзора СССР. При всех достоинствах и в целом прогрессивной роли Комитета конституционного надзора СССР проявиться они в полной мере не могли в силу не вписавшегося в специфическую ситуацию того времени, рекомендательного характера его решений, чрезвычайно сложной процедуры их реализации. Различия между Комитетом конституционного надзора и Конституционным Судом Российской Федерации как судебным органом конституционного контроля было не только терминологические..., но юридической силе решений..., правовому статусу органов» [321, с. 407–408].

В соответствии с другой точкой зрения с позиции сущностной, целевой и исторической Конституционный Суд РФ — это непосредственное продолжение процесса политико-правового развития института правовой охраны Конституции в стране. Предшествующим этапом его являлся ККН СССР, временно, а не перспективно, победивший в борьбе с идеей судебного конституционного контроля. Первую же точку зрения сторонники этой позиции полагают сугубо юридико-догматической, не учитывающей политический процесс и однопорядковое назначение специализированных конституционного контроля и конституционного надзора в общем арсенале средств правовой охраны Конституции как таковой [322, с. 68–69]. Причем в историческом процессе, как правило, политически обусловленных и нередко прогрессивно либо регрессивно «перетекающих» в друг друга.

И. О.: И, наконец, хочу спросить вот о чем: Вы начинали писать по проблематике истории Комитета конституционного надзора СССР еще при жизни его экс-председателя члена — корреспондента АН СССР Сергея Сергеевича Алексеева. Как он относился к Вашим работам по этому вопросу?

М. М.: В 2006 г. я опубликовал монографию «Предтеча конституционного правосудия». И, естественно, послал ее на суд этого выдающегося ученого современности. Спустя какое-то время получаю открытку, на лицевой стороне которой изображен «Камень Мосин / Правый берег Чусовой / Памятник природы. Средний Урал». На обороте открытки дословно знакомой рукой начертано: «Дорогой Михаил Алексеевич! Спасибо за книгу. Драматизацию ККН Вы отразили прекрасно! Вот бы тот период (истории парламентской) отразить бы с достаточной основательностью: ведь такого в истории не было никогда. Благодарен очень. Ваш С. Алексеев».

Эту — уже историческую — реликвию я бережно храню.

Резюме от авторов

Подводя итоги большому сюжету нашей беседы, мы понимаем, что емкую тему конституционной юстиции трудно раскрыть в одном, хотя и крупном очерке. Да и такая цель собеседниками и не ставилась. Была лишь попытка с учетом практического опыта одного из них и научного багажа другого выяснить историко-правовую картину появления Комитета конституционного надзора СССР — «нового органа, как по форме, так и по содержанию, не имеющего аналогов в истории создания и деятельности государственных органов в СССР», как особого института, подчеркивающего преобразовательные процессы в правовой системе СССР.

(Продолжение следует)

Библиографический список

1. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., 1998.

2. Бланкенгель А. Россия: навстречу конституционализму. Комитет конституционного надзора СССР: ретроспективный обзор // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1992. № 1; 1998. № 2 (23).
3. Лазарев Б. М. Комитет конституционного надзора СССР (подводя итоги) // Государство и право. М., 1992. № 5.
4. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
5. Лукьянов А. В водовороте российской смуты. М., 1999.
6. Сахаров А. Д. Воспоминания : в 2 т., Т. 2: Боннэр Е. Г. Постскрипtum к «Воспоминаниям» Андрея Сахарова; Сахаров А. Д. Горький; М., 1996.
7. Шахназаров Г. Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993.
8. Актуальные проблемы государства и права в современный период. Ч. 1 / под ред. В. Ф. Воловича. Томск, 1998.
9. Алексеев С. С. Линия права. М., 2002.
10. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия (к истории Комитета конституционного надзора СССР) // Ученые записки юридического факультета. Вып. 5 (15). СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та экономики и финансов, 2006. С. 104–152; Конституционное правосудие. Ереван, 2005. Вып. 4 (30); 2006. Вып. 1 (31); Вып. 2 (32).
11. Мироненко А. Конституционная юстиция на рубеже тысячелетий: Создание и эволюция Комитета конституционного надзора СССР // Закон & Бизнес. Киев, 2009. 1–7 авг. № 31 (915).
12. Брежнев О. В. Комитет конституционного надзора СССР: история создания, правовой статус, деятельность // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. № 1 (76).
13. Витевский А. Е. Конституционный контроль, конституционное правосудие на этапе перестройки // Статьи аспирантов и стажеров: труды Института государства и права Российской академии наук. М., 2008. № 3.
14. Козин В. И. Создание органов конституционного контроля в СССР и РСФСР: общее и особенное // История государства и права. 2005. № 1.
15. Авакьян С. А. Конституционный лексикон (государственно-правовой терминологический словарь). М., 2015.
16. Максимова О. Д. Заключение Комитета конституционного надзора СССР и развитие прав человека в отечественном праве // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2018. № 2.
17. Слесарева К. А. Комитет конституционного надзора Союза ССР и его влияние на развитие конституционного правосудия в странах СНГ // Российский судья. 2010. № 12.
18. Фурман Т. Некоторые особенности правового статуса члена Комитета конституционного надзора СССР // Закон и право. 2013. № 11.
19. Акименко К. В. Развитие концепции гражданских прав и свобод человека в СССР в середине 80-х годов XX века // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2008. № 1.
20. Библиография по конституционному правосудию / авт.-сост. М. А. Митюков. М., 2008; 2-е изд., доп. М., 2011.
21. Конституционное правосудие: систем. библиограф. указат. (2011–2016) / авт.-сост. М. А. Митюков. М., 2018.
22. Митюков М. А. Конституционное правосудие: опыт библиографического осмысления (федеральный аспект) // Актуальные проблемы преподавания конституционного и муниципального права : материалы Всерос. науч.-практ. сем. 14–15 марта 2008 г. / отв. ред. Н. В. Витрук. М., 2008.
23. Юбилей Сергея Сергеевича Алексеева // Правоведение. 2004. № 1.
24. Толстой Ю. К. Памяти Б. М. Лазарева // Правоведение. 1995. № 1.
25. Толстой Ю. К. Страницы воспоминаний. С. М. Корнеев, В. А. Дозорцев, М. И. Пискотин. М., 2004.
26. Никитинский Л. Сергей Сергеевич [Алексеев] // Новая газета. 2013. № 51. 15 мая.
27. Винтовкина Д. В. Тяжелый путь к праву глазами С. С. Алексеева // Эволюция российского права : материалы XVI Междунар. науч. конф. молодых ученых. УРГЮУ. Екатеринбург, 2018.
28. Алексеев С. С. Конституционный надзор: первые шаги и проблемы // Известия. 1990. 28 авг.

29. Алексеев С. С. В Комитете конституционного надзора СССР // Известия. Моск. веч. вып. 1991. 18 янв.
30. Алексеев С. С. Интервью Председателя Комитета конституционного надзора СССР // Правоведение. 1991. № 3.
31. Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. 326 с.
32. Феофанов Ю. Забытый старт «третьей власти». Комитет конституционного надзора самораспустился, не дожидаясь команды // Известия. 2001. 22 авг.
33. Феофанов Ю. Первый опыт конституционного правосудия // Время. 2001. 23 авг.
34. Алексеев С. С. Избранное: Наука права; Общесоциальные проблемы; Публицистика. М., 2003.
35. Юридическая наука и практика в условиях перестройки [подг. ИГП АН СССР] // Коммунист. 1987. № 14.
36. Савицкий В. М. Правосудие и перестройка // Сов. государство и право. 1987. № 9.
37. Обсуждение проблем совершенствования законодательства о судоустройстве и судопроизводстве // Сов. юстиция. М., 1988. № 12. С. 28–30 (о расширении судебного контроля — С. Н. Брагусь, А. Мицкевич, М. Студеникина, В. Пертцик).
38. Алексеев С. С. Правовое государство — судьба социализма: научно-публицистический очерк. М., 1988.
39. Кудрявцев В. Н. Правовое государство: проблемы и перспективы // Соц. законность. 1988. № 9.
40. Батурин Ю. М., Лившиц Р. З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению: политико-правовой взгляд. М., 1989.
41. Лазарев Л. В., Слива А. Я. Конституционные реформы: первый этап. М., 1989.
42. Шульженко Ю. Л. К вопросу о системе органов конституционного контроля в СССР // Современный конституционализм. По материалам советско-британского симпозиума. М., 1990.
43. Шульженко Ю. Л. Конституционный контроль в СССР // Укрепление социалистической законности — важнейшая политическая задача / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1990.
44. Кудрявцев В. Правовая система: пути перестройки // Правда, 1986. 5 дек.
45. Теребилов В. И. Закон только закон // Правда. 1987. 5 дек.
46. Топорнин Б. Чтобы исключить обход закона // Известия. 1988. 12 янв.
47. Бурлацкий Ф. М. О советском парламентаризме // Лит. газета. 1988. 15 июня.
48. Шульженко Ю. Авторитет Основного Закона // Моск. правда. 1988. 14 июня.
49. Савицкий В. Можно и комитет, но ... // Известия. 1988. 11 нояб.
50. Лебедев Н. Нужен суд! // Известия. 1988. 12 нояб.
51. Курашвили Б. Верховная власть: из прошлого в будущее // Известия. 1988. 14 нояб.
52. Емельянов С. Учиться политической работе // Сов. Россия. 1988. 16 нояб.
53. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995.
54. Лукьянов А. И. В водовороте российской смуты. М., 1999.
55. Бовин А. XX век как жизнь: Воспоминания. М., 2003.
56. Бурлацкий Ф. Вожди и советники. М., 1990.
57. Бурлацкий Ф. Реформы и реформаторы: Надежды и иллюзии. М., 2008.
58. Исаков В. Председатель Совета Республики: Парламентские дневники. М., 1990–1991.
59. Шахназаров Г. Цена свободы. М., 1993.
60. Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2003.
61. Алексеев С. С. Конституционный надзор — гарант демократии в стране // Правда. 1989. 21 дек.
62. Алексеев С. С. Конституция перестройки / С председателем Комитета конституционного надзора СССР ведет диалог парламентский обозреватель В. Щепотин // Известия. Моск. веч. вып., 1990. 15 янв.
63. Алексеев С. С. Юридический советник или полноправный страж законности // Известия. 1990. 17 июня.
64. Алексеев С. С. Колокола свободы // Лит. газета. 1990. 27 июня.
65. Босхолов С. С. Демократия, законность, суверенитет. М., 1992.
66. Лазарев Б. М. Конституционный надзор // Соц. законность. 1989. № 7.

67. Лазарев Б. М. Обязуюсь соблюдать Конституцию // Труд. 1990. 5 янв.
68. Пискотин М. Конституции нужна защита // Известия. Моск. вып. 1991. 26 янв.
69. Толстой Ю. К. Памяти Б. М. Лазарева [о заместителе председателя ККН] // Правоведение. 1995. № 1.
70. Толстой Ю. К. Страницы воспоминаний. С. М. Корнеев, В. А. Дозорцев, М. И. Пискотин. М., 2004.
71. Лацис О. Авторы заявления отказываются от идеи федерализма // Известия. Моск. веч. вып. 1991. 2 сент.
72. Степовой А. Комитет начинает действовать // Известия. 1990. 18 мая.
73. Феофанов Ю. Не спешите на баррикады // Известия. Моск. веч. вып. 1990. 12 сент.
74. Кудрявцев В. Правовая система: пути перестройки // Правда. 1986. 5 дек.
75. Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.
76. Савицкий В. М. Правосудие и перестройка // Сов. государство и право. 1987. № 9.
77. Терехов В. И. Закон и только закон // Правда. 1987. 5 дек.
78. Туманов В. А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Сов. государство и право. 1988. № 3.
79. Обсуждение проблем совершенствования законодательства о судостроительстве и судопроизводстве // Сов. юстиция. 1988. № 12.
80. Морозова Л. А. Выступление на конференции в Звенигороде 18–20 мая 1987 г. // Сов. государство и право. 1987. № 11.
81. Топорнин Б. Чтобы исключить обход закона // Известия. 1988. 12 янв.
82. Юридическая наука и практика в условиях перестройки. С. 44.
83. Бурлацкий Ф. М. О советском парламентаризме // Лит. газета. 1988. № 24.
84. Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. С. 177.
85. РГАНИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 144.
86. Орзих М. Ф., Черкес М. Е., Васильев А. С. Правовая охрана конституции в социалистическом государстве // Сов. государство и право. 1988. № 6.
87. XIX Всесоюзная конференция КПСС: Стеногр. отч. В двух томах. М., 1988.
88. Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатого созыва) 29 ноября — 1 декабря 1988 г.: Стеногр. отч. М., 1988.
89. Первый Съезд народных депутатов СССР. 25 мая–9 июня 1989 г. Стеногр. отч. Т. III. М., 1989.
90. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 328. Л. 90, 100, 129.
91. РГАНИ Ф. 2 Оп. 5. Д. 332. Л. 7 об. 32–33.
92. РГАНИ Ф. 2 Оп. 5. Д. 333. Л. 17.
93. Союз можно было сохранить: Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995.
94. Воротников В. И. «А это было так...». Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.
95. Савицкий В. Можно и комитет, но ... // Известия. 1988. 11 ноября.
96. Курашвили Б. Верховная власть: из прошлого в будущее // Известия. 1988. 14 ноября.
97. Лазарев Б. М. «Разделение властей» и опыт советского государства // Коммунист. 1988. Ноябрь. № 16.
98. Лазарев Л. В., Слива А. Я. Конституционная реформа — первый этап // Сов. государство и право. 1989. № 3.
99. Советское правовое государство и юридическая наука (Круглый стол) // Сов. государство и право. 1989. № 3; № 4.
100. Лазарев Б. Конституционный надзор.
101. Михалева Н., Папидзе Ш. Федеративный союз // Правда. 1989. 12 июля.
102. Грязин И. О федерализме ли речь // Правда. 1989. 26 июля.
103. Гудайтис Р., Гензалис Б. Так кто же знает рецепт? // Правда. 1989.
104. Топорнин Б. Н. Конституция в социалистическом правовом государстве // Социалистическое правовое государство: проблемы и суждения. М., 1989.
105. Станкевич З. А. История крушения СССР: Политико-правовые аспекты. М., 2001.
106. Лазарев Б. М. Можно ли было сохранить СССР (правовое исследование). М., 2002.

107. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки (30 — начало 90-х гг. XX в.). М., 2006.
108. Емельянов С. Учиться политической работе // Сов. Россия. 1988. 16 нояб.
109. Лебедев Н. Нужен суд! // Известия. 1988. 12 нояб.
110. Известия. 1988. 11 нояб.
111. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 180. Л. 10; Д. 181. Л. 7, 56–60.
112. Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатого созыва) 29 ноября — 1 декабря 1988 г.
113. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 184. Л. 33–37, 47, 69, 77, 87, 96, 137, 145, 165–166.
114. Лазарев Л. В., Слива А. Я. Конституционные реформы: первый этап. М., 1989.
115. Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727.
116. Курашвили Б. Верховная власть: из прошлого в будущее // Известия. 1988. 14 ноября.
117. Лазарев Л. В., Слива А. Я. Конституционная реформа — первый этап // Сов. государство и право. 1989. № 3.
118. Советское правовое государство и юридическая наука (Круглый стол) // Сов. государство и право. 1989. № 3; № 4.
119. Лазарев Б. Конституционный надзор // Соц. законность. 1989. № 7.
120. Сыродоев Н. А. Крупный шаг по пути реформы политической системы // Правоведение. 1989. № 2.
121. Шульженко Ю. Л. Комитет конституционного надзора — специализированный орган по правовой охране Основного Закона СССР // Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы: сб. статей. М., 1990.
122. Сибирко Л. Г. Вопросы правовой охраны советской Конституции // Правовая реформа и проблемы ее реализации: тез. докл. и сообщ. регион. науч.-практ. конф. 14–15 сент. 1989 г. Краснодар, 1989.
123. Митюков М. А. На пути к конституционному правосудию (1986–1991 гг. противоборство альтернатив: конституционный надзор или конституционный суд). К истории учреждения Комитета конституционного надзора в СССР // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 17. Томск, 2004.
124. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 143. Л. 124; Д. 145. Л. 22.
125. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 110. Д. 204. Л. 1–4.
126. Конституционные идеи Андрея Сахарова. М., 1990.
127. Воротников В. И. «А было это так...». Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.
128. Первый Съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 г. Стенограф. отчет. Т. III. М., 1989.
129. Феофанов Ю. Взлет и падение перестроечного парламента // Известия. Моск. веч. вып. 1991. 3 сент.
130. Первый Съезд народных депутатов СССР. Стенограф. отчет. Т. III.
131. Михалева Н., Папидзе Ш. Федеративный союз // Правда. 1989. 12 июля.
132. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307–311, 328, 332–333.
133. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 311. Л. 38–44, 52–53, 76–81; Д. 328. Л. 114 об., 115 об.; Д. 332. Л. 53–61.
134. Закон СССР от 1 декабря 1988 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 24.
135. Керимов Д. А. А. Выступление на Всесоюзной научно-практической конференции «Формирование социалистического правового государства» // Сов. государство и право. М., 1990. № 5.
136. Керимов Д. А. А., Экимов А. И. Конституционный надзор в СССР // Сов. государство и право. 1990. № 9.
137. Алексеев С. С. Третья власть // Известия. 1991. 23 февр.
138. Ж. И. Овсепян О Конституциях и конституционном правотворчестве в России (период с начала XX по начало XX I столетия). Ростов-на-Дону, 2013.
139. Керимов Д. А. Доклад на II Съезде народных депутатов СССР «О проекте Закона о конституционном надзоре в СССР» // Второй Съезд народных депутатов СССР. Бюл. № 15. 21 дек. 1989 г.;

Правда. 1989. 22 дек.; Известия. 1989. 23 дек.; Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР 12–15 марта 1990. М., 1990.

140. Замечания по проекту Закона СССР «О конституционном надзоре СССР». Дек. 1989 г. // Ковачев Д. А. Проблемы конституционного права. М., 2003.

141. Закон СССР от 23 декабря 1989 года «О конституционном надзоре в СССР» // ВСНД и ВС СССР. М., 1989. № 29. Ст. 572.

142. Закон СССР о конституционном надзоре в СССР. Принят на втором Съезде народных депутатов СССР 23 декабря 1989 г. М., 1990.

143. Постановление Верховного Совета СССР от 23 декабря 1989 года «О порядке введения в действие Закона СССР «О конституционном надзоре в СССР» // ВСНД и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 573.

144. Закон СССР от 23 декабря 1989 года «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного закона) СССР» // ВСНД и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 574.

145. Закон СССР от 14 марта 1990 года «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР» // ВСНД и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

146. Конституционный надзор — шаг к правовому государству // Коммунист. 1990. № 4.

147. Кубанков Е. Конституционный надзор — опора правового государства // Сов. юстиция. 1990. № 3.

148. Лазарев Б. М. Гарантии законности решений высших эшелонов власти // Соц. законность. 1990. № 4.

149. Морщакова Т. Г. Судебная реформа : сб. обзоров. М. : ИНИОН АН СССР, 1990.

150. Митюков М. А. На пути к конституционному правосудию (1986–1991 гг. противоборство альтернатив: конституционный надзор или конституционный суд). Принятие Закона о конституционном надзоре в СССР // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 17. Томск, 2004.

151. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

152. Лазарев Б. М. Можно ли было сохранить СССР.

153. Витрук Н. В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс. 2-е изд. М., 2005.

154. Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. М., 1996.

155. Барнашов А. М. Роль Комитета конституционного надзора СССР в правовой охране Конституции // Актуальные проблемы государства и права в современный период. Часть 1. Томск, 1998.

156. Второй Съезд народных депутатов СССР. М., 1989. Бюл. № 12–19. 12–23 дек.

157. Второй Съезд народных депутатов СССР. М., 1989. Бюл. № 2, 5, 15–19.

158. Казанник А. И. Мнение по поводу отсутствия стабильной Конституции СССР // Второй Съезд народных депутатов СССР. М., 1989. Бюл. № 15.

159. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Указ. соч.

160. Шахназаров Г. Указ. соч. // Второй Съезд народных депутатов СССР. 1989. Бюл. № 12, 15.

161. ВСНД и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 572, 573, 574.

162. Витрук Н. В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс. С. 62.

163. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997.

164. Второй съезд народных депутатов СССР. Бюл. № 15–19.

165. Второй съезд народных депутатов СССР. Бюл. № 16–17.

166. Лазарев Б. М. Гарантии законности решений высших эшелонов власти.

167. Черниловский З. М. Правовое государство: исторический опыт // Сов. государство и право. 1989. № 4.

168. Второй съезд народных депутатов СССР. Бюл. № 15–17.

169. Второй съезд народных депутатов СССР. Бюл. № 2, 5, 15–19.

170. Кудрявцев В. В Конституцию внесены изменения // Соц. законность. 1991. № 4.

171. Лазарев Б. М. // Соц. законность. 1990. № 4.

172. Конституционный надзор — шаг к правовому государству.

173. Второй Съезд народных депутатов СССР. Бюл. № 16, 18.

174. Второй Съезд народных депутатов СССР. Бюл. № 15, 18, 19.

175. Алексеев С. С. Конституция и власть // Известия. 1990. 2 дек.
176. Лазарев Б. М. Гарантии законности решений высших эшелонов власти.
177. Шульженко Ю. Л. Комитет конституционного надзора — специализированный орган по правовой охране Основного Закона СССР // Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы. М., 1990.
178. Шульженко Ю. Л. Парламент и специализированный орган конституционного надзора и контроля // Разделение властей и парламентаризм. М., 1992.
179. Барнашов А. М. Указ. соч.
180. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Указ. соч.
181. ВСНД и ВС СССР. М., 1989. № 29. Ст. 574.
182. Лазарев Б. Указ. соч.
183. Кубанков Е. Указ. соч.
184. Шульженко Ю. Л. Комитет конституционного надзора — специализированный орган по правовой охране Основного Закона СССР.
185. Побежимова Н. И. Конституционный контроль в правовом государстве // Государственно-правовые аспекты демократизации советского общества / под ред. С. А. Авакьяна. М., 1990.
186. Бурлацкий Ф. Свобода каждого — это свобода всех // Народный депутат. 1990. № 1.
187. Овсепян Ж. И. О ходе конституционной реформы в СССР.
188. Степанов И. Н. Парламентаризм и народовластие // Конституционная реформа в СССР: Актуальные проблемы. М., 1990.
189. Морщакова Т. Г. Судебная реформа. М., 1990.
190. Лазарев Б. М. Комитет конституционного надзора СССР (подводя итоги).
191. Архив Конституционного Суда Российской Федерации. Оп. 1993 г. Д. 16. Т. 1.
192. Топорнин Б. Н. Конституционная реформа — путь к правовому государству // Сов. государство и право. 1990. № 4.
193. Конституционный надзор — шаг к правовому государству.
194. Побежимова Н. И. Указ. соч.
195. Конституционная реформа в СССР: Актуальные проблемы.
196. Закон СССР от 14 марта 1990 г. «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // ВСНД и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.
197. Внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР 12–15 марта 1990.
198. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия.
199. Керимов Д. А., Экимов А. И. Указ. соч.
200. Барнашов А. М. Указ. соч.
201. Внеочередной Третий Съезд народных депутатов. Том 3. М., 1990.
202. Внеочередной Третий Съезд народных депутатов. Том 1; Том 3.
203. Керимов Д. А., Экимов А. И. Указ. соч.
204. Пряхина Т. М. Концепция конституционного надзора в СССР. Саратов, 1990.
205. Пряхина Т. М. Конституционный надзор в СССР: перспективы развития // Проблемы конституционного права: перестройка и конституционная реформа : межвуз. науч. сб. Саратов, 1990.
206. Бляхман Б. Я. О разграничении функций конституционного и прокурорского надзора // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью: проблемы теории законности и прокурорского надзора (Материалы расширенного заседания Координационного бюро по проблемам законности и прокурорского надзора, 19–20 ноября 1990 г.). Инф. письмо № 129. М., 1991.
207. Арановский К. В. Перспективы конституционного судебного надзора в условиях советской государственности // Проблемы современного законодательства и перспективы его развития. Владивосток, 1991.
208. Емельянов Е. А. Соотношение и взаимодействие конституционного и прокурорского надзоров // Сов. государство и право. 1991. № 4.
209. Журавлев Н. Н. Правовая охрана конституционных установлений // Конституционное регулирование деятельности высших представительных органов власти СССР : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 1991.

210. Холиков К. Н. К вопросу создания института конституционного надзора в Советском государстве // Правовое государство и развитие законодательства Таджикской ССР. Душанбе, 1991.
211. Холиков К. Н. Соотношение конституционного надзора с другими видами контроля и надзора // Вестник Таджикского государственного университета. Серия «История юриспруденции». 1991. № 2.
212. Холиков К. Н. Конституционный надзор в правовом государстве // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия «Философия и правоведение». 1992. № 3.
213. ВСНД и ВС СССР. 1990.
214. ВСНД и ВС СССР. 1990. № 18. Ст. 315.
215. ВСНД и ВС СССР. 1990. № 19. Ст. 329.
216. ВСНД и ВС СССР. 1990. № 44. Ст. 918.
217. ВСНД и ВС СССР. 1991. № 23. Ст. 649, 651.
218. Первый Съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 г.: Стеногр. отч. Т. 3. М., 1989.
219. Регламент Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 20 декабря 1989 г. // ВСНД и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 565.
220. Постановление Верховного Совета СССР от 23 декабря 1989 г. «Об избрании Комитета конституционного надзора СССР» // ВСНД и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 575.
221. Мироненко А. Конституционная юстиция на рубеже тысячелетий. Страница 129: Предпосылки становления новейших органов обеспечения конституционной законности в СССР // Закон & Бизнес. 2009. 4–10 июля. № 27.
222. Лазарев Б. Н. Комитет конституционного надзора СССР (подводя итоги).
223. Керимов Д. А., Экимов А. И. Указ соч.
224. Шахназаров Г. Указ. соч.
225. Второй съезд народных депутатов СССР. Бюл. 18.
226. ВСНД и ВС СССР. М., 1989. № 29. Ст. 575.
227. Лучин В. Конституционная война: победителей не будет // Мегаполис. М., 1990. 15 нояб.
228. Керимов Д. А., Экимов А. И. Указ соч.
229. Лыхмус А. У. Развитие конституционализма в Эстонии // Современный конституционализм и конституционная юстиция : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Одесса, 2001.
230. Постановление Верховного Совета СССР от 26 апреля 1990 г. «Об избрании членов Комитета конституционного надзора СССР» // ВСНД и ВС СССР. 1990. № 8. Ст. 314.
231. Лазарев Б. М. Указ. соч.
232. Алексеев С. С. Конституционный надзор: первые шаги и проблемы // Известия. Моск. веч. вып. 1990. 28 авг.
233. Степовой А. Комитет начинает действовать // Известия. 1990. 18 мая.
234. Феофанов Ю. Способна ли власть быть честной // Известия. 1990. 16 дек.
235. Феофанов Ю. В тисках справедливости // Известия. М., 1991. 2 апр.
236. Бутенко А. Август-91 // Правда. 1991. 18–19 сент.
237. Алексеев С. С. Путч и правосудие: необходимые пояснения к статье «Август-91» // Правда. 1991. 30 сент.
238. Алексеев С. С. Конституционный надзор — гарант демократии в стране // Правда. 1989. 21 дек.
239. Алексеев С. С. Конституция перестройки // Известия. Моск. веч. вып. 1990. 15 янв.
240. Алексеев С. С. Юридический советник или полноправный страж законности // Известия. 1990. 17 июня.
241. Алексеев С. С. Колокола свободы // Лит. газета. 1990. 27 июня.
242. Босхолов С. С. Указ. соч.
243. Лазарев Б. М. Конституционный надзор.
244. Лазарев Б. М. Обязуюсь соблюдать Конституцию.
245. Пискотин М. Конституции нужна защита; Толстой Ю. К. Памяти Б. М. Лазарева // Правоведение. 1995. № 1.
246. Пискотин М. Страницы воспоминаний. С. М. Корнеев, В. А. Дозорцев, М. И. Пискотин. М., 2004.

247. Лацис О. Авторы заявления отказываются от идеи федерализма // Известия. Моск. веч. вып. 1991. 2 сент.
248. Степовой А. Комитет начинает действовать // Известия. 1990. 18 мая.
249. Феофанов Ю. Не спешите на баррикады // Известия. Моск. веч. вып. 1990. 12 сент.
250. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты и институциональные предпосылки. С. 133–152.
251. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) : в 2 т. Т. 1: Нормативные акты. Официальные сообщения / под общ. ред. С. М. Шахрая. М., 2009.
252. Отечественная конституционная юстиция: Документы и материалы (1988–2010). М., 2010.
253. Шустров Д. Г. Живое конституционное право России в решениях Конституционного Суда РФ : в 7 томах. Т. 2: Конституция РФ и другие источники российского права. М., 2017.
254. Библиография по конституционному правосудию. М., 2008.
255. Митюков М. А. Указ соч.
256. Алексеев С. С. Год пути к верховенству права // Известия. 1991. 19 июня.
257. Наумов А. В. Предисловие // Босхолов С. С. Указ. соч. 1992.
258. Наумов А. В. Слово к избирателю. М., 1995.
259. Хабриева Т. Я. Правовая охрана Конституции. Казань, 1995.
260. Пряхина Т. М. Конституционная доктрина современной России. Саратов, 2002.
261. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия. М., 2006.
262. Алексеев С. С. Конституционный надзор: первые шаги и проблемы // Известия. 1990. 28 авг.
263. Алексеев С. С. Конституция и власть // Известия. 1990. 3 дек.
264. Алексеев С. С. В Комитете конституционного надзора СССР // Известия. Моск. веч. вып. 1991. 18 янв.
265. Лукьянова Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993). М., 2000.
266. Пряхина Т. М. Указ. соч.
267. Феофанов Ю. Способна ли власть быть честной? // Известия. 1990. 16 окт.
268. Алексеев С. С. Третья власть // Известия. 1991. 23 февр.
269. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия. М., 2006.
270. Особые мнения членов Комитета С. С. Босхолова, А. Г. Быкова, Г. З. Инцкирвели // ВСНД и ВС СССР. 1990. № 47. Ст. 1245–1248.
271. Феофанов Ю. В тисках справедливости // Известия. 1991. 2 апр.
272. Ярошинская А. Как Анатолий Иванович перехитрил самого себя // Известия. Моск. веч. вып. 1991. 21 нояб.
273. Четвертый съезд народных депутатов СССР. М., 1990. Бюл. 10–16, 21–26 дек.
274. Шуберт Т. Э. Конституционный контроль в СССР: автореф. канд. дис. М., 1991.
275. Алексеев С. С. Третья власть // Известия. 1991. 23 февр. «Конституционно-правосудным органом».
276. Алексеев С. С. Конституция и власть // Известия. 1990. 3 дек.; Год на пути к верховенству права // Известия. 1991. 19 июня.
277. Феофанов Ю. Право на власть // Известия. 1991. 25 июня.
278. Митюков М. А. Предтеча конституционного правосудия. М., 2006.
279. Лукьянов А. И. В водовороте российской смуты. М., 1999.
280. Мироненко А. Конституционная юстиция на рубеже тысячелетий: Кризис конституционного надзора // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 23. Томск, 2005.
281. Митюков М. А. Конституционные суды на постсоветском пространстве. Сравнительное исследование законодательства и судебной практики. М., 1999.
282. Концепция новой Конституции СССР / ИГиП АН СССР // Сов. государство и право. 1990. № 4.
283. Кудрявцев В., Топорнин Б. К новой Конституции СССР // Народный депутат. 1990. № 1.
284. Аналитическая записка «Ситуация в обществе (после I Съезда народных депутатов СССР)», подготовленная в секторе теории государства и социалистического самоуправления Института государства и права АН СССР. Май 1990 г. // Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 110. Д. 2.
285. Четвертый Съезд народных депутатов СССР. 1990. Бюл. № 6. 19 дек.; № 10. 21 дек.

286. Босхолов С. С. Демократия, законность, суверенитет. М., 1992.
287. Митюков М. А. К истории конституционного правосудия России. М., 2002.
288. Златопольский Д. Л. Конституция СССР (проект) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1990. № 5.
289. Крылов Б. С., Кузнецов И. Н., Михалева Н. А. Концепция Союзного договора // Сов. государство и право. 1990. № 10.
290. Проект конституционного раздела «О судебной власти», подготовленный Институтом проблем укрепления законности и правопорядка // Вестник Верховного Суда СССР. 1991.
291. Кудрявцев В., Топорнин Б. К новой Конституции СССР // Народный депутат. 1990. № 1.
292. Концепция новой Конституции Союза ССР // Сов. государство и право. 1990. № 4.
293. Какой видится концепция новой Конституции Союза ССР (предложение Института государства и права АН СССР) // Народный депутат. 1990. № 4.
294. Топорнин Б. Н. Конституционная реформа — путь к правовому государству. М., 1990.
295. Сахаров А. Д. Проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик Европы и Азии // Горизонт. М., 1990. № 1.
296. Майминас Е. Договор об образовании Европейско-Азиатского союза республик: проект // Общественные науки и современность. 1991. № 1.
297. Калмыков Ю. Х. Пять причин «войны законов». О правовой ситуации в стране // Известия. 1991. 4 апр.
298. Конституционные идеи Андрея Сахарова.
299. Алексеев С. С. Третья власть // Известия. 1991. 23 февр.
300. Калмыков Ю. Х. Указ. соч.
301. Общественные науки и современность. 1991. № 2.
302. Российская газета. 1991. 10 дек.
303. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 51. Ст. 1798.
304. Распад СССР: документы и факты: в 2 т. Т. 1. М., 2009.
305. Blankenagel A. Verfassungskontrolle in der UdSSR // Der Staat. 1993. № 3.
306. Nußberger A. Verfassungskontrolle in der Sowjetunion und in Deutschland. Baden-Baden: Nomos Verl. — Ges., 1994.
307. Shwartz H. The Struggle for Constitutional Justice in Post-Communist Europe. Chicago and London. 2000.
308. Steingrover U. Anfänge der Verfassungsgerichtsbarkeit. Die erste Phase des Verfassungsgericht der Russlandlihtchen Foderation 1991–1993: Erfahrungen und Konsequenzen. Frankfurt am Main. 2000.
309. Rückert W. Das Völkerrecht in der Rechtsprechung des Russischen Verfassungsgerichts. BWV. Berliner Wissenschafts-Verlag, 2005.
310. Gazier A. Justice constitutionnelle et Federalisme en Russie // Revue du droit public. 1999. № 5.
311. Maggs D. P. Enforcing the Bill of Rights in the Twilight of the Soviet Union. 1991, № 2.
312. Blankenagel A. Verfassungskontrolle in der UdSSR // Der Staat. 1993. № 3 (32).
313. Лазарев Б. М. Комитет конституционного надзора (подводя итоги).
314. Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1996.
315. Барри Д. Конституционный Суд России глазами американского юриста // Государство и право. 1993. № 12.
316. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс : в 2 т. Т. 2. М., 2005.
317. Батурин Ю. М., Лившиц Р. З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению: политико-правовой взгляд. М., 1989.
318. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.
319. Судостроительство и правоохранительные органы : учебник / под ред. Л. В. Головки. М., 2020.
320. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. М., 2019.
321. Ястребов В. Б. К истории учреждения конституционного контроля в Российской Федерации // Судостроительство и правоохранительные органы : учебник / под ред. Л. В. Головки. М., 2020.
322. Митюков М. А. Конституционное правосудие на первом этапе развития (к историографии вопроса с позиции конституционалиста) // Конституционное и муниципальное право. М., 2019.

УДК 347.211

ББК 67.404

МЕСТО КРИПТОВАЛЮТЫ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

*Н. А. Пронина, А. В. Буянов**Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

В условиях цифровизации закономерно все большую актуальность приобретают вопросы определения правового регулирования отношений, связанных с использованием криптовалют. Квалификация криптовалюты в качестве объекта гражданских прав является одним из важнейших аспектов правового режима криптовалюты. Необходимость качественной разработки и оформления правового режима криптовалюты, встраивания этого явления в правовую систему Российской Федерации требуют детальной проработки вопросов определения места криптовалюты в системе объектов гражданских прав, придания ей юридических признаков имущества или имущественных прав, или же, напротив, постулирования и закрепления ее принципиальной самобытности и индивидуальности. Анализ новейших правовых инициатив позволяет сделать вывод о непоследовательности и неоднозначности правового регулирования. Между тем суды уже неоднократно сталкивались с рассмотрением и разрешением вопросов оборота криптовалют, в частности, в договорных спорах и спорах о банкротстве, что предопределило определенный подход судейского сообщества к понятию криптовалюты и, следовательно, квалификацию ее в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

Ключевые слова: криптовалюта, объекты гражданских прав, иное имущество, имущественные права, цифровые права.

PLACE OF CRYPTOCURRENCY IN THE SYSTEM OF CIVIL RIGHTS

*N. A. Pronina, A. V. Buyanov**Altai State University (Barnaul, Russia)*

In the context of digitalization, the issues of determining the legal regulation of matters related to the use of cryptocurrencies are naturally becoming increasingly relevant. The qualification of cryptocurrency as an object of civil rights is one of the most important aspects of the legal regime of cryptocurrency. The need for high-quality development and registration of the legal regime of cryptocurrency, incorporation of this phenomenon into the legal system of the Russian Federation requires a detailed study of the issues of determining the place of cryptocurrency in the system of civil rights, attributing legal signs of property or property rights to it, or, conversely, postulating and consolidating its fundamental identity and individuality. Analysis of the latest legal initiatives leads us to conclude that the legal regulation is inconsistent and ambiguous. Meanwhile, the courts repeatedly faced the proceedings and resolutions of issues of cryptocurrency circulation, in particular in contractual disputes and bankruptcy disputes, which predetermined a certain judicial community approach to the concept of cryptocurrency and its qualifications as an independent object of civil rights.

Keywords: cryptocurrency, civil rights objects, other property, property rights, digital rights.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.8](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.8)

По справедливому замечанию В. А. Белова, «проблема объекта гражданского правоотношения — это крепость, осаждаемая учеными вот уже более двух столетий, но остающаяся неприступной. Римлянам покорился единственный ее форпост — сторожевая башня под названием «вещи»... Принято считать, что проблема объекта гражданского правоотношения сводится

к установлению понятия об объекте гражданского правоотношения и его адекватному приложению к окружающей действительности...» [1, с. 6–7].

Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) закрепляет перечень объектов гражданских прав, по поводу которых возникают правоотношения. Согласимся с А. И. Савельевым, что главной целью закрепления объектов является возможность распространить на них определенный правовой режим, возможность или невозможность совершения с ними определенных юридически значимых действий [2, с. 138], иными словами — возможность сделать их объектами гражданского оборота.

В этой связи основной тезис, раскрываемый в настоящей работе, предполагает, что криптовалюта, как и любой другой объект виртуальной реальности, способна считаться объектом гражданского правоотношения, нужно только определить ту совокупность признаков, которая придаст этому субстрату юридическое значение.

Итак, вернемся к теоретическим представлениям об объекте гражданского правоотношения. Заслуживает внимания первый в отечественной литературе опыт выявления взаимосвязи категории объекта субъективного гражданского права и объекта гражданского оборота: «Не все вещи, не все физические тела подлежат господству лица, составляют объект права, а только такие вещи, такие тела, которые состоят в гражданском обороте и имеют значение имущества, т. е. представляют собой какую-либо ценность...» [3, с. 159].

Некоторые авторы, в том числе М. М. Агарков, считали, что объектом права выступает то, на что направлено поведение обязанного лица, а в обязательствах вещи «могут служить для характеристики и определения содержания соответствующих прав требований и обязанностей» [4, с. 29].

Как указывал О. С. Иоффе, «объектом правоотношения является то, на что направлено гражданское субъективное право и гражданско-правовая обязанность как элементы гражданского правоотношения, образующие его непосредственное содержание» [5, с. 352]. То есть объект правоотношения — он же объект гражданского права, ибо то, что является объектом субъективного гражданского права, одновременно — и объект юридической обязанности, а это две медали одного целого, именуемого содержанием правоотношения. Причем объект правоотношения — это нечто, не являющееся содержанием, и, конечно, не субъект правоотношения.

В. А. Белов предлагает вспомнить о том, что характеризуя гражданское правоотношение, мы всегда имеем дело с правоотношением, с одной стороны, и с фактическим отношением, — с другой. Эти «отношения» принадлежат к различным мирам — миру реальных вещей и действий (миру чувств и ощущений), с одной стороны, и миру отвлеченных идей и представлений (миру рассудка и разума) — с другой [1, с. 47]. И далее, «вещь может быть объектом физического воздействия, ... но не субъективного права и не правоотношения. Вместе с тем, невозможно игнорировать тот факт, что содержание всех без исключения прав и обязанностей в полной мере предопределяется свойствами предметов внешнего мира... так, содержание вещных прав всецело предопределяется свойствами вещей — субстратов, являющихся объектами фактического господства управомоченных лиц...» [1, с. 59]. В результате автор приходит к выводу, что объект гражданского правоотношения — это любая субстанция, имеющая определенное юридическое значение (совокупность определенных признаков, придающих то или иное юридическое значение), не совпадающая с его субъектами и содержанием и не входящая в число оснований его динамики (юридических фактов).

Бесспорно, статья 128 ГК РФ адекватно воспринимает эту идею и допускает существование объектов, непоименованных указанной статьей, обозначая эту позицию через категорию «иное имущество».

Думается, законодатель не преследовал цель выделить ограниченный круг объектов, создавая дихотомию имущества, а хотел предоставить «иному имуществу» правовой режим для обеспечения функционирования его в обороте. Как указывает А. Н. Лысенко, такой подход не всегда оправдан, так как он предлагает регулирование нового объекта, через существующие режимы, а возможно, что новому объекту необходим самостоятельный правовой режим, нежели существующие [6, с. 43]. Иными словами, продолжая мысль В. А. Белова, в правовом поле может возникнуть такой объект, свойства которого не являются типовыми для существующих гражданских правоотношений, и, соответственно, они повлекут за собой совершенно иные по содержанию гражданские правоотношения.

В продолжение высказанной позиции А. Н. Лысенко, В. А. Перов указывает на необходимость придания самостоятельного правового режима криптовалюте, в обоснование указывая, что отсутствие

нормативного регулирования само по себе нарушает права и законные интересы граждан в сфере гражданского оборота, а также ущемляет право на судебную защиту [7, с. 59]. «В настоящее время законодателю необходимо признать, что криптовалюта — это уже не призрачная перспектива, а объективное экономическое и правовое явление, требующее создания оптимальных правовых условий для своего развития» [8, с. 195].

Думается, рассмотрение попыток законодателя дать правовое закрепление криптовалюте следует начать с проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах», представленного Министерством финансов, одобренного в первом чтении 22 мая 2018 г. [9]. Первоначально закон пытается дать определение цифровому финансовому активу, говоря, что это «имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. Право собственности на данное имущество удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации» [9].

Согласно пп. 12 ч. 1 ст. 2 указанного закона под криптовалютой предполагается понимать «вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций» [9].

Поскольку криптовалюта является видом цифрового финансового актива, она является имуществом в электронной форме. По смыслу ст. 128 ГК РФ, это «иное имущество». Электронная форма говорит о существовании таких активов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Криптовалюта, по мнению разработчиков проекта, может находиться у лица в собственности. Безусловно, говорить о классическом понимании права собственности, как вещного права, здесь не приходится. Как было указано выше, содержание права собственности «всецело предопределяется свойствами вещей — субстратов, являющихся объектами фактического господства управомоченных лиц и не имеющих такого значения в отношении активности лиц обязанных» [1, с. 59]. Криптовалюта вещью не является, соответственно, стать объектом права собственности как субъективного права она не может. Возможно, следует рассматривать такие отношения как «экономические отношения присвоения» [10, с. 289], не относящиеся к вещному праву собственности. Правопорядок хочет уравнивать всех субъектов экономического оборота, предоставив им одинаковый, наиболее полный по отношению к другим, набор прав для создания полноценного объекта гражданского оборота.

Следующим признаком криптовалюты является то, что она создается и учитывается в распределенном реестре цифровых транзакций, который представляет собой «систематизированную базу цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра». В данном случае речь идет о технологии блокчейн.

Транзакции, вносимые в систему блокчейн, хранятся в этой системе. При желании мы можем увидеть первый блок с первой транзакцией — это блок 0 с транзакцией, совершенной 2009-01-03 18:15:05 на сумму в 50 BTC. Создание предполагает собой внесение данных в эту систему, так как помимо внесенных данных существует банк данных с множеством невнесенных транзакций. Транзакция, внесенная в блокчейн, отсылает к предыдущей транзакции.

Главным признаком реестра является то, что все эти процессы совершаются одновременно на всех носителях. Это характеризует «распределенный реестр» и делает его публичным. Иными словами, у всех пользователей такой системы блокчейн есть данные обо всех совершенных транзакциях. Соответственно, каждый участник системы проверяет действительность совершенной транзакции. В итоге, получается, что каждый участник системы контролирует другого участника и не допускает внесение недостоверной информации. В этом есть главный принцип децентрализации системы и ее защиты.

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что в указанном выше проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах» под криптовалютой понимается вид цифрового финансового актива, имущество, право собственности на которое подтверждается в случае, если соответствующая запись о таком активе внесена в распределенный реестр цифровых финансовых транзакций. Последний, в свою очередь, должен отвечать признакам публичного реестра.

Относительно недавно вступили в силу изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, касающиеся регулирования цифровых прав. Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [11] в ст. 128 ГК РФ включены в число объектов цифровые права, а новая ст. 141.1 ГК РФ раскрывает понятие цифрового права. На первый взгляд может показаться, что таким образом законодатель нормативно закрепил криптовалюту среди объектов гражданских прав. Но это только на первый взгляд.

По нашему мнению, ст. 141.1 ГК РФ в значительной степени ограничила само понимание цифрового актива, отождествив его с токенами. В статье 141.1 указано, что «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам...». При этом норма отсылает нас к ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в которой под цифровыми правами понимается: «1) право требовать передачи вещи (вещей); 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг». Полагаем, данное определение охватывает содержание такого объекта, как токен, но никак не может распространяться на понятие криптовалюты. Зарубежные авторы аналогичным образом стремятся отграничить понятие криптовалюты от различного рода обязательственных прав требования как к лицам, выпускающим криптовалюту, так и к третьим лицам [12, с. 444].

Понятие токена можно обнаружить в рассмотренном выше проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», где указано, что это «вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (далее — эмитент) с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций». Соответственно, токен есть некоторый актив, выпущенный эмитентом в цифровой среде для привлечения инвестиций, заключающий в себе определенное право требования к эмитенту.

Получается, что к имущественным цифровым правам законодатель отнес токены, являющиеся объектами обязательственных прав, но не включил криптовалюту, как объект имущественного субъективного права. Очевидно, можно сделать вывод, что мы говорим о разных объектах гражданского права: токены — это цифровые, имущественные права, а криптовалюта — это иное имущество, не относящееся ни к одной из указанных групп объектов.

В качестве подтверждения того, что криптовалюта, несмотря на имеющиеся законодательные недоработки, все же признается объектом гражданских правоотношений, приведем Решение Арбитражного суда города Москвы от 22.11.2016, в соответствии с которым Смиреников Александр Леонидович (далее — должник) признан несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура реализации имущества гражданина. Финансовым управляющим к должнику было предъявлено требование о передаче данных доступа лица к биткоин-кошельку, однако должник добровольно требование не удовлетворил, в связи с чем управляющий обратился в суд. Как было установлено, Должник совершил сделку, в результате которой получил денежные средства, однако в конкурсную массу они не поступали, а на требование управляющего Должник указал, что на все деньги приобрел криптовалюту (биткоин) и сообщил о наличии биткоин-кошелька. Суды, удовлетворяя заявление, делали ссылку на п. 9 ст. 213 Закона о банкротстве, по которому гражданин должен предоставлять любые сведения о составе своего имущества. Таким образом, суды рассматривали криптовалюту как имущество с позиции ст. 128 ГК РФ (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 № Ф05–8713/2017 по делу № А40–12639/2016) [13].

Еще в одном деле финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с ходатайством о разрешении разногласий между финансовым управляющим и гражданином, которые заключались в вопросе включения содержимого крипто-кошелька в конкурсную массу. Определением суда финансовому управляющему было отказано в удовлетворении требования. В обоснование суд первой инстанции указывал, что «криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции

не обеспечиваются принудительной силой государства». Не согласившись, управляющий обратился с требованием об отмене определения. Удовлетворяя жалобу, суд исходил из следующего: «Доводы суда о невозможности применения к криптовалютам по аналогии норм, регулирующих сходные отношения, противоречат положениям ст. 6 ГК РФ, согласно которым при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости» [14]. По мнению суда апелляционной инстанции, криптовалюта не может быть расценена, применительно к ст. 128 ГК РФ, иначе как иное имущество.

При этом суд учитывал находящийся в стадии рассмотрения законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», который, как было указано выше, предусматривает определение понятия «цифровое право» через категорию имущественных прав, а не иного имущества (п. 1 ст. 128 ГК РФ).

Подводя итоги, необходимо отметить, что в результате соотнесения криптовалюты с предложенным пониманием объекта гражданских прав, можно прийти к выводу, что она закономерно относится к данной категории. Несмотря на попытку интеграции криптовалюты в систему объектов, стоит признать обоснованным вывод В.А. Перова, что она является самостоятельным явлением, требующим должного законодательного урегулирования, потому считаем, что одним из возможных решений проблемы будет принятие названного выше законопроекта, а также внесение правок в имеющиеся нормативные акты соответствующих отраслей права.

Библиографический список

1. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007.
2. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8.
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. М., 2003.
4. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
5. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975.
6. Лысенко А. Н. Имущество в гражданском праве России. М., 2010.
7. Перов В. А. Об особенностях правового регулирования правоотношений в сфере оборота криптовалют на территории Российской Федерации // Российская юстиция. 2018. № 3.
8. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3 (57).
9. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=172447#0057638832408827945> (дата обращения: 17.02.2020).
10. Российское гражданское право : учебник : в 2 томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011.
11. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 17.02.2020).
12. Daniel Haerberli, Stefan Oesterhelt & Urs Meier. Homburger. Switzerland. В книге: Blockchain & Cryptocurrency Regulation. First Edition. Zurich, Switzerland: Contributing Editor Josias Dewey, 2019. URL: https://media.homburger.ch/karmarun/image/upload/homburger/H1TL5_1tm-GLI-BLCH1_CH.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.08.2019 № Ф05-8713/2017 по делу № А40-12639/2016 [сайт] [2020] URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/A40-12639-2016_20190815_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.02.2020).
14. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного Суда № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 [сайт] [2020]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.02.2020).

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ

УДК 343:347.763

ББК 67.408

НОРМАТИВНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН «О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ» ОТ 29 ИЮНЯ 2011 ГОДА И УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН

К. А. Бакишев

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза (Караганда, Республика Казахстан)

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г. подчеркивается, что уголовный закон должен соответствовать требованиям юридической точности и предсказуемости последствий, то есть его нормы должны быть сформулированы с достаточной степенью четкости и основаны на понятных критериях, исключающих возможность произвольной интерпретации положений закона. Между тем анализ УК РК показывает, что некоторые статьи об ответственности за автотранспортные уголовные правонарушения сконструированы неудачно. Например, ст. 346 УК РК характеризуется сочетанием формального и квалифицированного составов преступлений, а также двух форм вины — умысла и неосторожности; в ст. 351 УК РК существенно сократился круг субъектов уголовного правонарушения за счет необоснованного исключения водителей немеханических транспортных средств. В итоге Верховный Суд РК в нормативном постановлении «О практике применения судами уголовного законодательства по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» от 29 июня 2011 г. допустил ряд ошибок и противоречий, повлекших затруднения при квалификации уголовного правонарушения и назначении уголовного наказания. С учетом правоприменительного и законодательского опыта Казахстана и других стран в сфере обеспечения безопасности движения транспорта автор предлагает изменения и дополнения в названное нормативное постановление Верховного Суда РК для повышения его качества и совершенствования правоохранительной практики.

Ключевые слова: автотранспортные преступления, нормативное постановление, Верховный Суд, безопасность движения.

THE NORMATIVE RESOLUTION OF THE SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN "ON THE PRACTICE OF THE COURTS APPLYING THE CRIMINAL LAW IN CASES OF CRIMES RELATED TO VIOLATION OF THE RULES OF THE ROAD AND THE OPERATION OF VEHICLES" DATED JUNE 29, 2011, AND THE CRIMINAL LAW

K. A. Bakishev

Karaganda economic university (Karaganda, Republic of Kazakhstan)

The Concept of the legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020 emphasizes that the criminal law must meet the requirements of legal accuracy and predictability of consequences, that is, its norms must be formulated with a sufficient degree of clarity and based on clear criteria that exclude the possibility of arbitrary interpretation provisions of the law. Meanwhile, an analysis of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan shows that some articles on liability for road transport offences are designed poorly. For example, Art. 346 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan is characterized by a combination of formal and qualified *corpus delicti*, as well as two forms of guilt — intent and negligence; in Art. 351 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, the circle of subjects of the criminal offence was significantly reduced due to the unjustified exclusion of drivers of non-mechanical vehicles. As a result, the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan in the regulatory decree «On the practice of the courts applying the criminal law in cases of crimes related to violation of the rules of the road and the operation of vehicles» of June 29, 2011 made a number of errors and contradictions that led to difficulties in qualifying the criminal offence and the appointment criminal punishment. Taking into account the law-enforcement and legislative experience of Kazakhstan and other countries in the field of ensuring traffic safety, the author proposes amendments and additions to the named regulatory decision of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan to improve its quality and improve law enforcement practice.

Keywords: road transport crimes, normative resolution, Supreme Court, traffic safety.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.9](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.9)

Безопасность дорожного движения остается проблемой мирового масштаба ввиду неуклонного роста числа дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), влекущих тяжкие последствия. В мире ежегодно регистрируется около 60 млн ДТП, в которых погибает более 1,25 млн человек, 20–50 млн получают тяжелые увечья [1]. В Казахстане в ДТП ежегодно гибнет около 3 тыс. человек и свыше 20 тыс. получает ранения [2]. По оценке Всемирного банка, ежегодно казахстанский бюджет теряет из-за дорожных аварий около 1,5% ВВП [3]. В этой связи государство предпринимает различные меры противодействия этому негативному социальному явлению, среди которых особое место занимают правовые акты, предусматривающие общеобязательные для граждан правила поведения и ответственность за их нарушение. В их числе нормативное постановление Верховного Суда РК «О практике применения судами уголовного законодательства по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» от 29 июня 2011 г. (далее — нормативное постановление). Согласно п. 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан, оно относится к действующему праву республики (специфическому виду нормативных правовых актов), сочетающее в себе элементы интерпретации, конкретизации и детализации исходных норм, которое «оказывает несомненное влияние не только на осуществление правосудия, но и на деятельность других правоприменительных органов» [4, с. 68].

Ранее суды республики руководствовались постановлением Пленума Верховного Суда Казахской ССР «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» от 23 сентября 1983 г., которое в силу объективных причин уже не отвечало современным потребностям практики. Между тем в деятельности судов все еще отмечались недостатки, связанные с отправлением правосудия

при рассмотрении уголовных дел этой категории [5]. Поэтому Верховный Суд РК в новом нормативном постановлении постарался, в первую очередь, их разрешить: впервые описал признаки предмета автотранспортных преступлений; отказался от учета каких-либо иных признаков, кроме возраста, вменяемости и факта управления транспортным средством, для признания лица субъектом преступления; указал признаки, позволяющие отличать нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта от нарушения правил производства определенных работ, техники безопасности и преступлений против личности и др. [6, с. 17–21].

Но в 2014 г. были приняты новые Закон РК «О дорожном движении» от 17 апреля 2014 г. и Правила дорожного движения от 13 ноября 2014 г., а также Уголовный кодекс РК, отличающийся принципиально иным подходом к конструированию и систематизации уголовно-правовых норм. В частности, глава 14 УК РК теперь называется «Транспортные уголовные правонарушения», которая объединяет уголовные проступки и преступления и содержит 17 статей, из которых ст. 346, 349, 358, 359 являются новеллами [7, с. 82]. В этой связи в судебной практике вновь возникли вопросы, связанные с применением статей об ответственности за автотранспортные уголовные правонарушения. В целях правильного и единообразного применения законодательства по уголовным делам данной категории в названное нормативное постановление были внесены серьезные изменения и дополнения [8].

В нормативном постановлении Верховный Суд РК особое внимание уделяет вопросам квалификации такой новеллы, как управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсикоманического опьянения, передача управления или допуск к управлению транспортным средством такого лица должностным лицом или собственником либо владельцем транспортного средства (ст. 346 УК РК). Дело в том, что ч. 1 ст. 346 УК РК является формальным составом, ч. 2–5 статьи — материальные составы. Кроме того, деяние характеризуется сочетанием двух форм вины — умысла и неосторожности. Такая конструкция уголовного закона говорит о том, что квалифицирующее последствие состоит в причинении вреда, как правило, дополнительному объекту, а не тому, который поставлен под уголовно-правовую охрану нормой, формулирующей основной состав преступления. В подобных составах умышленное совершение преступного действия (бездействия) сочетается с неосторожным отношением к квалифицирующему последствию [9, с. 133].

В этой связи Верховный Суд РК разъяснил нижестоящим судам, что деяния, предусмотренные частями второй, третьей, четвертой и пятой ст. 346 УК РК, относятся к уголовным правонарушениям, совершенным с двумя формами вины и в соответствии с требованиями ст. 22 УК РК в целом признаются совершенными умышленно (п. 17). Однако обоснованность этого вывода вызывает у нас серьезные сомнения. Во-первых, трудно представить нетрезвого водителя за рулем транспортного средства, за редким случаем желающего причинить общественно опасный вред или сознательно допускающего его причинение другим лицам. В противном случае такие действия квалифицируются как умышленное преступление против жизни или здоровья личности. Но еще труднее считать умысел в деяниях, которые традиционно признаются неосторожными в отечественном уголовном праве: передаче управления транспортным средством нетрезвому водителю, допуске его к управлению транспортным средством. Например, допуск к управлению транспортным средством лица, находящегося в состоянии опьянения, в ч. 2 ст. 298 УК РК в редакции 1997 г. законодатель сформулировал как неосторожное преступление. Неосторожным правонарушением признается также допуск к управлению транспортным средством водителя, не имеющего права управления, в ст. 349 действующего УК РК. Во-вторых, приведенный вывод в п. 17 нормативного постановления противоречит п. 15 этого же постановления, который предписывает случаи управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, но ранее не лишенным права управления транспортными средствами, при наступлении вредных последствий квалифицировать по соответствующей части ст. 345 УК РК, т. е. по статье о неосторожном правонарушении. Поэтому нельзя согласиться также с другим положением п. 17 о том, что в случае неосторожного причинения среднего или тяжкого вреда здоровью либо смерти одному или более лицу в результате совершения умышленного уголовного правонарушения (управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами, находящимся в состоянии опьянения; передача или допуск такого лица к управлению транспортным средством) виновному лицу отбывание наказания в виде лишения свободы на срок свыше одного года должно быть назначено в учреждении уголовно-исполнительной системы средней

безопасности (т. е. в колонии общего режима), а не в учреждении уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности (т. е. в колонии-поселении). Более того, такое разъяснение не соответствует принципу раздельного содержания преступников, совершивших умышленные и неосторожные преступления, не обеспечивает достижения целей наказания и крайне отрицательно сказывается на ресоциализации осужденных за совершение преступления по неосторожности.

Приведенные судебные решения есть следствие крайне неудачной конструкции ст. 346 УК РК (объединение в одном уголовном законе формального и материального составов преступлений с разными формами вины). Следует отметить и другие недостатки ст. 346 УК РК, которые обнаружились в процессе ее применения и серьезно затрудняют квалификацию правонарушения:

— ответственность лица за передачу управления или допуск к управлению транспортным средством возможна при наличии двух обязательных условий: а) лицо, которому передается управление транспортным средством или которое допускается к управлению транспортным средством, должно быть в состоянии алкогольного, наркотического или токсикоманического опьянения; б) лицо должно быть лишено права управления транспортным средством. При отсутствии одного из этих условий уголовная ответственность должностного лица, собственника или владельца транспортного средства исключается, т. е. *действия лиц, передавших управление транспортным средством нетрезвому водителю, не лишеному ранее права управления или допустивших к управлению такое лицо, остались за рамками уголовного закона*. В этом случае действия указанных лиц влекут дисциплинарную, гражданско-правовую или административную ответственность, что свидетельствует о существовании пробела в уголовном законе;

— как следует из диспозиции ч. 1 ст. 346 УК РК, норма применяется только в том случае, если непосредственной причиной ДТП, повлекшего вредные последствия, является управление транспортным средством в состоянии опьянения. В противном случае виновный отвечает по ст. 345 УК РК (Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами). Безусловно, состояние алкогольного или иного опьянения в немалой мере влияет на реакцию водителя, искажает оценку ситуации при управлении транспортным средством и потому может явиться косвенной причиной ДТП, однако прямой и непосредственной причиной ДТП может быть другое нарушение правил дорожного движения. Поэтому не случайно Верховный Суд РК, обобщая судебную практику по делам об уголовных правонарушениях, предусмотренных ст. 346 УК РК, подчеркнул, что само по себе управление транспортным средством лицом в состоянии алкогольного опьянения, лишенным ранее прав управления, не может повлечь вредных последствий, предусмотренных ст. 346 УК РК [10]. Таким образом, нижестоящие суды при рассмотрении таких случаев в настоящее время не имеют возможности выполнить положение п. 1 нормативного постановления Верховного Суда РК о том, что наступившие вредные последствия должны находиться в непосредственной причинной связи с допущенными нарушениями правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Критикуя подобные законодательные конструкции в УК Российской Федерации, А. И. Чучаев справедливо отмечает, что объединение разных составов в одной статье — скорее дань исторической традиции, нежели необходимый прием законодательной техники. Поэтому ответственность за подобные деяния следует установить в разных частях нормы либо отдельно, что подчеркнет разный характер деяния субъектов и существенно облегчит их квалификацию [11, с. 202].

На основании изложенного мы приходим к выводу, что деяние, предусмотренное ч. 2–5 ст. 346 УК, вопреки положению ст. 22 УК, в целом должно признаваться совершенным по неосторожности. В этой связи из п. 17 нормативного постановления Верховного Суда РК от 29 июня 2011 г. следует исключить положение о признании преступления, предусмотренного частями второй, третьей, четвертой и пятой ст. 346 УК РК, умышленным; о назначении виновному лицу отбывание наказания в виде лишения свободы на срок свыше одного года в учреждении уголовно-исполнительной системы средней безопасности. Подпункт 1 этого же пункта предлагаем изложить в следующей редакции: *«В соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 46 УК РК осужденным за уголовные правонарушения, предусмотренные ст. 345, ч. ч. 1, 2, 3, 4, 5 ст. 346, ст. ст. 348, 349, 351 УК, отбывание наказания в виде лишения свободы, независимо от срока, назначается в учреждениях уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности.*

Серьезные затруднения возникли в судебной практике при рассмотрении случаев, связанных нарушением правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 351 УК РК). Ранее ст. 300 Уголовного кодекса РК в редакции 1997 г. предусматривала ответственность пассажира, пешехода или других участников движения за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, кроме лиц, указанных в ст. 295, 296 УК РК¹. Такая конструкция статьи УК позволяла успешно противодействовать нарушениям специальных правил со стороны широкого круга лиц — пешеходов, пассажиров, велосипедистов, водителей мопедов, гужевых повозок, погонщиков скота, владельцев вьючных и верховых животных и др. Верховный Суд РК в п. 3 нормативного постановления подчеркнул, что пассажир, пешеход или другой участник дорожного движения, а также лицо, управляющее транспортным средством, не относящимся к механическим, подлежат уголовной ответственности за уголовное правонарушение, предусмотренное соответствующей частью ст. 300 УК (ст. 351 УК РК)².

Однако отечественный законодатель в процессе правовой реформы сформулировал ст. 351 УК РК иначе: теперь уголовно-правовая норма говорит о нарушении пассажиром, пешеходом или другим участником дорожного движения (кроме лица, управляющего транспортным средством) правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. Это законодательное решение существенно ограничивает сферу общественных отношений, охраняемых уголовным законом, и серьезно снижает степень противодействия деяниям, посягающим на безопасное функционирование транспорта. Все дело в словах «дорожного движения» и «кроме лица, управляющего транспортным средством» в диспозиции ч. 1 ст. 351 УК РК, исключивших из числа субъектов уголовного правонарушения, с одной стороны, работников транспорта, чьи неправомерные действия ранее подпадали под признаки ст. 300 УК РК 1997 г., а с другой — водителей немеханического транспортного средства. В результате судебная практика столкнулась с проблемой юридической оценки неправомерных действий вышеуказанных лиц.

Например, Л., управляя мопедом с объемом двигателя 49,5 см³, который не относится к механическим транспортным средствам, нарушил правила дорожного движения и совершил наезд на пешехода К., причинив тяжкий вред ее здоровью. Приговором Зырянковского районного суда Восточно-Казахстанской области Л. в соответствии с п. 3 нормативного постановления Верховного суда РК от 29 июня 2011 г. был признан виновным в совершении уголовного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 351 УК РК, и осужден к 240 часам общественных работ. Но затем Верховный суд РК, обобщая судебную практику по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 351 УК РК, указал, что действия Л. подлежали квалификации по статье об уголовном правонарушении против личности, поскольку он не является субъектом правонарушения, предусмотренного ст. 351 УК РК [12].

Таким образом, в уголовном законодательстве РК возникла парадоксальная ситуация: в ст. 351 УК РК указывается, что субъектом преступления могут быть пассажир, пешеход или другие участники дорожного движения, но фактически им является пассажир или пешеход. Велосипедисты, водители мопедов, гужевых повозок, погонщики стада, вьючных или верховых животных субъектом этого деяния быть не могут, несмотря на то, что Закон РК «О дорожном движении» от 17 апреля 2014 г. и Правила дорожного движения признают их другими участниками дорожного движения. Сказанное свидетельствует о том, что действующая редакция ст. 351 УК РК не в полной мере отвечает задачам обеспечения безопасного функционирования транспорта. По нашему мнению, решением проблемы является: а) скорейшее восстановление в УК ответственности за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, в редакции ст. 300 УК РК 1997 года; б) поскольку содержание понятия «другие участники движения» до сих пор является дискуссионным в юридической литературе и судебной практике [13, с. 183; 14, с. 38], в п. 3 нормативного постановления Верховного Суда РК от 29 июня 2011 г. требуется дополнение примерно следующего содержания: «К другим участникам движения относятся велосипедисты, водители мопедов, гужевых повозок, погонщики вьючных, верховых животных или стада, работники транспорта, не подпадающие под признаки ст. ст. 344, 345, 345–1 УК РК».

¹ Такой подход возобладал в уголовном законодательстве большинства стран ближнего зарубежья — Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы, Российской Федерации, Узбекистана.

² Аналогичное требование к нижестоящим судам содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (п. 2).

Недостатки ст. 351 УК РК обусловили также появление в п. 11 нормативного постановления Верховного Суда РК ошибочного положения о том, что действия водителя, виновного в нарушении правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, при наступлении последствий, предусмотренных статьями 345, 346, 351 УК РК, и оставившего место дорожно-транспортного происшествия, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 345, 346, 351 и 347 УК РК. Дело в том, что ст. 347 УК РК прямо указывает субъекта оставления места дорожно-транспортного происшествия — это лицо, управляющее транспортным средством, исключенное из числа субъектов уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 351 УК РК. Поэтому действия виновного лица не могут квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 351 и 347 УК РК. В этой связи упоминание о ст. 351 УК РК из п. 11 нормативного постановления Верховного Суда РК следует исключить.

Таковы недостатки нормативного постановления Верховного Суда РК от 29 июня 2011 г., скорейшее устранение которых обеспечит правильное и единообразное применение уголовно-правовых норм об ответственности за автотранспортные преступления и назначение справедливого наказания виновным, повысит эффективность профилактики нарушений правил дорожного движения.

Библиографический список

1. Global status report on road safety 2018. URL: https://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2018/en/ URL: (дата обращения: 12.01.20).
2. О дорожно-транспортных происшествиях, повлекших гибель или ранение людей: статистический отчет Комитета по правовой статистике и специальным учетам при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. URL: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat> (дата обращения: 12.01.20).
3. Национальный план мероприятий по реализации Десятилетия действий по обеспечению безопасности дорожного движения и предупреждения травматизма на 2011–2020 годы. URL: <http://niito.kz/nacionalnyj-plan-po-realizaczii-meropriyatij-na-2011-2020-gg>. (дата обращения: 12.01.20).
4. Сулейменова Г. Ж. Роль и значение нормативных постановлений Верховного суда РК // Судебная власть в Республике Казахстан: история и перспективы : сб. научных трудов. Караганда, 2003.
5. Юрченко Р. Н. О практике применения судами уголовного законодательства по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Комментарий к нормативному постановлению Верховного суда Республики Казахстан №3 от 29 июня 2011 года. URL: https://tengrinews.kz/zakon/verhovnyiy_sud_respubliki_kazahstan/sudoppoizvodstvo/id-T1100000003/.
6. Бакишев К. А. О нормативном постановлении Верховного суда Республики Казахстан «О практике применения судами уголовного законодательства по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» от 29 июня 2011 года // Российский судья. 2012. №9.
7. Бакишев К. А. Система Транспортных правонарушений в новом УК Республики Казахстан // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 101. №4.
8. О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 20 апреля 2018 года. URL: <https://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79695/2018> (дата обращения: 14.01.20).
9. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002.
10. Обобщение судебной практики рассмотрения уголовных дел о транспортных преступлениях, предусмотренных ст. 346 УК Республики Казахстан. URL: <http://office.sud.kz/forumTaldau/forum.xhtml> (дата обращения: 13.10.19).
11. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. М., 2018.
12. Обобщение судебной практики рассмотрения уголовных дел о транспортных преступлениях, предусмотренных ст. 351 УК. URL: <http://office.sud.kz/forumTaldau/forum.xhtml?content>. (дата обращения: 15.10.19).
13. Коробеев А. И. Транспортные преступления. СПб., 2003.

14. Петров С. А. Уголовно-правовая характеристика участников движения при нарушении правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта // Российский следователь. 2016. № 7.

УДК 343.34
ББК 67.408.135

КИБЕРТЕРРОРИЗМ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. С. Соколов, А. Ю. Поволотцкий

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассмотрены понятие и признаки кибертерроризма. Проводится отграничение данного термина от других подобных понятий. Дается оценка случаев террористических атак на информационные ресурсы. Проанализированы основные способы совершения кибертерроризма. Показан вред, который может быть причинен актами кибертерроризма. Указаны отдельные причины, обуславливающие кибертерроризм.

Ключевые слова: терроризм, киберпреступность, кибертерроризм, информационный терроризм, компьютерный шпионаж, компьютерные вирусы, информационная безопасность, кибератака.

CYBER TERRORISM IN RUSSIA AND THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES

A. S. Sokolov, A. Y. Povolotsky

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article discusses the concept and signs of cyber terrorism. This term is distinguished from other concepts of concepts. An assessment of cases of terrorist attacks on information resources is given. The main ways of committing cyber terrorism are analyzed. The harm that can be caused by acts of cyber terrorism is shown. Some reasons for cyber terrorism are indicated.

Keywords: terrorism, cybercrime, cyber terrorism, information terrorism, computer espionage, computer viruses, information security, cyber attack.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.10](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.10)

Исключительно быстрое развитие современных информационных и телекоммуникационных технологий достигает с каждым днем все новых и новых уровней, о чем свидетельствует их активное внедрение во все без исключения сферы жизнедеятельности человека. Информационные сети, глобальная сеть Интернет позволяют обмениваться информацией в считанные секунды. Внедрение компьютерных систем привело к автоматизации различных производственных и управленческих процессов. Современное общество уже не представляет себе существования и нормального функционирования без информационного обмена в информационно-телекоммуникационных системах.

Однако особенностью компьютерной сферы является то, что безошибочных программ в ней не бывает. Если в другой отрасли любой проект можно выполнить с большим запасом надежности, то в информационных технологиях и программах такая надежность весьма условна, а во многих случаях почти недостижима. Это, в свою очередь, привело к появлению нового вида правонарушений — компьютерной преступности.

Сам термин «компьютерная преступность» появился в зарубежной прессе еще полсотни лет назад, когда обнаружили первые нарушения с использованием электронно-вычислительных машин (ЭВМ). Сегодня это явление усиливается не только в локальном (национальном), но даже в планетарном масштабе. По мнению отечественных криминалистов, ЭВМ — многообещающее орудие для совершенных противозаконных действий. Экономический ущерб от таких преступлений уже сравнялся с преимуществами, полученными от воплощения достижений ЭВМ в жизнь. А социальные и моральные потери вообще не поддаются оценке.

Досадные факты говорят сами за себя. Например, в такой информационно развитой стране, как США, ежегодные материальные убытки от компьютерной преступности уже давно превышают десятки миллиардов долларов. Конечно, в РФ эта цифра гораздо меньшая. Но в РФ этот вид преступности имеет достаточно высокую латентность: правоохранителям известно лишь 10–15% подобных случаев, поскольку пострадавшие неохотно предоставляют информацию (это может повредить их репутации или вызвать повторные преступления).

Понятно, что угроза информационному ресурсу государства — угроза национальной безопасности. К сожалению, нормы и положения в этой сфере до сих пор четко не определены. Причина общеизвестна: развитие научно-технического прогресса создает благодатную почву для кражи денег с электронных систем взаиморасчетов, несанкционированного использования ЭВМ (для получения собственности или услуг), повреждения или уничтожения компьютерных сетей и программ, проникновение в чужие базы данных, незаконного копирования или фальсификации данных, шантажа, информблокады, шпионажа и т. д.

Кроме того, глобальное распространение информационно-коммуникативных технологий в обществе привело к появлению и развитию принципиально нового вида терроризма — информационного терроризма или кибертерроризма. Большое значение в этом контексте приобретает научно-методическое обеспечение деятельности правоохранных органов РФ и странах Центральной Азии по определению теоретических, а также тактических аспектов противодействия информационному терроризму (кибертерроризму).

Отдельные теоретические аспекты информационного терроризма (кибертерроризма) как фактора угрозы национальной безопасности России и стран Центральной Азии, исследовались в трудах В. А. Мазурова [1], В. С. Овчинского [2], Е. В. Старостиной [3, 4], О. А. Степанова [5], Т. Л. Тропиной [6, 7], Ф. А. Услинского [8]; диссертационных исследованиях Е. Н. Молодчей [9, 10], С. В. Зарубина [11]; сборниках статей и тезисов по указанной проблематике [12–14].

Главной целью данной работы является непосредственный анализ явления кибертерроризма, исследование характеристики этого противоправного деяния в киберпространстве, а также вопрос о минимизации негативных последствий преступной деятельности по использованию информационных технологий на территории России и стран Центральной Азии.

Кибертерроризм начал зарождаться в 1970-х гг. Так, в 1983 г. был арестован первый «виртуальный преступник» — группа хакеров под названием «Банда 414» (г. Милуоки, шт. Висконсин, США), которая сломала 60 компьютеров (некоторые из них принадлежали Лос-Аламосской национальной лаборатории в шт. Нью-Мексико). С начала 1990-х гг. проявления кибертерроризма фиксируют почти ежегодно.

Сам термин «кибертерроризм» образовывается слиянием двух понятий: «кибер» («киберпространство») и «терроризм». В публикациях ученых и практиков часто встречаются термины «виртуальное пространство» и «виртуальный мир». Принимая за основу понятия терроризма и сочетание его с виртуальным пространством, можно предложить такое определение: кибертерроризм — это комплексная модель, которая выражается в намеренной, политически мотивированной атаке на информацию, которая обрабатывается компьютером и компьютерными системами, что в результате создает определенную опасность для жизни или здоровья людей, наступление иных тяжких последствий, если такое действие совершается в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, провоцирование военного конфликта.

Киберпреступность можно определить как противоправные действия, которые совершаются в так называемом «виртуальном пространстве». Такое пространство определяют как моделируемое с помощью компьютера информационное пространство, где находятся сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, представленные в математическом, символическом или любом

другом виде. При этом такие сведения находятся в процессе определенного движения локальными и глобальными компьютерными сетями, хранятся в памяти физического или виртуального устройства, другого носителя, который специально предназначен для такого хранения, обработки и передачи информации.

В значительной степени отечественные ученые оперируют понятием кибертерроризма, часто понимая под ним и «кибервойны», и «кибератаки» и т. п., что неправильно как с методологической точки зрения, так и относительно отражения современных реалий этой сферы безопасности.

Даже в западной научной литературе термин «кибертерроризм» и описание возможных последствий актов кибертерроризма имеет преимущественно идеологически пропагандистскую и абстрактно-теоретическую особенность, обуславливается провозглашенной во времена президентства Дж. Буша младшего «глобальной войной с терроризмом». До последнего времени большинство реальных угроз критически важной инфраструктуре информационно развитых государств (США, Великобритания, Германия) поступали не от отдельных террористических групп, которые просто изменили непосредственную тактику ведения своей борьбы, а от специально подготовленных информационно и материально обеспеченных специализированных групп, функционирующих в интересах тех или иных государств, что фактически было действиями их «военной машины».

В фундаментальном труде «Кибервойна и кибертерроризм» дается следующее определение кибертерроризма: «Кибертерроризм — это политически мотивированные атаки, совершаемые субнациональными группами или тайными агентами или отдельными индивидами против информационных и компьютерных систем, компьютерных программ или данных, результатом которых является насилие против нонкомбатантов» [15, с. 13]. Это определение содержит две ключевые компоненты, помогающие отделить кибертерроризм от всех других форм киберпреступлений: наличие доказанной «политической мотивации» и желание осуществить «насилие против нонкомбатантов».

«Словарь терроризма» описывает кибертерроризм как «преступление, к которому в будущем будет прибегать криминалитет, используя компьютеры». При этом отмечается, что «кибертеррористы имеют политическую мотивацию для их преступлений» [16, с. 61]. М. Каветли предлагает следующее определение кибертерроризма: «Под кибертерроризмом понимается незаконное нападение со стороны негосударственных субъектов в отношении компьютеров, сетей и информации, содержащейся в них, которое осуществляется с целью запугивания правительства (или населения) или с целью достижения определенного поведения субъекта, который запугивается. Кибератака может пониматься как кибертерроризм только в том случае, если это приводит к физическому насилию против лиц или собственности или возникновению значительного страха в связи с возможностью осуществления таких последствий» [17, с. 1].

Также к наиболее удачным следует отнести определение, предложенное американским исследователем К. Уилсоном: «...это использование компьютеров как оружия политически мотивированными международными или национальными группами или тайными агентами, которые наносят или угрожают нанести ущерб или посеять панику с целью повлиять на население или правительство для изменения политики» [18].

Кибертерроризм — это вид террористической деятельности, который заключается в намеренной комплексной атаке на компьютерную информацию, включая захват, выведение из строя и разрушение объектов, создает угрозу возникновения чрезвычайной ситуации в телекоммуникационных сетях, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных подобных опасных последствий. Такое совершают с целью нарушить общественную безопасность, запугать население, спровоцировать военный конфликт, усугубить международные отношения, оказать влияние на органы власти или привлечь внимание общественности к определенным политическим, религиозным или другим организациям. Характерным отличием кибертерроризма от киберпреступности является его открытость, когда требования террориста широко оповещаются.

Общеизвестно, что экономика и обороноспособность государств сегодня в значительной степени зависит от нормального функционирования глобальных компьютерных сетей. А нарушение их работоспособности приводит к довольно серьезным последствиям. Но современные государственные и международные правовые институты, организационные структуры плохо подготовлены к адекватному противодействию новым угрозам.

И это глобальная проблема, сегодня ни одно государство не может преодолеть ее последствия самостоятельно. Особенно развитые страны, где зависимость от новых информационных технологий наибольшая. Соответственно, увеличение такой зависимости автоматически приводит к увеличению убытков, угрозы национальной безопасности. А это обуславливает необходимость вкладывать еще большие средства для создания действенных систем защиты, которые к тому же требуют постоянного обновления.

По данным «Лаборатории Касперского», для предотвращения опасных киберугроз в мире есть специально созданное кибероружие (программные и аппаратные средства). Современные информационные системы, форумы, порталы и др. заставили человечество отказаться от тайны частной жизни и подсознательно сделало его публично доступным, что также приводит и к взлому мобильных гаджетов (большинство людей ежедневно пользуется различными средствами коммуникации: мобильными телефонами, смартфонами, ноутбуками и т. д., которые являются объектами посягательства со стороны киберпреступников и кибертеррористов).

Учитывая вышеизложенное, к кибертерроризму на территории России и в странах Центральной Азии можно отнести: незаконные вмешательства в работу компьютерных систем и сетей, кражу, присвоение, вымогательство компьютерной информации, организацию удаленной атаки на информационные ресурсы, закладку и разработку компьютерных вирусов, которые осуществляют снятие, модификацию или уничтожения такой информации. Для информационных актов характерны такие средства преступной деятельности, как компьютерные вирусы, логические бомбы, «тройские кони» и прочее [1, с. 43].

При этом особый интерес для кибертеррористов представляют государственные информационные системы, объектами их деятельности становятся важные элементы государственной инфраструктуры (системы управления и функционирования атомных объектов, электростанций, железных дорог, аэропортов и т. п.).

Кибертерроризм является видовым, а информационный терроризм — это родовое понятие одного негативного явления — терроризма.

Кибертерроризм может рассматриваться как угроза кибернетической безопасности. Специальными субъектами обеспечения кибернетической безопасности являются государственные органы, кроме общих функций, уполномоченные на осуществление борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом, а также на обеспечение кибернетической защиты объектов национальной критической инфраструктуры.

Кибертерроризм направлен на проникновение в информационно-телекоммуникационную систему, перехват управления, подавления средств сетевого информационного обмена и осуществления других деструктивных действий. Опасность такого вида информационного терроризма состоит в том, что он не имеет национальных границ и в проблематичности выявления террориста в информационном пространстве, ведь хакеры осуществляют террористическую деятельность через подставные компьютеры, что затрудняет его идентификацию и определение местонахождения.

Кибертерроризм — это вид террористической деятельности, который заключается в намеренной комплексной атаке на компьютерную информацию, включая захват, выведение из строя и разрушение объектов, создает угрозу возникновения чрезвычайной ситуации в телекоммуникационных сетях, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных общественно опасных последствий. Такие атаки совершают с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения, провокаций военного конфликта, осложнения международных отношений, оказания влияния на органы власти или привлечение внимания общественности к определенным политическим, религиозным или другим организациям. Характерным отличием кибертерроризма от киберпреступности является его открытость, когда требования террориста широко оповещаются.

На сегодня кибертерроризм в России и странах Центральной Азии является одним из самых опасных видов преступности. Кибератаки могут нанести значительный ущерб на локальном, государственном и даже международном уровне. Ведь внешние кибератаки могут преследовать и более серьезные цели, чем пассивный сбор данных, а объектами кибертерроризма могут быть денежная и секретная информация, аппаратура контроля над космическими приборами, ядерными электростанциями, военными комплексами и тому подобное.

Библиографический список

1. Мазуров В. А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2010. № 1–1 (21).
2. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом : хрестоматия / сост. В. С. Овчинский. М., 2017.
3. Старостина Е. Подход к выработке единого понятия «кибертерроризм» (научное обоснование, сравнительная характеристика) // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. 2006. № 101.
4. Старостина Е. В., Фролов Д. Б. Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма: вопросы и ответы. М., 2005.
5. Степанов О. А. Актуальные проблемы противодействия кибертерроризму : монография. М., 2014.
6. Тропина Т. Л. Киберпреступность и кибертерроризм // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. М., 2003. Вып. 2.
7. Тропина Т. Л. Киберпреступность и кибертерроризм: договоримся о понятиях // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы : сборник статей. М., 2003.
8. Услинский Ф. А. Кибертерроризм в России: его свойства и особенности // Право и кибербезопасность. 2014. № 1 (4).
9. Молодчая Е. Н. Политика противодействия кибертерроризму в современной России: политологический аспект : автореф. дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02. М., 2011.
10. Молодчая Е. Н. Политика противодействия кибертерроризму в современной России: политологический аспект : дисс. ... канд. политич. наук: 23.00.02. М., 2011.
11. Зарубин С. В. Разработка алгоритмов и моделей противодействия кибертерроризму : автореф. дис. ... канд. тех. наук: 05.13.18, 05.13.19. Воронеж, 2009.
12. Блокчейн технологии в противодействии рискам кибертерроризма : монография / Е. А. Антонян, И. И. Аминов, М. В. Рукинов и др. ; под общей ред. Е. А. Антонян. М., 2019.
13. Критически важные объекты и кибертерроризм : монография : в 2 ч. / О. О. Андреев и др. ; под ред. В. А. Васенина. М., 2008.
14. Правовое регулирование борьбы с киберпреступностью, кибертерроризмом и трафиком людей: опыт Европейского Союза / отв. ред. В. Г. Киютин, А. П. Новиков. Бишкек; М., 2010.
15. Cyber Warfare and Cyber Terrorism (edited by Lech J. Janczewski and Andrew M. Colarik). Hershey, PA: Information Science Reference, 2008.
16. Thackrah J. R. Dictionary of Terrorism. NY.: Taylor & Francis, 2004.
17. Myriam Dunn Cavelty. Cyberwar: concept, status quo, and limitations [Electronic resource] / Center for Security Studies (CSS), ETH Zurich. Access mode: www.sta.ethz.ch
18. Clay W. Computer Attack and Cyberterrorism (Vulnerabilities and Policy Issues for Congress) [Electronic resource] / Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/terror/index.htm>

УДК 34.05

ББК 67.91

ИЗМЕНЕНИЕ КОНСТИТУЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИЯ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: НОРМАТИВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Я. Стоилов¹, М. Матаева²

^{1,2} Софийский университет им. Св. Кл. Охридского (София, Республика Болгария)

² Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет (Семей, Республика Казахстан)

В статье в сравнительном плане рассматриваются условия и порядок принятия и изменения действующих конституций Республики Болгария и Республики Казахстан. Используются критерии, применяемые в правовой теории для классификации конституций по способу их изменения. Обе конституции относятся к категории жестких. Болгария имеет прочную основу конституции, которую может изменить только специально избранный институт — Великое Народное собрание. В казахстанской конституции есть нормы, которые даже не подлежат изменению. Опыт нескольких изменений в двух основных законах был рассмотрен. На некоторые вопросы правовая теория и практика дали ответы, в то время как другие остаются открытыми. В заключение сделаны выводы в результате сравнения порядка и условий изменений в обеих конституциях, некоторые из них имеют универсальное значение.

Ключевые слова: принятие конституции, конституционные поправки, жесткие и гибкие конституции, условия и процедуры изменения конституции, парламент, Народное собрание, Великое Народное собрание, президент, квалифицированное большинство, выборы, референдум.

AMENDMENTS TO THE CONSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF BULGARIA AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: REGULATORY REQUIREMENTS AND ISSUES (COMPARATIVE ASPECTS)

Y. Stoilov^{1,2}, M. Matayeva²

¹ Sofia University "St. Kl. Ohridski" (Sofia, Republic of Bulgaria)

² Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University (Semey, Republic of Kazakhstan)

The article compares conditions and procedures for the adoption of Constitution and amendments to the current constitution between the Republic of Bulgaria and the Republic of Kazakhstan. The criteria used in the legal theory for the classification of the constitutions according to the way of their change are used. Both constitutions refer to the category of the hard. Bulgaria has a solid core of the constitution, which can only be changed by a specially elected institution — a Great (Grand) National Assembly. In Kazakhstan there are even texts that are not subject to change. The experience of several changes to the two basic laws has been considered. While some of the questions have been answered by juridical theory and practice, while others remain open. At the end, conclusions are drawn from the parallel between the changes to the both constitutions, some of which are of universal significance.

Keywords: adoption of the constitution, constitutional amendments, hard and flexible constitutions, conditions and procedures for changing the constitution, Parliament, National Assembly, Great (Grand) National Assembly, President, qualified majority, elections, referendum.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.11)

Постановка и значение проблемы. Каждое современное государство, претендующее на демократическое, в той или иной форме имеет свою конституцию. Кроме остальных вопросов в конституциях определяются способы и порядок изменений основного закона. Сопоставление конституций различных государств дает возможность сравнительного исследования ряда институтов.

Проведение параллели между конституциями Республики Болгария и Республики Казахстан объясняется несколькими основаниями. Первое — это то, что правовые системы обеих стран связаны с континентальной традицией. Даже в течение второй половины прошлого века они не теряли связи с романо-германской правовой семьей. Второе основание — это принадлежность обеих государств в недавнем прошлом к одной и той же социально-экономической и политической системе и соответствующим союзам. Третье основание состоит в формировании региональных организаций, в которые эти два государства в настоящее время входят. Болгария с 1992 г. является членом Совета Европы и уже более десяти лет — членом Европейского союза. Казахстан является членом организации Евразийского экономического сообщества. Каждая из этих организаций действует на основе собственных договоров и других правил, т. е. в них в какой-то мере создан свой правопорядок, выходящий за рамки национального государства. Взаимодействуя с Европейским союзом и его членами, государства Центральной Азии имеют определенные перспективы. В этой связи изучение общих черт и различий между обоими государствами в правовой сфере представляет определенный интерес.

Кроме того, следует учесть и специфику развития этих стран. Так, после своего освобождения от османского господства в конце XIX в. Болгария всегда существовала как самостоятельное государство, а Казахстан получил свою независимость после распада Советского Союза в начале 90-х гг. XX в. Ныне действует четвертая болгарская и третья республиканская Конституция, а Казахстан как самостоятельное государство принял свою первую Конституцию в 1993 г. и ныне развивается по Конституции 1995 г.

Условия и порядок внесения изменений и дополнений Конституции Республики Болгария и Республики Казахстан. Для их сопоставления мы пользуемся несколькими популярными в теории критериями и прежде всего, уровнем податливости конституции ревизии. Далее, при употреблении только слова «изменение» будет иметься в виду и дополнение к Конституции.

В зависимости от юридических требований к изменению и дополнению конституции делятся на твердые (жесткие) и мягкие (гибкие). Жесткие конституции не могут быть изменены так же легко, как обычные законы [1]. Это конституции США, Швейцарии, Австралии и других современных государств [2]. Их не очень много в современном обществе. Более многочисленна группа государств, где самим парламентом при некоторых квалифицирующих условиях вносятся изменения в конституции. Разграничение *pouvoir constituant* и *pouvoir constitute* есть существенное для конституции [3]. Поэтому очень часто процесс конституционных изменений не останавливается в парламенте, а заканчивается народным голосованием, национальным референдумом. Таким образом, процесс изменения конституции усложняется, а вместе с тем ограничивается ее полная гибкость, поскольку только после такого одобрения изменения вступают в силу.

Некоторыми авторами конституции называются твердым правом в том смысле, что они представляют собой право, определяющее содержание других законов [4]. Для такой характеристики конституций имеется более распространенный термин — верховенство конституции. Он показывает, что в цепи валидности юридических актов конституция стоит на самом вершине иерархии.

Гибкость конституций зависит не только от условий и порядка их изменения, но и от степени абстрактности их распоряжений. Более общие и не очень подробные конституции являются более гибкими, так как они предоставляют многочисленные возможности для их законодательного и судебного развития. Иногда такие конституции называются полуконституциями; они оставляют больше пространства для власти управителей, т. е. они не регулируют подробно вопросы власти и их институтов [5]. Найти баланс между определенностью и устойчивостью конституционных статей, с одной стороны, и разграничить их от текущих законов, избегая лишних подробностей и конъюнктурности юридических правил — с другой, — очень сложная и важная задача составителей конституции.

Федеральным государствам, где структура власти обычно более сложная, присущи твердые конституции, дабы не допустить ни дезинтеграции государства, ни ущемления внутренней автономии составных частей. В этом отношении между целостностью государства и относительной самостоя-

тельностью федератов баланс тонкий. Федеральная конституция нуждается в стабильности и защите разделения властей, но она нуждается и в конституционной гибкости, чтобы обеспечить соответствие с социальными и политическими условиями [6]. Отсюда можем сделать более общий вывод — стремясь гарантировать стабильность конституции, ее не нужно лишать гибкости, которая практически почти не позволяла бы делать изменения, но и не допускала бы устранения жесткости, когда затрагиваются ее фундаменты.

Изменениям и дополнениям Конституции Республики Болгария (КРБ) посвящена самостоятельная глава Конституции — IX «Изменение и дополнение Конституции. Принятие новой Конституции». Конституция Республики Болгария более подробно по сравнению с казахстанской регулирует некоторые вопросы, включая условия и порядок собственного изменения. Это обстоятельство также придает ей большую жесткость. Вопросам изменения и дополнения Конституции Республики Казахстан (КРК) посвящены всего два пункта — статьи 91 раздела IX «Заключительные и переходные положения».

Вопрос о внесении изменений в жесткую конституцию решается в зависимости от предусмотренного ею способа изменения. В теории конституционного права предложения о внесении поправок в конституцию могут вносить: глава государства; правительство; группа депутатов парламента; в федеративном государстве — определенное число субъектов федерации.

Право инициировать изменение Конституции Республики Болгария самостоятельно имеют два субъекта — одна четвертая часть народных представителей и Президент республики в случаях ее изменения (ст. 154, ал. 1); и одна вторая часть народных представителей и Президент республики (ст. 159, ал. 1 КРБ), когда предлагается принятие новой конституции или изменения затрагивают самые существенные статьи действующей конституции (ст. 158 КРБ).

По Конституции Болгарии предложение об изменении Конституции рассматривается Народным собранием не ранее одного месяца и не позднее трех месяцев после его поступления (ст. 154. 2 КРБ), а когда принимается новая конституция или действующая конституция изменяется при условиях (ст. 158) — не ранее чем через два месяца и не позднее чем через пять месяцев после его внесения (ст. 159, ал. 2 КРБ).

Конституция Республики Казахстан не регламентирует сроки поступления и рассмотрения предложения об изменении Конституции, что свидетельствует о возможности неправомерного либо ускоренного и поспешного принятия решения, либо затягивания вопроса об изменении Конституции. Это отличает от Конституции Болгарии и является пробелом в законодательстве Казахстана.

Процесс обсуждения изменений в Болгарии проходит в три чтения, которые нельзя проводить в один и тот же день. Третье чтение более формальное, так как оно не дает возможности вносить существенные изменения в уже принятые на втором чтении тексты. Тем не менее оно позволяет перед финальным голосованием сделать уточнения редакционного характера и таким образом в целом улучшить текст перед окончательным принятием.

Закон об изменении или дополнении Конституции Болгарии подписывается и обнародуется председателем Народного собрания, соответственно, председателем Великого Народного собрания в «Държавен вестник» в семидневный срок после его принятия. Тогда как закон о внесении изменений и дополнений в Конституцию Казахстана подписывается Президентом РК, а в какой срок подписывается и обнародуется, об этом в Конституции РК не указывается. В этом еще одно отличие порядка внесения изменений в конституции Болгарии и Казахстана.

Высокая степень устойчивости конституционных положений перед законодателем в Республике Казахстан обеспечивается положением о том, что право ставить вопрос о внесении изменений и дополнений в Конституцию принадлежит Президенту, Парламенту и Правительству Республики Казахстан (ст. 91 КРК). Реализовать его может Президент Республики посредством вынесения проекта закона на республиканский референдум либо на рассмотрение Парламента.

В то же время в Конституции Казахстана не уточняется количественный состав депутатов Парламента или членов Правительства, которые могли бы внести предложение об изменении Конституции [7]. Когда инициатива исходит от правительства, нетрудно найти ответ этому вопросу. Оно принимает свои решения большинством членами и, следовательно, таким образом, был бы решен и вопрос об инициировании конституционных изменений. Правом внесения предложений о поправках и пересмотре положений Конституции не обладают индивидуальные члены Сената и депутаты Мажилиса в Казахстане. Но какое число депутатов, причем обеих палат, или имеют ли право отдельные пар-

ламентские фракции начинать конституционный процесс, трудно сказать, потому что нет критерия. Это также свидетельствует о пробеле в законодательстве. Если не дополнится конституция, то Парламент должен Регламентом своей деятельности определить эти количественные требования относительно начала конституционной инициативы.

В Республике Казахстан вышеуказанные несколько субъектов права инициирования изменений и дополнений в КРК находятся на разных уровнях. Специфика состоит в том, что в центре процесса стоит Президент. Он может по своей инициативе или после одобрения предложения Парламента или Правительства вынести предложение о переменах в конституцию на республиканский референдум. Результат референдума положителен, когда более половины граждан, принимающих участие в референдуме, поддержат предложения. Но вместе с тем результат голосования должен еще гарантировать нужную представительность одобрения и на уровне регионов. Такое требование существует обычно в федеральных государствах как США и Швейцария, но если иметь в виду то, что Казахстан унитарное государство с большой территорией, одобрение регионами является оправданным.

Если Президент РК отклоняет предложение Парламента о вынесении на республиканский референдум изменений и дополнений в Конституцию, то Парламент вправе большинством не менее четырех пятых голосов от общего числа депутатов каждой из Палат Парламента принять закон о внесении этих изменений в Конституцию. Но даже если Парламент принял изменения и дополнения очень высоким большинством — 4/5 членов каждой палаты, и если Президент не согласен подписать закон об изменениях, то он выносит его на всеобщее голосование граждан. Таким образом, последнее слово принадлежит гражданам, а референдум приобретает плебисцитарный характер. Требование об участии более половины политически дееспособных граждан усложняет условие валидности референдума.

Требования для изменения конституции затрагивают кроме порядка и юридические условия. Эти условия считаются гарантией для устойчивости самых важных элементов Конституции.

В Республике Болгария имеет право только специальное конституционное собрание, называемое Великим Народным собранием (ВНР): принимать новую Конституцию и вносить существенные изменения в действующую Конституцию (затрагивающие изменение территории; формы государственного устройства и правления; прямое действие конституции и приоритет принятых и ратифицированных Республики Болгарии международных договоров в случаях установлении противоречий между ними и нормами внутреннего законодательства; принцип неотъемлемости основных прав; компетенции Конституционного суда и порядок изменения основного закона). Более того, перед этим действующий парламент должен подготовить проект новой конституции или проект об ее изменениях. Потом он распускается, проводятся выборы и новый, более представительный парламент (в отличие от регулярного парламента его состав включает не 240, а 400 членов) наделяется правомочиями обсуждать и принимать/изменять Конституцию. При этом специальное конституционное собрание ограничивается обсуждением и принятием решений только вопросами, которые были заданы предыдущим парламентом. Следовательно, ядро основного закона предполагает очень устойчивую структуру государства и конституционного строя.

Кроме вопросов, обозначенных в статье 158 КРБ, по всем остальным вопросам изменения и дополнения делаются парламентом. Так, вместе с обычной законодательной деятельностью парламент Болгарии имеет право менять конституцию в указанных рамках. Но даже в этих случаях требуется высококвалифицированное большинство — 3/4 от всех членов парламента или по крайней мере 2/3 от общего состава парламента (после продолжения срока обсуждения).

Жесткими требованиями для сохранения сущности правовой и государственной системы отличается и Конституция Республики Казахстан. В пунктах 2 и 3 той же 91 статьи КРК имеются два требования.

Первое из них полностью исключает перемены в Конституции, т. е. устанавливаются неизменяемые нормы, что в определенной степени ущемляет права граждан республики. Так, в отличие от Конституции Болгарии, п. 2 ст. 91 Конституции РК запрещает изменять установленные конституцией независимость государства, унитарность и территориальную целостность республики, форму ее правления, а также основополагающие принципы деятельности Республики, заложенные Основателем независимого Казахстана, Первым Президентом Республики Казахстан — Елбасы, и его статус. В этом подходе видим сходство с Конституцией Италии. Она запрещает пересмотр республиканской

формы правления. Но в Конституции Казахстана сфера неизменяемых положений довольно широкая. То обстоятельство, что основателями независимой Республики считаются не граждане в целом, а Президент, меняет концепцию о народном суверенитете.

Второе требование. Изменения и дополнения выносятся на республиканский референдум или на рассмотрение Парламента при наличии заключения Конституционного совета об их соответствии с условиями, упомянутыми в предыдущем абзаце.

Перечень этих требований дает основание причислить Конституцию Республики Казахстан к жестким конституциям. Практически без согласия Президента почти невозможно принять какие-либо изменения. Кроме того, широкий круг вопросов вообще не допускается до обсуждения. В дополнение, надо иметь в виду еще один профессионально-политический фильтр — обязательное согласие Конституционного совета, без которого положительного решения процесс обсуждения не может стартовать.

Опыт и вопросы в связи с изменением конституций Республики Болгария и Республики Казахстан. Развитие конституций обеих стран со времени их принятия позволило им накопить определенный опыт внесения в них изменений и дополнений.

После принятия Конституции Республики Болгария в 1991 г. были сделаны пять изменений.

Все они были сделаны в рамках компетенций Народного собрания. Четыре затрагивали структуру и функции судебной власти, в том числе и прежде всего правомочия Высшего судебного совета — органа правления судебной власти. Они были приняты в 2003, 2006, 2007 и 2015 гг. [8]. Одно из изменений было сделано перед вступлением Болгарии в Европейский союз, чтобы совместить национальный и европейский правопорядок [9]. Указанные изменения не касались юридических вопросов, затрагивающих порядок изменения Конституции.

Благодаря твердости болгарская Конституция сохранилась без больших изменений более четверти века. В то же время вместе с практикой Конституционного Суда в общих линиях она способствовала решению различных вопросов, даже во времена политических кризисов и перемен в государственной власти. Развитию Конституции Болгарии способствует возможность самого Народного собрания (парламент) вносить изменения в широком спектре, кроме основополагающих положений Конституции.

Компетенции Народного и Великого Народного собраний в конституционной области и особенно деятельность второго, предшествовавшего всеобщим выборам, одновременно придают легитимность и рациональность конституционному процессу. В таком случае прямая демократия стоит у «входа» конституционного процесса, а на «выходе» — специальный представительный институт. Так, учредительная власть представляет собой модель, находящуюся между парламентской системой, с одной стороны, и референдумом — с другой.

Изменения и дополнения в Конституцию Республики Казахстан 1995 г. вносились четыре раза.

Во-первых, закон Республики Казахстан от 7 октября 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» рядом внесенных поправок закрепил избирательную систему с парламентским представительством политических партий. Пункт 3 статьи 50 Основного закона, относительно состава Мажилиса Парламента, был дополнен положением о том, что «десять депутатов избираются на основе партийных списков по системе пропорционального представительства и по территории единого общенационального избирательного округа», а также другими изменениями и дополнениями.

Во-вторых, закон Республики Казахстан от 21 мая 2007 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» внес изменения, касающиеся статуса Парламента. Были расширены полномочия законодательного органа в целом и каждой из его палат — Сената и Мажилиса. Кроме того, Ассамблея народа Казахстана обрела конституционный статус и стала конституционным органом, имеющим квотируемое представительство в Мажилисе. Казахстан, по сути, перешел к президентско-парламентской форме государственного правления, существенно изменив выборную систему в высшем представительном органе.

В-третьих, закон Республики Казахстан от 2 февраля 2011 г. «О внесении дополнения в Конституцию Республики Казахстан» внес изменения лишь в одну 41 статью Основного закона: «Внеочередные президентские выборы назначаются решением Президента Республики и проводятся в порядке и сроки, установленные конституционным законом».

В-четвертых, представленный в январе 2017 г. Главой государства законопроект предусматривал 26 поправок в 19 статей Конституции РК, направленные на перераспределение полномочий между ветвями власти [10]. В частности, ряд полномочий Президента были распределены между Парламентом и Правительством. Принятый Парламентом и представленный на подпись Главе государства Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» был направлен в Конституционный совет 6 марта 2017 г. и получил одобрение.

Реализация положений конституций двух государств свидетельствует о решении некоторых теоретико-практических вопросов, а некоторых других — оставшимися открытыми.

В Республике Болгария один из вопросов в связи с изменениями конституции уже получил ответ в болгарской теории, а потом и в практике Конституционного Суда. Он касается возможности подвергать конституционному контролю закон об изменении конституции [11]. Этот контроль охватывает как проверку полномочий Народного собрания, чтобы оно не выходило из допустимых рамок своей компетенции, так и выполнение процедурных требований для принятия изменений. На практике такой контроль не применялся, так как перед судом не ставились подобные спорные вопросы.

Открытые вопросы стоят в связи с применением компетенций Великого Народного собрания. В политическом плане выдвигались идеи для отмены этого института, но они никогда не приобретали статуса официального юридического предложения. Попытки для созыва Великого Народного собрания тоже не предпринимались.

Само осуществление высшей учредительной власти начинается с Народного собрания, которое должно рассмотреть проект о новой конституции или об изменениях действующей (ст. 159, ал. 2 КРБ). «Народное собрание принимает решение о проведении выборов Великого Народного собрания большинством не менее двух третей голосов от общего числа народных представителей» (депутатов) (ст. 160, ал. 1 КРБ). Конституция определяет, каким способом принимается решение о проведении следующих выборов, но она не делает ссылку на статьи, которые указывают внесение изменений в действующую конституцию. Проект новой Конституции или изменение действующей Конституции рассматривается Народным собранием не ранее чем через два месяца и не позднее чем через пять месяцев после его внесения в собрание. Отсюда можем допустить, что он должен пройти уже описанную процедуру внесения изменений в Конституцию Народным собранием. Следовательно, парламент должен выполнить весь долгий путь принятия конституционных законов, пройдя три чтения большинством в 3/4 (по крайней мере 2/3) голосов.

Другой вариант интерпретации требований о принятии конституционного текста, учитывая, что это только проект и он не меняет своего качества до утверждения следующим собранием, это его одобрение в порядке принятия решения парламентом, но квалифицированным большинством. Такая аргументация, не усложненная до крайней степени трудной процедурой окончательного принятия проекта, свидетельствует о рационализации конституционной ревизии. Но полностью и официально такое толкование начальной фазы внесения изменений в конституцию в состоянии решить только Конституционный Суд своим решением. Если будет поставлен вопрос ревизии конституции Великим Народным собранием, целесообразно было бы заранее выяснить порядок предлагаемого изменения.

Следующий вопрос касается зависимости Великого Народного собрания от проекта распущенного Народного собрания, которое приняло решение о проведении выборов. Согласно ст. 161 КРБ, «ВНС принимает решение по внесенным проектам большинством не менее 2/3 голосов от всех народных представителей тремя голосованиями в разные дни». Следующая статья 162, ал. 1 ограничивает работу ВНС только теми учредительными вопросами, для решения которых оно избрано. Систематичное толкование этих двух распоряжений ведет к выводу о том, что проект, который был принят Народным собранием, является обязательной предпосылкой для созыва и работы ВНС, но возможно предложение и других альтернативных проектов после созыва ВНС. Ограниченность ВНС состоит только в том, что оно не имеет права выходить за пределы предмета обсуждения и решения, за тематические рамки, уже определенные предыдущим парламентом. Здесь наблюдается в более гибкой форме влияние Конституции Испанского королевства, которая требует двойное голосование конституционных изменений двумя последующими парламентами. Принцип верховенства учредительной власти дает возможность ВНС выбрать вариант решения выдвинутых вопросов, даже включая вариант противоположный первоначальному проекту. Но применяя принцип народного суверенитета, ВНС не имеет права выходить за рамки, заданные самими выборами. Предполагается, что со-

держание конституционных изменений будет определяться, в конце концов, соотношением голосов на проведенных выборах, с учетом различных взглядов (наличие квалифицированного большинства для принятия конституционных решений).

Порядок принятия изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан определен Регламентом Парламента Республики Казахстан в главе 4 «Принятие изменений и дополнений в Конституцию Республики» [12]. При поступлении предложения от Президента внести проект изменений или дополнений в Конституцию без референдума председатель Мажилиса (нижняя палата Парламента) созывает совместное заседание Палат Парламента, чтобы рассмотреть эти предложения в первом чтении. В п. 29 Регламента Парламента Республики Казахстан Президентом Республики определяется порядок рассмотрения предложений Президента в Парламенте. Причем по вопросам внесения изменений и дополнений в Конституцию обязательно проведение не менее двух чтений (п. 30).

Во время первого чтения сначала слово предоставляется инициатору внесения проекта изменений и дополнений в Конституцию или его представителю, а затем, в порядке установленной очередности, депутатам. После первого обсуждения Парламент принимает постановление об одобрении в первом чтении внесенного проекта изменений и дополнений в Конституцию и подготовки их ко второму чтению или их отклонению. Голосование при этом проводится согласно п. 31 Регламента большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа депутатов каждой из Палат.

При окончательном чтении Парламент большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа депутатов каждой из Палат принимает изменения и дополнения в Конституцию. Если голосованием не набрано установленное количество голосов, то согласно п. 32 предложения Президента по внесению изменений и дополнений в Конституцию считаются отклоненными.

В случае и порядке, установленном пунктом 1 статьи 91 Конституции Республики Казахстан, изменения и дополнения в Конституцию могут быть приняты Парламентом большинством не менее четырех пятых голосов от общего числа депутатов каждой из Палат.

В некоторых странах нередко запрещается изменение конституции в определенные периоды жизни страны. Так, запрещается (п. 2. ст. 48 КРК) инициировать изменения и дополнения в Конституцию Республики Казахстан лицу, принявшему полномочия Президента РК по основаниям и в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 48, т. е. в случае досрочного освобождения или отрешения от должности Президента РК, а также в случае его смерти. В Кыргызстане, например, согласно Конституции Кыргызской Республики (п. 4 ст. 114 ККР) запрещается внесение изменений в Конституцию КР во время чрезвычайного и военного положения.

Такие положения, на наш взгляд, преследуют цель обеспечить в течение какого-то времени стабилизацию вновь установленного конституционного строя. В Конституции Республики Болгария такое положение отсутствует.

Выводы. Представленный анализ показывает, что в условиях и порядке внесения изменений в конституциях Республики Болгария и Казахстана имеются схожие и значительно отличающиеся характеристики.

Общее состоит в том, что обе конституции имеют довольно-таки твердое ядро, трудно поддающееся юридическим изменениям (Болгария) или даже неизменяемое (Казахстан). Другая общая черта — высококвалифицированное большинство на основе общей численности парламента для принятия изменений (3/4 или 2/3 в Болгарии и 4/5 или 3/4 в Казахстане). В-третьих, то, что при определенных условиях сам парламент может окончательно внести изменения в конституции — в Болгарии в ограниченной степени по инициативе части депутатов или президента, а в Казахстане — по поручению Президента. В-четвертых, применение конституционного контроля в процессе внесения изменений в конституции в разных формах и границах.

Существенных различий также несколько. В Республике Болгария есть два относительно самостоятельных канала внесения конституционных изменений — через Народное собрание (Обыкновенное собрание) и через Великое Народное собрание (Конституционное собрание). Между ними есть связь, потому что созыву ВНС предшествует начало конституционного процесса Народным Собранием и выборами. В Республике Казахстан в основном изменения принимаются референдумом, но могут вноситься и Парламентом. Президент является основным посредником между гражданами и другими основными государственными органами (Парламент и Правительство).

Другое отличие в том, что в Болгарии очень трудно менять основы Конституции, но все-таки нет запрещенных зон для перемен. В Казахстане, наоборот, есть полностью неприкосновенные вопросы, которые ни при каких юридических обстоятельствах недопустимо подвергать изменениям. В этом смысле в Республике Казахстан ядро Конституции более защищено. Оно даже считается неизменным.

Следующее отличие касается роли конституционного контроля в ходе внесения изменений в конституции. Если не брать во внимание самостоятельные толковательные решения этих органов, то отличие состоит в самом процессе контроля. В Болгарии в результате обращения в Конституционный Суд он принимает решение после окончания парламентского процесса, т. е. только тогда, когда изменения уже приняты Народным собранием. В Казахстане Конституционный совет должен дать обязательно заключение до проведения референдума или рассмотрения Парламентом вопроса об изменении Конституции.

На основе сопоставления условий и порядка внесения изменений и дополнений конституций Республики Болгария и Казахстан можем сделать выводы, которые имеют универсальное значение в рассматриваемой тематике.

Жесткость конституций преследует стабильность государства и устойчивость основ правовой системы. Но отсутствие относительной гибкости конституции во время более глубоких общественных изменений может привести к острым политическим противоречиям. А сегодня мир и государства уже вошли в период глобальных перемен, которые все более затрагивают и правовую систему. В этом плане жесткие требования для принципиальных изменений конституции могут оказаться препятствием для проведения такого диалога в рамках институциональной структуры власти. В одних случаях изменения в правовой системе будут делаться в обход отдельных конституционных распоряжений, которые ослабляют существующий правопорядок и ущемляют правовое сознание людей. В других случаях можно столкнуться с накоплением противоречий и противопоставлением определенных конституционных распоряжений. Отсюда появляется риск углубления общественных противоречий и противоположных взглядов о необходимых переменах, выхода политического процесса из конституционного пути. Он может приобрести стихийное развитие, которое не уложится в определенных конституционных рамках. А история не раз показывала, что иногда самые главные решения принимались не в угоду требованиям валидности права, а ссылаясь на легитимность массовых ожиданий.

Во всяком случае, лучше увязывать требования о легитимности и валидности (законности) изменений. Поэтому всегда необходимо искать баланс между стабильностью и четким применением конституции, с одной стороны, и их способностью развиваться через изменения и дополнения — с другой. Перемены в основном законе необходимо вводить при условии высокой представительности и квалифицированных юридических требований, но, по крайней мере, сделать их допустимыми. Иначе когда-нибудь изменения произойдут не конституционным путем и новые конституционные правила утвердятся не в результате указанной процедуры внесения изменений, а путем отрицания действующей конституции.

Библиографический список

1. Dicey A. V. *The Law of the Constitution* (1885). Ed. J. W.F. Allison, Oxford, 2013.
2. Ryan M. & St. Foster. *Unlocking Constitutional and Administrative Law*. 3-d ed. Routledge, 2014.
3. Grimm D. *Types of Constitutions* // *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Ed. by M. Rosenfeld, A. Sajo. Oxford, 2012.
4. Van Alstyne W.W. *The Idea of the Constitution as Hard Law* // *Journal of Legal Education*. 1987. Vol. 37.
5. Grimm D. *Op. cit.*
6. Benz A. *Balancing Rigidity and Flexibility: Constitutional Dynamics in Federal Systems* // *West European Politics*. 2013. Vol. 36; 2013. Issue, 4. URL: <https://www.doi.org/10.1080/01402382.2013.783346>
7. Матаева М. Некоторые особенности процедуры внесения изменений и дополнений в Конституции Казахстана и стран Центральной Азии // *Вестник Томского государственного университета*. 2003. № 292.
8. «Държавен вестник» (ДВ), бр. 85 от 26. 09. 2003 г.; ДВ, бр. 27 от 2006 г.; ДВ, бр. 12 от 02. 2007 г.; ДВ, бр. 100 от 18. 12. 2015 г.

9. ДВ, бр. 18 от 25. 02. 2005 г.

10. Турецки Н. Н. Законодателна ветв на власта на Казахстан. 2-е изд. Астана, 2015.

11. Неновски Н. Подлежи ли на конституционен съдебен контрол законът за ревизия на Конституцията? // Юридически свят. 2000. № 1; Неновски Н. Конституционна ревизия и конституционен контрол // Юридически свят, 2003. № 2; Стоилов Я. Държавната власт: правно-политически разграничения и съотношения. С., 2001; Решение на Конституционния съд № 3 от 10. 04. 2003 г. по к. д. № 22 от 2002 г. (ДВ, бр. 36 от 18. 04. 2003).

12. Регламент на Парламента на Република Казахстан. Приет на съвместно заседание на палатите на Парламента на Република Казахстан 20 май 1996 г. URL: <http://www.parlam.kz/ru/regulation> (дата на обращение: 22.01.2019)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

(МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ»)

УДК 341.17
ББК 67.91

ПРЕПЯТСТВИЯ К РАЗВИТИЮ НАУЧНОГО И НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА¹

Е. С. Аничкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Рассмотрены правовые и внеправовые факторы, затрудняющие развитие научного и научно-технического партнерства в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Факторы, снижающие активность и эффективность такого сотрудничества разделены на правовые и внеправовые. В рамках правовых факторов различаются внутренние и внешние, а к числу внеправовых причин и условий отнесены политическая и экономическая ситуация в странах ШОС.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, научное сотрудничество, научно-техническое партнерство, коллаборация, правовые факторы, внеправовые факторы.

OBSTACLES TO THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

E. S. Anichkin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Legal and non-legal factors that impede the development of scientific and scientific-technical partnership are considered. within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Factors that reduce the activity and effectiveness of such cooperation are divided into legal and non-legal. Within the framework of legal factors, internal and external are distinguished, and the political and economic situation in the SCO countries are classified as non-legal reasons and conditions.

¹ Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18–29–15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, scientific cooperation, scientific and technical partnership, collaboration, legal factors, extra-legal factors.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.12](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.12)

Несмотря на укрепление политических, экономических и культурных связей между государствами, входящими в Шанхайскую организацию сотрудничества (далее — ШОС), развитие долгосрочной и эффективной научной коллаборации между ними оставляет желать лучшего. В связи с этим возникает резонный вопрос о препятствиях к построению масштабной и устойчивой системы научного и научно-технического сотрудничества в рамках данной международной организации. Выявление таких препятствий невозможно без анализа факторов, определяющих развитие либо стагнацию научной и научно-технической сферы. Полагаем, что все препятствия можно подразделить на юридические и неюридические (политические, экономические и пр.).

К правовым факторам, непосредственно влияющим на эффективность научного и научно-технического сотрудничества, следует отнести уровень качества правового регулирования национальной научно-технической политики, правовой статус организаций, в задачи которых входит развитие науки, а также правовое закрепление намерений развивать научное и научно-техническое сотрудничество, посредством заключения международных соглашений и реализацию этих соглашений. Первые два фактора являются внутренними, однако создают важные правовые предпосылки для регулирования научного и научно-технического сотрудничества на международном уровне.

Политические факторы, тормозящие развитие научного и научно-технического сотрудничества, в основном касаются особенностей внутренней государственной политики, направленной на вовлечение предпринимателей в инновационную деятельность, а также наличия внешнеполитических рисков, обусловленных как поведением конкретных стран Шанхайской организации сотрудничества, так и третьих стран. Экономические факторы, затрудняющие развитие научного и научно-технического сотрудничества, обусловлены избранными подходами финансирования научных исследований и разработок, уровнем кадрового потенциала, а также динамикой экспорта высокотехнологической продукции.

Состояние правового регулирования в сфере науки и техники в разных странах ШОС не является одинаковым. В Российской Федерации оно не отличается стабильностью. Высокая динамика законодательной деятельности в России нередко приводит к тому, что субъекты научной и инновационной деятельности часто сталкиваются с новыми непредвидимыми условиями взаимодействия между собой и государством. Значительную роль играют подзаконные нормативные акты, которые периодически в условиях санкционной политики создают необоснованные преграды и усложняют коммуникацию между научными сообществами из зарубежных стран. Зависимость научных учреждений (прежде всего Российской академии наук) от государственной власти существенно снижает их самостоятельность, делает зависимыми от политической конъюнктуры и в определенной мере ограничивает свободу научного творчества установленными приоритетными направлениями научно-исследовательской работы. Наблюдаются и заметные пробелы в правовом регулировании. Например, ст. 16 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», посвященная международному научному и научно-техническому сотрудничеству РФ, имеет декларативный характер и не содержит конкретных направлений, сфер и объектов сотрудничества, а в качестве приоритетного направления называется только сотрудничество со странами СНГ [1].

В КНР ряд областей научных исследований и технологий остаются закрытыми для международного сотрудничества. Министерство внешней торговли Китая включило в данный перечень, в частности, инвестиции в разработку стволовых клеток человека, геномную диагностику, разработку и применение терапевтических технологий; инвестиции в геодезию, морскую картографию, геодезию и аэрофотосъемку. В Пакистане правовое регулирование научной и научно-технической деятельности находится на начальном этапе своего развития, в связи с чем большая часть актуальных вопросов, в том числе касающихся международного сотрудничества, остаются без надлежащей юридической регламентации. В Республике Казахстан существенным недостатком правового регулирования в рассматриваемой области является отсутствие законодательного закрепления комплексной стратегии международного сотрудничества в области научных исследований, научно-технических разработок и инновационной деятельности [2].

Правовые препятствия внешнего характера проявляются, главным образом, в двух моментах. Во-первых, из 8 стран ШОС только Россия имеет двусторонние соглашения о научно-техническом сотрудничестве со всеми странами ШОС. Меньше всего подобных соглашений со странами ШОС заключили Китай (только с Россией и Казахстаном) и Киргизия (только с Россией и Индией). Иными словами, тотальный охват стран ШОС двусторонними соглашениями отсутствует. Во-вторых, многосторонним соглашением, формирующим фундамент долгосрочных партнерских отношений в сфере научного и научно-технического сотрудничества между странами ШОС, является Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве от 13 сентября 2013 г. Однако данное соглашение имеет во многом программно-декларативный и отсылочный характер и не закрепляет конкретных правовых механизмов реализации собственных положений.

Неправовые препятствия к развитию научного и научно-технического сотрудничества между странами ШОС также отличаются разнообразием. Для большинства стран ШОС актуальны такие проблемы, как отсталость инвестиционного комплекса, слабая развитость внутреннего рынка научных полуфабрикатов, интеллектуальной собственности, изобретений и патентов, медленная коммерциализация достижений науки и техники. В постсоветских республиках государственная политика в указанной сфере не обеспечивает необходимого взаимодействия между предпринимателями, университетами и научно-исследовательскими учреждениями, не выделяются достаточные финансовые ресурсы для коммерциализации технологий. Применяемые механизмы коммуникации между заинтересованными сторонами часто неэффективны, что обусловлено недостаточным опытом реализации инновационных проектов и низким уровнем общего управления. Из всех стран ШОС только Китай и Индия смогли обеспечить достаточно эффективное взаимодействие между государством, бизнесом и научным сообществом в сфере развития науки, техники и инновационной деятельности. В итоге формируется различная культура инновационной активности (динамичная и ответственная в одних странах и инертная, недисциплинированная — в других), что осложняет реализацию крупных международных проектов с участием предпринимателей из разных стран ШОС.

На интенсивность отношений в сфере научного и научно-технического сотрудничества между странами ШОС влияет наличие очагов напряженности, которые негативно сказываются не только на двусторонних отношениях государств, но и приводят к невыполнению (ненадлежащему выполнению) принятых на основании международных договоров обязательств. Ярким примером конфликтного поведения участников рассматриваемого регионального объединения являются взаимоотношения Индии и Пакистана. Так, в 2019 г. пограничные столкновения между этими странами привели к введению Индией экономических ограничений в отношении Пакистана (были отменены торговые привилегии и существенно увеличены ввозные пошлины на пакистанские товары). Пограничные конфликты также становятся причиной натянутых отношений между Таджикистаном и Киргизией.

С экономической точки зрения основными препятствиями развития международного научного и научно-технического сотрудничества между странами ШОС являются неравномерное финансирование научных исследований и разработок, снижение числа исследователей в некоторых государствах-членах ШОС, доминирование доли государственного финансирования научных исследований и технологических разработок, затрудняющее коллаборацию между коллективами исследователей из разных стран из-за существенных различий в подходах и методах управления государственными и частными научными проектами, невысокие показатели динамики экспорта высокотехнологической продукции в отдельных странах. В основе этого диспаритета находятся неравные экономические возможности государств, асимметрия национальных экономик, вследствие которой государства с большими финансовыми возможностями склонны искать сотрудничество друг с другом, нежели с экономически более слабым партнером. При этом расходы Китая как самой инвестирующей в науку страны (2,1% от ВВП в 2017 г.) превышают расходы наименее инвестирующей в научные исследования страны (Киргизия) в 21 раз [3]. Существенным является разрыв в кадровом обеспечении научной и научно-технической сферы в странах ШОС. В таких странах, как Китай, Индия, Казахстан количество ученых за период с 2000 по 2017 г. увеличилось в два раза. В Российской Федерации число ученых, напротив, сократилось на 17,5%, а в Республике Узбекистан — почти на 25% [3].

Осмысление перечисленных препятствий при принятии решений о научном и научно-техническом сотрудничестве в рамках ШОС позволит снизить риски невыполнения поставленных задач, про-

думать адекватные способы их преодоления, а также достичь высоких результатов с наименьшими организационными, финансовыми и репутационными издержками.

Библиографический список

1. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2020 г.).
2. Обзор инновационного развития Казахстана. URL: https://www.unecse.org/fileadmin/DAM/cesi/publications/icp5_r.pdf (дата обращения: 25.02.2020 г.)
3. URL: The World Bank // www.data.worldbank.org (дата обращения 25.02.2020 г.).
4. URL: The World Bank // www.data.worldbank.org (дата обращения 25.02.2020 г.)

УДК 340
ББК 67.0

ПУТИ АКТИВИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ШОС ПОСРЕДСТВОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ¹

А. А. Васильев¹, Д. Шпопер², Ж. И. Ибрагимов³

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

² Поморская академия (Слупск, Польша)

³ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва (Нур-Султан, Казахстан)

Статья посвящена поиску путей активизации международного научно-технического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Авторами предлагаются такие способы развития международного научно-технического сотрудничества в ШОС, как создание специальной комиссии ШОС по научно-техническому сотрудничеству, формирование экспертного совета из представителей науки, учреждение фонда по финансированию совместных научных проектов.

Ключевые слова: международное право, научное право, инновации, ШОС, устойчивое развитие, научно-техническое сотрудничество.

WAYS TO STEP UP THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC, SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION OF THE SCO COUNTRIES, IMPROVE ITS LEGAL AND INSTITUTIONAL FOUNDATIONS

A. A. Vasiliev¹, D. Spaper², Zh. I. Ibragimov³

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

² Pomeranian Academy (Slupsk, Poland)

³ L. N. Gumilyov Eurasian National University (Nursultan, Kazakhstan)

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-29-15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

The article is devoted to the search for ways to enhance international scientific and technical cooperation within the framework of the Shanghai Cooperation Organization. The authors suggest such ways of developing international scientific and technical cooperation in the SCO as the creation of a special SCO commission on scientific and technical cooperation, the formation of an expert council of representatives of science, the establishment of a fund for financing joint scientific projects.

Keywords: international law, scientific law, innovation, SCO, sustainable development, scientific and technical cooperation.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.13](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.13)

Шанхайская организация сотрудничества изначально как международная организация носила ярко выраженный характер межгосударственного союза для решения вопросов безопасности в Азиатском регионе. И только постепенно иные аспекты международного сотрудничества стали предметом взаимовыгодного партнерства стран-участниц ШОС. Так, в 2013 г. было подписано Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о научно-техническом сотрудничестве, заложившее принципы и формы научно-технического сотрудничества в рамках ШОС [1]. В институциональном плане научно-техническое сотрудничество стран-участниц ШОС было введено специальной межгосударственной рабочей группе.

Несмотря на расширение сфер и тем для межгосударственного сотрудничества в рамках ШОС, в последующие 7 лет после принятия Соглашения ШОС 2013 г. отношения в сфере науки и технологий продолжают носить исключительно двусторонний характер между государствами-членами ШОС. Главным образом, научно-технические связи складываются между Российской Федерацией и каждой в отдельности страной ШОС. Многосторонние соглашения и научно-технические связи за эти годы так и не сложились.

Соглашение ШОС о научно-техническом сотрудничестве носит общий и декларативный характер. К сожалению, после заключения данного соглашения нельзя сказать об интеграции и кооперации в сфере науки между всеми участниками ШОС. Конечно, есть целый ряд препятствий и факторов, которые негативно сказываются на интенсификации международного научно-технического сотрудничества в рамках ШОС: геополитическая напряженность, санкционная война, пограничные и религиозно-этнические конфликты, неравномерное социально-экономическое развитие и состояние науки в государствах ШОС и многое другое. В немалой степени развитие международного научно-технического сотрудничества России с зарубежными партнерами сдерживается устаревшим Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике», отсутствием единых правовых подходов и концепции международного научно-технического сотрудничества, наличием бюрократических и ограничительных норм в отношении научно-технического сотрудничества [2]. Так, в Российской Федерации до сих пор отсутствует внятная правовая основа для развития научно-технических и иных связей между субъектами РФ и приграничными регионами зарубежных государств.

При этом совершенно очевидно, что взаимопонимание между народами, развитие экономических, культурных и политических контактов возможно на основе устойчивых и эффективных научно-технических отношений между государствами. Наука выступает одним из серьезных инструментов мягкой силы в современном мире, обеспечивая мир и взаимопонимание между народами, нейтрализацию международной напряженности и конфликтов. Научная дипломатия как один из современных типов дипломатии может оказать положительное воздействие на процессы интеграции стран ШОС [3].

В связи с этим дальнейшее развитие ШОС по линии науки и технологий предполагает активизацию международного научно-технического сотрудничества, создание необходимых правовых и институциональных основ для интенсификации международных научно-технических связей.

Задача по интенсификации международного научно-технического сотрудничества в рамках региональных международных организаций, включая Шанхайскую организацию сотрудничества, определена Концепцией международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации [4]. В данном документе установлены цели сотрудничества по линии региональных международных организаций:

- гармонизации норм, правил и координации научно-технических мероприятий ради обеспечения целей, задач и приоритетов МНТС Российской Федерации и реализации глобальной научно-технической повестки, связанной с преодолением «Больших вызовов»;
- инициирования и реализации международных научно-технических программ и проектов с участием Российской Федерации.

Одним из направлений активизации международного научно-технического сотрудничества в рамках ШОС может быть создание особой комиссии или отдельного совета при ШОС по международному научно-техническому сотрудничеству. Существующая рабочая группа не является постоянно действующим институтом и не может проводить системную и постоянную линию в сфере научно-технических контактов. Рабочая группа проводит совещание раз в год. Для реализации Соглашения ШОС о научно-техническом сотрудничестве утвержден «План мероприятий по реализации Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о научно-техническом сотрудничестве на период с 2016 по 2020 годы». Однако приходится констатировать, что ощутимых результатов деятельности рабочей группы ШОС пока не принесла. В компетенцию такой комиссии ШОС могли быть отнесены следующие вопросы:

- координация международного научно-технического сотрудничества государств ШОС;
- разработка документов ШОС и модельных правовых актов в сфере науки и техники: экспорта научно-технической продукции, вопросы охраны интеллектуальной собственности, создания научных коллабораций, особых научно-технических и инновационных зон и др.;
- подготовка совещаний министров образования и науки стран ШОС;
- определение на основе консультаций с научным сообществом актуальной научной тематики фундаментальных и прикладных исследований для стран ШОС;
- инициация конкурсов на финансирование научных исследований и проектов;
- проведение аналитических исследований для принятия решений органов управления ШОС.

Подобные постоянно действующие советы и комиссии созданы при других международных организациях: ЕвразЭС, СНГ, ЕС, БРИКС и другие. Так, в рамках ЕвразЭС в 2009 г. создан центр высоких технологий. С 2012 г. функционирует Национальный комитет по исследованиям БРИКС [5].

В институциональном плане такая комиссия ШОС могла бы работать в тесном контакте с экспертным советом из представителей академического сообщества государств ШОС. Экспертный совет мог бы стать экспертно-аналитическим институтом, который бы в целом сопровождал работу органов ШОС по всем направлениям международного сотрудничества.

Еще одним весомым способом интенсификации научно-технических связей в ШОС мог бы стать модельный для стран ШОС закон о международном научно-техническом сотрудничестве, который бы обеспечил правовую основу (принципы, формы, направления сотрудничества, вопросы экспорта научно-технической продукции, охраны результатов интеллектуальной деятельности, режима особых территорий научно-инновационного характера и т. п.).

Безусловно, самым важным условием успешных научно-технических отношений является наличие общих научных тем для исследований, затрагивающих каждую из стран ШОС и имеющих универсальное значение. Именно выявление и поддержка исследований по общей для стран ШОС научной проблематике будет способствовать не мнимому, а действительно заинтересованному научному диалогу. Так, универсальное для стран ШОС значение имеет изучение причин и форм противодействия терроризму и экстремизму как одних из самых серьезных угроз национальной и международной безопасности. Определение совместной тематики возможно на основе постоянных научных контактов на уровне академического сообщества разных стран в форме научных конференций, выставок, официальных визитов и конкурсов на заказ общей тематики научных исследований. Приоритетное значение должен иметь принцип заинтересованного участия в международном сотрудничестве, как его определяет В. Н. Киселев, то есть заинтересованности государства и ученых в проведении международных научно-технических исследований [6].

Значительную роль в активизации международного научно-технического сотрудничества государств-участниц ШОС могло бы сыграть создание специального фонда поддержки научных исследований и инноваций или проведение совместных международных научных конкурсов национальными фондами государств ШОС. Независимо от организационной формы поддержка научного и технического сотрудничества стран ШОС может проводиться в следующих формах:

- предоставление грантов на научные исследования международным коллаборациям;

- финансирование проектов «мегасайенс»;
- финансирование научных конференций для обмена результатами научно-технической деятельности;
- инвестиции частного и государственного сектора в научные исследования и инновации;
- поддержка академической мобильности ученых и студентов в рамках ШОС для обмена опытом и развития научных контактов.

Подобные меры поддержки совместных научных исследований широко используются в других интеграционных объединениях [7]. Так, под эгидой ЕврАзЭС, БРИКС реализуются международные конкурсы по выделению грантов на научные исследования [8].

Наконец, активизация международного научно-технического сотрудничества в ШОС возможна путем заключения нового более конкретного по содержанию соглашения о научно-техническом сотрудничестве. В таком соглашении целесообразно было бы предусмотреть вышеназванные правовые и институциональные формы и инструменты осуществления научно-технического сотрудничества:

- учреждение постоянно действующей комиссии по научно-техническому сотрудничеству;
- создание экспертно-аналитического центра ШОС;
- учреждение специального фонда поддержки науки и инноваций для совместных научных и инновационных проектов ШОС;
- решение вопросов охраны прав на интеллектуальную собственность;
- правовой режим экспорта научно-технической продукции и технологий;
- упрощенные процедуры академической мобильности и трудоустройства иностранных ученых.

Таким образом, развитие международного научно-технического сотрудничества государств ШОС возможно путем реализации целого ряда правовых (новое Соглашение о МНТС, модельный закон о МНТС, принятие нового закона о науке), институциональных (учреждение постоянно действующей комиссии по научно-техническому сотрудничеству с расширенным функционалом) и организационно-финансовых мер (учреждение фонда поддержки науки и инноваций, систематическая организация международных конкурсов на предоставление грантов и т. п.).

Библиографический список

1. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве от 13 февраля 2013 г. // Собрание законодательства РФ. 22.07.2013. № 29. Ст. 3996.
2. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.05.2020 г.).
3. Букалова С. В. Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений // Мировая политика. 2018. № 2. DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.25855 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25855.
4. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 года № ТГ-П8-952) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.web.worldbank.org/wbsite/external/extaboutus/0,,contentMDK:20627105~pagePK:51123644~piPK:329829~theSitePK:29708,00.html>
5. URL: <http://nkibrics.ru/>
6. Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации: краткий обзор и вопросы развития / В. Н. Киселев; гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М., 2014. + вкл. URL: <http://www.web.worldbank.org/wbsite/external/extaboutus/0,,contentMDK:20627105~pagePK:51123644~piPK:329829~theSitePK:29708,00.html>
7. Методическое пособие по участию российских научных организаций и университетов в международной научно-технической деятельности / А. Г. Пикалова, Е. Г. Насыбулина, А. В. Соколов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2017.
8. Шугуров М. В. Международное измерение научно-технологической интеграции ЕАЭС в контексте стратегии устойчивого: политико-правовые основы // Lex Russica. 2019. № 8 (153). Август. URL: <file://mejdunarodnoe-izmerenie-nauchno-tehnologicheskoi-integratsii-eaes-v-kontekste-strategii-ustoi-chivogo-razvitiya-politiko-pravov-e-osnov.pdf>.

УДК 34:796

ББК 67.93

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА¹

Е. Ю. Коваленко, О. А. Шавандина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье изучены национальные и международные правовые основы регулирования отношений в сфере физической культуры и спорта. Установлено, что изучение и учет положительного зарубежного опыта эффективного регулирования отношений, возникающих в сфере физической культуры и спорта, важны для совершенствования норм национального спортивного права, в том числе для проведения кодификации спортивного законодательства России, и выступает одной из важных причин, обуславливающих развитие международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами. Другой важной причиной выступает необходимость проведения гармонизации и унификации национального законодательства России в области физической культуры и спорта с нормами международного права. Развитие международного сотрудничества России с зарубежными странами и международными организациями в направлении обеспечения национальной безопасности особенно актуально в условиях осуществления давления на российских спортсменов в последнее десятилетие на спортивных соревнованиях и мероприятиях различного уровня. Сделан вывод о необходимости для России развивать все направления международного сотрудничества, так как физическая культура и спорт на национальном и международном уровнях выступает важным инструментом обеспечения устойчивого социально-экономического развития стран, инструментом личностного развития человека, инструментом, обеспечивающим межкультурное, партнерское и дружественное развитие межгосударственного общения и служит мощным стимулом повышения конкурентоспособности каждой страны в условиях мировой глобализации.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, правовое регулирование, международное сотрудничество, гармонизация, унификация, кодификация, международные спортивные организации, участники спортивных отношений.

LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH FOREIGN COUNTRIES IN THE FIELD OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS

E. Y. Kovalenko, O. A. Shavandina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article studies the national and international legal framework for regulating relations in the field of physical culture and sports. It has been established that studying and taking into account positive foreign experience in effectively regulating relations arising in the field of physical culture and sports, for improving the norms of national sports law, including for codifying the sports legislation of Russia, is one of the important reasons for the development of international cooperation of the Russian Federation with foreign countries. Another important reason is the need to harmonize and unify the national legislation of Russia in the field of physical culture and sports with international law. The development of international

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (научный проект № 20-011-00053 А «Правовое регулирование спортивных отношений в Российской Федерации»).

cooperation between Russia and foreign countries and international organizations in the direction of ensuring national security is especially relevant in the context of exerting pressure on Russian athletes in the past decade at sports competitions and events of various levels. It is concluded that Russia needs to develop all areas of international cooperation, since physical culture and sport at the national and international levels is an important tool for ensuring the sustainable socio-economic development of countries, a tool for personal development of a person, a tool for intercultural, partnership and friendly development of interstate communication and serves as a powerful incentive to increase the competitiveness of each country in the context of globalization.

Keywords: physical culture, sport, legal regulation, international cooperation, harmonization, unification, codification, international sports organizations, participants in sports relations.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.14](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.14)

Физическая культура и спорт выступают залогом формирования здорового образа жизни населения и являются важными показателями успехов россиян, участвующих в различных спортивных мероприятиях различного уровня. В Российской Федерации (далее — РФ) разработаны ряд концепций и стратегий, призванных заложить фундамент для дальнейшего развития общественных отношений в сфере физической культуры и спорта. Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р, определена роль физической культуры и спорта в развитии человеческого потенциала России. Указывается, что улучшение социально-экономического положения страны в последнее десятилетие положительно сказалось на преодолении негативных тенденций в сфере физической культуры и спорта. Однако уровень развития данной сферы не соответствует общим положительным социально-экономическим преобразованиям в Российской Федерации. При этом расходы государства на занятия граждан физической культурой и спортом являются экономически эффективным вложением в развитие человеческого потенциала и улучшение качества жизни граждан России. Таким образом, перед сферой физической культуры и спорта стоят глобальные вызовы и задачи, решение которых требует современных подходов, что закреплено в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р.

Правительству Российской Федерации рекомендовано в соответствии с п. 3 Указа Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» при разработке национальной программы в сфере демографического развития исходить из того, что в 2024 г. необходимо обеспечить: а) достижение следующих целей и целевых показателей: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7; увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, а также увеличение до 55% доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом; б) решение следующих задач: формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек; создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовка спортивного резерва. Кроме того, в России распоряжением Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1188-р утверждена Стратегия развития спортивной индустрии до 2035 г. и комплекс мер по формированию современной отрасли спортивной индустрии на 2019–2020 гг., Приказом Минспорта России от 21.11.2017 № 1007 утверждена Концепция развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 г.

Помимо актов стратегического планирования в сфере физической культуры и спорта действует несколько сотен нормативных правовых актов, изданных законодательными и исполнительными органами государственной власти Российской Федерации. Основополагающее значение в системе источников спортивного права России имеет Конституция РФ, обладающая высшей юридической силой и закрепляющая основы конституционного строя, формирующая вектор развития законодательства и принципы правоприменительной деятельности. В то же время в Конституции РФ есть нормы, обес-

печивающие конституционные основы правового регулирования спортивных отношений. В частности, статья 41 Конституции РФ закрепляет право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь. Согласно п. 2 указанной статьи в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Также к нормам, регулирующим отношения в сфере физической культуры и спорта, относятся ч. 1 и 5 ст. 43, ч. 2 ст. 446, п. «е» ст. 72 Конституции РФ.

Основополагающим отраслевым нормативным правовым актом в настоящее время является Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ, который устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации, определяет основные принципы законодательства о физической культуре и спорте.

Не менее важными являются нормы, закрепленные в иных нормативных правовых актах. Например, нормы гражданского законодательства, закрепленные прежде всего в Гражданском кодексе РФ, определяют правовое положение участников (граждан и юридических лиц) гражданского оборота и регулируют имущественные, личные неимущественные и корпоративные отношения между равными участниками названных отношений. В Трудовом кодексе РФ содержатся общие нормы, регулирующие трудовые отношения всех категорий работников и специальные нормы, устанавливающие особенности правового регулирования труда спортсменов и тренеров (глава 54.1 «Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров»). К источникам правового регулирования отдельных видов спортивных отношений относятся Налоговый кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266-1, Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996 г. № 125-ФЗ, Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 г. № 2124-1 и ряд других законов и подзаконных нормативных правовых актов, обеспечивающих регулирование и охрану спортивных отношений.

В российской юридической литературе уже давно обсуждается проблема кодификации спортивного законодательства [1, с. 165]. Действующий Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» не регулирует все возникающие в сфере спорта общественные отношения. Многие нормы данного нормативного акта нуждаются в совершенствовании с целью восполнения пробелов, устранения коллизий, а также унификации и гармонизации с нормами международного права. По мнению Андрея Александровича Соловьева, члена Комиссии по спортивному праву Ассоциации юристов России, издание нескольких десятков федеральных законов в этой сфере, в том числе законов: о спортивном образовании и спортивной подготовке; о борьбе с допингом; о спорте в системе образования; о спорте для инвалидов; о спортивном арбитраже в Российской Федерации; о финансовом, научном и технологическом обеспечении спорта; о механизмах защиты на международном уровне интересов Российской Федерации в области спорта и прав участников спортивных правоотношений, — не может рассматриваться как реалистичная возможность совершенствования спортивного права России. Но даже принятие всех этих законов не сможет обеспечить надлежащей системности и взаимной согласованности правового регулирования правоотношений в области спорта и при этом является далеко не оптимальным решением проблемы. Поэтому автор предлагает Концепцию Спортивного кодекса РФ как основополагающего системообразующего фундаментального акта, консолидирующего все законодательные акты в этой области. Спортивный кодекс нацелен на создание правовых условий для успешной модернизации, развития и функционирования спорта в России, включая профессиональный, любительский, массовый спорт и систему спортивной подготовки, системы государственно-общественного управления спортом в РФ; обеспечение эффективного правового регулирования общественных отношений в области спорта с соблюдением баланса прав и обязанностей граждан, организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления; сочетание демографических, социально-экономических и культурных интересов общества, а также федеральных, региональных и местных интересов и потребностей [2, с. 10–25].

Антон Тариэльевич Сихарулидзе, заслуженный мастер спорта Российской Федерации, олимпийский чемпион, считает, что в процессе совершенствования правового регулирования спортивных

отношений во главу угла необходимо поставить именно правовое регулирование посредством принятия нормативных правовых актов и в первую очередь — законов. При этом следует сразу же отказаться от максималистских устремлений и поспешных выводов о необходимости что-то срочно унифицировать на основе рецепции понравившегося зарубежного примера, превращать отечественное право в эклектического «монстра», состоящего, словно лоскутное одеяло, из кусочков, копирующих иностранные законы. С другой стороны, замыкание в себе, игнорирование того, что кто-то уже разработал и эффективно применяет те или иные правовые модели, обедняет правовой опыт, правовые доктрины, научные взгляды и не дает возможности учиться на чужих ошибках, не допуская при этом собственных [3, с. 3–5].

Изучение и учет положительного зарубежного опыта эффективного регулирования отношений, возникающих в сфере физической культуры и спорта, важны для совершенствования норм национального спортивного права, в том числе для проведения кодификации спортивного законодательства России, и выступает одной из важных причин, обуславливающих развитие международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами. Другой важной причиной выступает необходимость проведения гармонизации и унификации национального законодательства России в области физической культуры и спорта с нормами международного права.

«Спорт как фактор обеспечения устойчивого развития» — так озаглавлена резолюция, принятая 3 декабря 2018 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее — ООН) в Нью-Йорке. В докладе Генерального секретаря ООН, посвященном вопросам спорта и развития, говорится о том, что странам-членам необходимо расширять государственную политику и программы в области развития спорта и признать ту важную роль, которую играют в этой связи Олимпийский комитет и спортивные организации. В Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года признается, в частности, что спорт является одним из важных факторов обеспечения устойчивого развития. Резолюция Генеральной Ассамблеи подтверждает «неоценимый вклад олимпийского и паралимпийского движения в становление спорта как уникального средства содействия миру и развитию, в частности путем воплощения идеала олимпийского перемирия, отмечая возможности, созданные в рамках прошлых Олимпийских и Паралимпийских игр». В резолюции также подтверждается роль спорта как одного из важных факторов обеспечения устойчивого развития и признается растущее значение спорта в деле развития и мира. Как считают авторы документа, спорт способствует утверждению принципов терпимости и уважения и содействует расширению прав и возможностей населения, в том числе женщин и молодежи. Спорт также помогает достичь целей в области здравоохранения, образования и социальной интеграции [4]. Генеральная Ассамблея ООН в принятых многочисленных резолюциях 48/10 от 01.11.1993 г., 64/4 от 19.10.2004 г., 66/5 от 17.10.2011 г., 07/17 от 28.11.2012 г., 67/296 от 23.08.2013 г., 69/6 от 31.10.2014 г. и многих других обращала внимание на значимость спорта как мощного инструмента продвижения мира, благополучия и равенства.

ООН играет важную роль в обеспечении международного сотрудничества и сохранении мира и безопасности на нашей планете. Для реализации данного направления своей деятельности ООН регулярно принимает основополагающие документы международного характера. Одним из таких документов выступает Международная хартия физического воспитания и спорта, принятая на Генеральной конференции ООН в 1978 г. Целью принятия данного документа явилась необходимость поставить развитие физического воспитания и спорта на службу прогрессу человечества. Как закреплено в ст. 1 Международной хартии физического воспитания и спорта, каждый человек обладает правом на доступ к физическому воспитанию и спорту. Право развивать физические, интеллектуальные и нравственные способности посредством физического воспитания и спорта должно быть гарантировано как в рамках системы образования, так и в других аспектах общественной жизни. Каждый человек в соответствии со спортивными традициями своей страны должен иметь все возможности для участия в физическом воспитании и спорте для улучшения своего физического состояния и достижения уровня спортивных успехов сообразно своим способностям.

Обеспечение безопасности всех участников спортивных отношений в настоящее время выступает одним из приоритетных направлений деятельности ООН и других спортивных организаций всех уровней. Под эгидой ООН разработан и реализуется запрет на расовое и политическое давление в спорте, который закрепляет олимпийские принципы физической культуры и спорта в рамках международного спортивного сообщества. С этой целью принимаются международные документы, среди кото-

рых необходимо отметить Международную Конвенцию против апартеида в спорте, утв. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1985 г., в Преамбуле которой указывается, что Генеральная Ассамблея ООН приняла ряд резолюций, осуждающих практику апартеида в спорте, и подтвердила свою безусловную поддержку олимпийского принципа о недопустимости какой-либо дискриминации на основе расы, религии или политической принадлежности, а также отмечается, что единственным критерием участия в спортивных мероприятиях должны быть спортивные показатели.

Развитие международного сотрудничества России с зарубежными странами и международными организациями в этом направлении особенно актуально в условиях осуществления давления на российских спортсменов в последнее десятилетие на спортивных соревнованиях и мероприятиях различного уровня.

В целях реализации такого направления международного сотрудничества, как гармонизация и унификация национального права с нормами международного права Россия активно расширяет взаимодействие с международными спортивными организациями всех уровней по основным направлениям развития физической культуры и спорта и увеличивает свое представительство в международных спортивных организациях. Многие аспекты необходимости развития сотрудничества России с международными организациями рассматриваются в юридической литературе. Так, О. А. Шевченко обращает внимание на перспективы и направления развития международного правового обеспечения спортивно-трудовых отношений и указывает на заинтересованность России в использовании законодательного опыта и исследовательского потенциала Международной организации труда (МОТ), а также анализирует положения Программы сотрудничества МОТ и России [5].

Кроме того, Россия активно участвует в подписании и ратификации важных международных Конвенций и Соглашений по вопросам физической культуры и спорта. Так, распоряжением Президента РФ от 13.07.2016 г. № 200-рп подписана Конвенция Совета Европы о едином подходе к обеспечению безопасности, охране общественного порядка и обслуживанию во время футбольных матчей и других спортивных соревнований, заключенная в г. Сен-Дени 03.07.2016 г.

Основополагающее значение также имеют универсальные международные акты, среди которых можно назвать Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека и гражданина 1966 г., Олимпийскую хартию, введенную в действие с 9.10.2018 г., Конвенцию против применения допинга 1989 г., Конвенции Международной организации труда (МОТ) и др. Среди международных актов регионального характера в сфере спорта можно назвать Европейскую спортивную хартию 1992 г., Европейскую конвенцию о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий 1985 г., Кодекс спортивной этики Европейского Союза 1992 г., Концепцию евразийской социальной хартии, принятой Межпарламентской Ассамблеей ЕвразЭС в 2004 г., Регламент Европейского Союза 593/2008 от 17.06.2008 г. «О праве, применимом к договорным обязательствам» (Рим I) и другие многочисленные директивы и рекомендации, нормативные документы Совета Министров Европейского Союза и других региональных объединений различных государств.

В частности, важная роль для России играет международное сотрудничество со странами Содружества независимых государств (далее — СНГ). Так, А. М. Задорина, исследуя вопросы правового регулирования развития физической культуры и спорта в СНГ, указывает, что принятие модельных законов СНГ в сфере физической культуры и спорта направлено на унификацию и гармонизацию нормативной правовой базы, формирование единой молодежной и спортивной политики стран СНГ в целях обеспечения национальной безопасности [6, с. 33]. Обсуждение аналогичных и других важных вопросов в сфере физической культуры и спорта также встречается в трудах многих исследователей [7, с. 82–85; 8, с. 155–161; 9].

Согласно «Плану деятельности Министерства спорта Российской Федерации на 2016–2021 годы», утвержденному Министерством спорта РФ 24.05.2016 г. № 16, Министерство спорта РФ является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственную политику и нормативно-правовое регулирование в сфере физической культуры и спорта, а также по оказанию государственных услуг (включая предотвращение допинга в спорте и борьбу с ним) и управления государственным имуществом в сфере физической культуры и спорта. Министерство спорта РФ реализует документы стратегического планирования непосредственно и через свои подведомственные организации во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, орга-

нами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями. В мае 2017 г. Министерство спорта РФ приняло методические рекомендации «О развитии международного сотрудничества в области физической культуры и спорта», выступающие основой для разработки локальных нормативных правовых актов физкультурно-спортивных организаций.

Рассматривая развитие системы физической культуры и спорта Российской Федерации с учетом основных направлений международного сотрудничества, Е. Р. Яншина и К. Е. Лукичев высказали предложение о необходимости дополнения документов стратегического планирования целевым показателем, дающим четкое представление о проводимой работе в сфере международного сотрудничества, с целью имплементации российской системы физической культуры и спорта в международную среду для корректировки оценки результатов работы в этом направлении [10, с. 27–31].

В юридической литературе обсуждаются вопросы деятельности различных органов государственной власти в сфере физической культуры и спорта, в частности, К. Е. Лукичев, Э. А. Зюрин, А. С. Евсеев, Т. Р. Зембатов анализируют мероприятия, осуществляемые субъектами Российской Федерации, по совершенствованию системы физической культуры и спорта с учетом Стратегии развития отрасли и обсуждают другие актуальные проблемы государственного регулирования данной группы общественных отношений [11, с. 48–52; 12, с. 3–7]. Другой автор, Р. М. Ольховский, рассматривает актуальные вопросы взаимодействия органов государственной власти и некоммерческих общественных организаций для реализации потенциала вовлечения молодежи в спортивную деятельность [13]. З. И. Матина в своих работах исследует перспективы развития сферы студенческого спорта и физической культуры [14, с. 32–37].

Российские ученые в своих работах указывают на тот факт, что данная отрасль является наиболее динамично развивающейся в Российской Федерации, а это в свою очередь обуславливает необходимость адекватного правового регулирования отношений, возникающих в сфере физической культуры и спорта [15, с. 5–11; 16; 17, с. 7–12; 18, с. 388–390; 19, с. 122–126]. В юридической литературе неоднократно высказывалась мысль о целесообразности развития международного сотрудничества с зарубежными странами. Такое сотрудничество нацелено главным образом на сближение правовых систем, а также унификацию и гармонизацию правового регулирования в сфере физической культуры и спорта [20, с. 39–40].

В зарубежной литературе также широко обсуждаются актуальные вопросы правового регулирования спортивных отношений, в частности, рассматриваются аспекты, связанные с анализом системы управления в спорте. Авторы выделяют разные системы управления в спорте в зависимости от степени вмешательства государства в регулирование спортивных отношений. Одни государства определяют общие политико-правовые тенденции в спорте и его финансовую поддержку, а другие — осуществляют управление или опеку спортивных организаций [21, с. 116–128; 22, с. 171–183]. Важное место в зарубежных источниках отводится сравнительно-правовым исследованиям. Так, в литературе отмечается транснациональный характер правил профессионального спорта, что, однако, не влечет простого копирования международных норм на уровне страны или региона. Как отмечают авторы, страны могут иметь схожие социально-экономические системы в целом, но совершенно разные порядки правового регулирования, обусловленных своеобразием спортивных отношений [23; 24, с. 24–45].

Таким образом, в современных условиях для России важно развивать все направления международного сотрудничества, так как физическая культура и спорт на национальном и международном уровнях выступают важным инструментом обеспечения устойчивого социально-экономического развития стран, инструментом личностного развития человека, инструментом, обеспечивающим межкультурное, партнерское и дружественное развитие межгосударственного общения, и служит мощным стимулом повышения конкурентоспособности каждой страны в условиях мировой глобализации.

Библиографический список

1. Круглов В. В. Проблемы и перспективы кодификации спортивного законодательства в России // Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 165–176.
2. Соловьев А. А. Концепция проекта Спортивного кодекса Российской Федерации. Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. М., 2009.

3. Спортивный кодекс Франции. Регламентарная часть — Декреты. Книги I и II. Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. М., 2010. Вып. 5.
4. Генеральная Ассамблея ООН отметила важную роль спорта в достижении целей устойчивого развития. URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344161> (дата обращения: 30.05.2020).
5. Шевченко О. А. Перспективы и направления развития международно-правового обеспечения спортивно-трудовых отношений в области профессионального спорта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Юридические науки. 2014. № 3. URL: www.cyberleninka.ru. (дата обращения: 30.05.2020).
6. Задорина А. М. Правовое регулирование развития физической культуры и спорта в СНГ как направление укрепления безопасности // Международное сотрудничество Евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 4.
7. Пролетенкова С. Е., Беликов А. П. Проект модельного закона Содружества независимых государств «Об обеспечении безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий»: основания разработки, перспективы и предложения // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 5 (78).
8. Каменков В. С. Право о системе спорта в Беларуси, России, Казахстане // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2015. № 4.
9. Гусинец Е. В. Особенности развития отрасли «Физическая культура и спорт» в Республике Беларусь // Экономика и банки. 2019. № 1. URL: www.cyberleninka.ru. (дата обращения: 30.05.2020).
10. Яншина Е. Р., Лукичев К. Е. Развитие системы физической культуры и спорта Российской Федерации с учетом основных направлений международного сотрудничества // Вестник спортивной науки. 2017. № 6.
11. Лукичев К. Е., Зюрин Э. А., Евсеев А. С., Зембатов Т. Р. Анализ мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, по совершенствованию системы физической культуры и спорта с учетом Стратегии развития отрасли // Вестник спортивной науки. 2017. № 5.
12. Лукичев К. Е. Место статического инструментария в механизме государственного управления организациями, осуществляющими спортивную подготовку // Вестник спортивной науки. 2017. № 1.
13. Ольховский Р. М. Актуальные вопросы взаимодействия органов государственной власти и некоммерческих общественных организаций для реализации потенциала вовлечения молодежи в спортивную деятельность. URL: www.cyberleninka.ru. (дата обращения: 30.05.2020).
14. Матина З. И. Взгляд в будущее: перспективы развития сферы студенческого спорта и физической культуры // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2016. Т. 1. № 4.
15. Алексеев С. В. Спортивное право России. М., 2016.
16. Гостева С. Р. Правовое поле развития физической культуры и спорта в Российской Федерации. URL: www.cyberleninka.ru (дата обращения: 30.05.2020).
17. Алексеев С. В., Бариев М. М., Гостев Г. Р., Гостева С. Р., Саттаров Н. Г. Правовое поле физической культуры и спорта в образовательном пространстве Российской Федерации. Часть 1 // Культура физической и здоровье. 2018. № 3.
18. Иглин А. В. Юридическое понятие спорта // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 1. № 4. С. 388–391.
19. Иванов В. Д., Бардина М. Ю. Правовое регулирование физической культуры и спорта в Российской Федерации // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2019. Т. 4. № 2.
20. Иглин А. В. Актуальные проблемы европейского спортивного права // Спорт: экономика, право, управление. 2014. № 1.
21. De Dycker S. Good governance in Sport: comparative law aspects // International Sports Law Journal. 2019. № 19.
22. Di Marco A. The internal governance of sporting organizations: international convergences on an idea of democracy // International Sports Law Journal. 2019. № 19.
23. Siekmann R. C. R., Soek J. Towards a Typology of (International) Comparative Sports Law (Research) // Siekmann R., Soek J. (eds) Lex Sportiva: What is Sports Law? ASSER International Sports Law Series. T. M. C. Asser Press, 2012.
24. Van Kleef R. The legal status of disciplinary regulations in sport // International Sports Law Journal. 2014. № 14.

УДК 341.1/8
ББК 67.91

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРЕГРАД РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ШОС¹

А. Ю. Резинкин

Алтайский государственный медицинский университет

Рассматривается ряд факторов, оказывающих влияние на развитие международного научного и научно-технического сотрудничества между государствами-членами ШОС. На основе анализа выделяемых факторов описываются определенные преграды и риски, которые негативно сказываются на плодотворном взаимодействии в научно-технической области между странами ШОС и тормозят их дальнейшее поступательное развитие. Автором предлагаются отдельные мероприятия по преодолению препятствий для полноформатного международного научно-технического сотрудничества в рамках ШОС.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, международное научно-техническое сотрудничество, правовой фактор, правовое регулирование научно-технической политики, гармонизация национального законодательства, международные соглашения.

WAYS TO OVERCOME THE OBSTACLES TO THE DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION OF THE SCO MEMBER STATES

A. Y. Rezinkin

Altai State Medical University (Barnaul, Russia)

The article considers a number of factors that influence the development of international scientific, scientific and technical cooperation between the SCO member states. Based on the analysis of the factors identified, certain barriers and risks are described that negatively affect the fruitful interaction in the scientific and technical field between the SCO countries and hinder their further progressive development. The author suggests certain measures to overcome obstacles for full-fledged international scientific and technical cooperation within the framework of the SCO.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, international scientific and technical cooperation, legal factor, legal regulation of scientific and technical policy, harmonization of national legislation, international agreements.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.15](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.15)

Одним из направлений международного научно-технического сотрудничества (МНТС) выступает развитие научно-технических связей в государствах-участниках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). 13 сентября 2013 г. было подписано Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о научно-техническом сотрудничестве, в котором были определены принципы и формы сотрудничества в сфере науки и техники [1].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18–29–15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

В современной литературе некоторыми исследователями выделяется ряд факторов, которые влияют на развитие международного научного и научно-технического сотрудничества:

- политические;
- экономические;
- информационно-коммуникационные;
- языковые и культурные;
- географические;
- социально-психологические;
- образовательные факторы и некоторые другие [2, с. 191; 3, с. 24–25].

Указанные факторы в разной степени оказывают прямое или косвенное влияние на развитие МНТС в рамках ШОС: как положительное (стимулируя такое сотрудничество), так и отрицательное (препятствуя развитию сотрудничества). При этом следует отметить, что на сегодня отсутствуют исследования, посвященные комплексному анализу факторов, сдерживающих развитие международного научного и научно-технического сотрудничества между странами ШОС и путей его активизации.

В данной статье хотелось бы остановиться на некоторых важных, на наш взгляд, факторах, а именно политическом, экономическом и правовом, которые имеют свое проблемное поле и могут негативно сказываться на развитии МНТС в рамках ШОС, а также обозначить некоторые пути возможной активизации МНТС.

Одним из важных факторов в выстраивании современных МНТС между государствами-членами ШОС является **политический фактор** (*внутренний и внешний*). Говоря о его внешней стороне, необходимо указать на сложившуюся в современном мире общую *геополитическую напряженность, санкционную политику и «торговые войны»* со стороны третьих стран. Внутренним политическим фактором выступают *сохраняющиеся пограничные конфликты* между отдельными государствами-членами ШОС, а также *особенности внутренней государственной политики в странах ШОС, направленной на вовлечение предпринимателей в инновационную деятельность*.

К проблемам, обусловленным **экономическим фактором**, затрудняющим развитие научного и научно-технического сотрудничества, можно отнести *несбалансированные подходы финансирования научных исследований и технологических разработок, преимущественно государственное финансирование науки, недостаточный уровень кадрового потенциала, слабую коммерциализацию результатов научно-технической деятельности, а также невысокую динамику экспорта высокотехнологической продукции в отдельных странах*.

Развитие правового регулирования МНТС в рамках ШОС является, несомненно, достаточно актуальной задачей, поэтому выделение отдельно **правового фактора** и описание связанных с ним сложностей и проблем, препятствующих поступательному развитию МНТС, представляется нам также актуальным и необходимым.

В качестве внутренних правовых факторов нами выделяются *разное состояние правового регулирования национальной научно-технической политики и различный правовой статус организаций, в задачи которых входит развитие науки в странах-участницах ШОС*. К внешним правовым факторам можно отнести *слабо развитое договорное регулирование между странами ШОС научного и научно-технического сотрудничества*.

Наличие указанных выше разнофакторных рисков негативно сказывается на плодотворном взаимодействии в научно-технической области между странами ШОС и тормозит их дальнейшее поступательное развитие на взаимовыгодной основе.

Для хеджирования данных рисков и устранения возникающих барьеров в выстраивании научно-технических связей между странами ШОС необходимы системные *разноформатные мероприятия*. Так, сохраняющаяся геополитическая напряженность отражается и на развитии научно-технических связей между странами-участницами ШОС. Отрицательный эффект начинает приобретать санкционная политика и «торговые войны» со стороны третьих стран. Хотя в своей сущности они и имеют экономическую природу, но выступают как геополитическое средство борьбы за мировые ресурсы и глобальное влияние. Так, США, ряд европейских и других западных стран после присоединения Крыма к России ввели и продолжают вводить в одностороннем порядке все новые санкционные меры, направленные на сдерживание развития России. Также США пытаются сдерживать развитие КНР (прежде всего экономическое), вводя различные торговые пошлины на импорт товаров из Китая.

Для эффективного противодействия описанным выше политическим факторам представляется необходимым сфокусировать выстраивание МНТС в приоритетном порядке между государствами ШОС. Это взаимодействие может также поддерживаться и по другим направлениям сотрудничества (экономическое, финансовое, гуманитарное, в сфере безопасности и др.) по линии «родственных по духу» интеграционных объединений, в которые также входят некоторые страны-участницы ШОС (например, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, БРИКС и др.). Необходимо усилить координацию в сфере научного и научно-технического сотрудничества и разработать механизм консолидированного противодействия попыткам третьих стран нарушить формирующуюся научную и научно-техническую коллаборацию в ШОС.

Остающиеся открытыми вопросы территориальных конфликтов между некоторыми странами-участницами ШОС (Кыргызстан и Таджикистан, Индия и Пакистан), имеющими уже давнюю историю, вряд ли удастся решить одномоментно. Однако совместное членство в ШОС должно сподвигнуть спорящие страны к определенному мораторию на «горячие конфликты» друг с другом, а другие государства-члены ШОС, не являющиеся сторонами конфликтов, могли бы выступать определенными гарантами данного «перемирия».

Относительно вовлечения предпринимателей в инновационную деятельность государствам ШОС стоит проводить более эффективную политику, направленную на повышение инновационной активности бизнес-сообщества и участие в научно-технологических проектах как в двустороннем, так и в многостороннем формате, усиливая эффективность международных коллабораций за счет синергетического эффекта. Необходимо также расширение повестки международного сотрудничества, которое будет основываться на принципах открытой научно-технической и инновационной политики и интеграции в глобальную инновационную сеть.

Как известно, политика и экономика тесно взаимосвязаны: принятие политических решений определенным образом сказывается на текущей экономической ситуации в государстве и его дальнейшем экономическом развитии, и, напротив, при выработке и принятии политических решений следует опираться на экономический базис.

Для возможного решения указанных выше проблем развития МНТС в рамках ШОС, обусловленных экономическим фактором, представляется важным диверсифицировать кооперацию участников научно-технологических процессов и содействовать возникновению современных сетевых форм партнерств в области научно-технологического и инновационного взаимодействия в рамках ШОС. При этом одним из важных вопросов является достаточное и бесперебойное финансирование совместных проектов в области науки и техники.

Во многих странах-членах ШОС большая часть финансовых затрат покрывается за счет целевого государственного финансирования, которое, как известно, часто является недостаточным и распределяется по остаточному принципу. Поэтому необходимо, во-первых, усилить на государственном уровне финансирование научных исследований, повысив рациональное расходование бюджетных средств и контроль за этим, а во-вторых, активно использовать принцип государственно-частного партнерства. Для этого необходимо наладить более тесное взаимодействие между бизнесом, научным сообществом и государством.

Для финансирования совместных научно-исследовательских проектов по согласованным приоритетным направлениям развития научно-технических связей в рамках ШОС считаем актуальным создать специализированный фонд целевой поддержки на межгосударственном уровне, который должен наполняться за счет паритетных целевых членских взносов. Данный фонд может также оказывать финансовую поддержку развитию совместных малых и средних инновационных предприятий. А базовой институциональной формой инфраструктурной поддержки инновационного развития малого и среднего предпринимательства в странах-членах ШОС могут выступать совместные зоны новых и высоких технологий, или сетевые технопарки, которых можно экономически поддерживать путем установления для них льготного налогового режим.

При этом необходима ориентация на глобальную инновационную систему, предполагающую мониторинг мирового уровня научных исследований и разработок, импорт передовых научных знаний и технологий в национальные производственные структуры, а также экспорт конкурентоспособной высокотехнологичной национальной продукции в другие страны.

Необходимо отметить, что во всех государствах-членах ШОС вопросы управления научно-технической сферой являются прерогативой государства. Именно государство играет главную роль в науч-

но-технологическом развитии страны и является крупнейшим инвестором в данной сфере. Регулирование научно-технологической сферы является непосредственной компетенцией государственных структур. И при этом в большинстве государств это регулирование осуществляется на основе программно-целевого и проектного управления.

К этой группе стран можно отнести Россию, Китай, Казахстан, Индию. В этих странах разработана развернутая нормативная база, закладывающая основы государственной научно-технической политики, в официальных документах обозначено четкое понимание целей и задач международного сотрудничества в сфере науки и техники. Имеется ряд государственных программ, ориентированных на прорывное научно-технологическое развитие.

Если на национальном уровне в большинстве государств-членов ШОС, в общем и целом, можно отметить достаточный уровень нормативного регулирования научно-технической сферы, то на наднациональном уровне регионального объединения наблюдается неудовлетворительное состояние правового регулирования вопросов МНТС.

Изучение имеющейся на сегодня нормативной базы международно-правового регулирования показывает, что между странами, входящими в ШОС, имеется ряд двусторонних договоров разного уровня, регламентирующих данную сферу сотрудничества. Так, у Российской Федерации имеются соглашения с центральноазиатскими государствами, входившими ранее в СССР, а сегодня являющимися членами ШОС:

- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о научно-техническом сотрудничестве (Москва, 25 мая 1993 г.);
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о научно-техническом сотрудничестве (Ташкент, 27 июля 1995 г.);
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о научно-техническом сотрудничестве (Москва, 25 ноября 1996 г.);
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о научно-техническом сотрудничестве (Бишкек, 10 октября 1997 г.).

Также у Российской Федерации имеются подписанные соглашения о научно-техническом сотрудничестве с Китайской Народной Республикой (1992 г.) и Республикой Индия (1994 г.).

Необходимо отметить, что аналогичные соглашения подписаны в двустороннем формате в разное время и между другими государствами-участниками ШОС, но в отличие от России ни одно из остальных государств ШОС не имеет двусторонних соглашений с каждым государством ШОС.

При этом стоит отметить, что большинство указанных договоров были заключены до образования ШОС, а их положения имеют в большинстве случаев абстрактный и декларативный характер. Поэтому можно констатировать, что на сегодня отсутствуют полноформатные международные соглашения, закрепляющие механизм научного и научно-технического сотрудничества между государствами-членами ШОС и обеспечивающие его эффективную правовую детализацию.

Для решения этого вопроса требуется согласованная подготовка необходимых законодательных актов и регламентов осуществления МНТС в рамках ШОС, например, модельного закона «О международном научном и научно-техническом сотрудничестве». Для этого целесообразно проанализировать и обобщить опыт регламентирования данной сферы как на национальном, так и на межгосударственном уровне на примере заключенных двусторонних соглашений. При этом важен учет национальных интересов, который может быть выражен в экстраполяции национальных приоритетов, принципов и правовых норм, регулирующих область науки и техники, на наднациональный уровень регулирования данной сферы сотрудничества.

Кроме того, проведенный анализ показывает, что имеется насущная необходимость в гармонизации национального законодательства стран-членов ШОС по вопросам правового регулирования научной и научно-технической деятельности, а также в закреплении на международном уровне правовых механизмов реализации отдельных аспектов сотрудничества в научной и научно-технической сферах (например, по созданию и использованию мегасайнс). Однако это непростая задача, поскольку необходимо будет принять во внимание различный уровень развития стран ШОС и их принадлежность к разным правовым семьям, что может затруднить процесс гармонизации национального законодательства по вопросам научного и научно-технического сотрудничества.

Библиографический список

1. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве от 13 февраля 2013 г. // Собрание законодательства РФ. 22.07.2013. № 29. Ст. 3996.

2. Кандакова Г. В., Чиркова М. Б., Малицкая В. Б., Плужникова Н. В. Развитие международного научно-технического сотрудничества в аграрной сфере России: проблемы и перспективы // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2016. № 4 (51).

3. Задумкин К. А., Теребова С. В. Международное научно-техническое сотрудничество: сущность, содержание и формы // Проблемы развития территории. 2009. № 1 (47).

УДК 341.1/8

ББК 67.91

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНОМ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ»¹

А. А. Серебряков

Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Представлено обоснование и основные положения проекта федерального закона о международном научном и научно-техническом сотрудничестве. Автор отмечает отсутствие закрепления на законодательном уровне основ правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества с участием Российской Федерации. Такое положение негативно сказывается на эффективной реализации программы развития отечественной науки и глобально конкурентоспособных инновационных секторов отечественной экономики, затрудняет решение проблем, связанных глобальными вызовами современности. Предлагается проект федерального закона о международном научном и научно-техническом сотрудничестве.

Ключевые слова: международное научное сотрудничество, международное научно-техническое сотрудничество, наука, сотрудничество, Большие вызовы, правовое регулирование науки.

DRAFT FEDERAL LAW "ON INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION"

A. A. Serebryakov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article presents the rationale and main provisions of the draft federal law on international scientific, scientific and technical cooperation. The author notes the absence at the legislative level of the foundations of the legal regulation of international scientific, scientific and technical cooperation with the participation of the Russian Federation. This situation negatively affects the effective implementation of the program for the development of domestic science and globally competitive innovative sectors of the domestic economy,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-29-15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

and makes it difficult to solve problems associated with global challenges of our time. A draft federal law on international scientific, scientific and technical cooperation is proposed.

Keywords: international scientific cooperation, international technical cooperation, the science, cooperation, Big challenges, legal regulation of science.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.16](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.16)

Обоснование законопроекта. В современном мире необходимость развития международного научного и научно-технического сотрудничества обусловлена стоящими перед мировым сообществом глобальными вызовами и проблемами, решение которых силами отдельных государств либо неэффективно, либо невозможно. В Российской Федерации вопросы международного научного и научно-технического сотрудничества, как самостоятельного направления укрепления национальных интересов, вошли в повестку дня лишь недавно. Одобренная в 2019 г. Правительством Российской Федерации Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (решение Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8–952) обозначила необходимость разработки соответствующей нормативной правовой базы. При этом существующее правовое регулирование международного научного и научно-технического сотрудничества в Российской Федерации крайне фрагментарно. Так, в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ международному научному и научно-техническому сотрудничеству Российской Федерации посвящена всего одна статья, содержащая в основном бланкетные нормы и нормы декларационного характера.

Представляется, что развитие эффективной системы международного научного и научно-технического сотрудничества в условиях многочисленных законодательных лакун и при отсутствии четких основ правового регулирования данной сферы будет невозможным. Таким образом, полагаем, что в Российской Федерации должен быть принят федеральный закон «О международном научном и научно-техническом сотрудничестве», составляющий ядро нормативной правовой базы, обеспечивающей развитие международного научного и научно-технического сотрудничества с участием Российской Федерации.

Проект федерального закона «О международном научном и научно-техническом сотрудничестве».

Глава 1. Основы правового регулирования отношений в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества.

Ст. 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона.

1. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие между гражданами и юридическими лицами, являющимися участниками международного научного и научно-технического сотрудничества, иными гражданами, юридическими лицами, а также органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере развития международного научного и научно-технического сотрудничества.

2. Отношения в сфере научного и научно-технического сотрудничества с иностранными государствами регулируются соответствующими международными договорами Российской Федерации.

3. Иностранные инвестиции в область науки и техники осуществляются в порядке и в формах, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации об иностранных инвестициях.

Ст. 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе

1) научная деятельность — творческая деятельность, направленная на получение новых знаний о природе, человеке и обществе и на использование научных знаний и новых способов их применения в интересах научно-технического прогресса, экономического благосостояния, гуманитарного сотрудничества, культурного и нравственного развития, обеспечения здоровья людей, безопасности их жизнедеятельности и сохранения окружающей среды;

2) научно-техническая деятельность — творческая деятельность, направленная на получение и практическое использование новых знаний во всех отраслях техники и технологий с целью создания новых или усовершенствования существующих способов и средств осуществления конкретных производственных и технологических процессов;

3) международное научное и научно-техническое сотрудничество — комплекс совместных мероприятий, работ, отношений и форм взаимодействия сотрудничающих сторон в различных областях науки, техники и инноваций с целью получения новых знаний, развития технологий, а также создания и усовершенствования новых продуктов в результате интеллектуальной деятельности для национальных нужд или реализации на мировом рынке;

4) участники международного научного и научно-технического сотрудничества — граждане, юридические лица, в том числе иностранные, непосредственно участвующие в реализации международных научных и научно-технических программах и проектах, а также иные граждане, юридические лица, органы государственной власти и органы местного самоуправления, обеспечивающие международное научное и научно-техническое сотрудничество;

5) территория опережающего научного и научно-технического развития — интегративно-институциональная инновационная среда, включающая территориально-инфраструктурный, субъектный и регулятивный компоненты, призванные обеспечить эффективное осуществление научной и научно-технической деятельности на основе международного сотрудничества в интересах научно-технического прогресса, устойчивого развития человечества, обеспечения здоровья людей, безопасности их жизнедеятельности и сохранения окружающей среды.

Ст. 3. Правовая основа международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. Правовую основу международного научного и научно-технического сотрудничества составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, издаваемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации (указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, иные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты.

2. Особенности правового статуса отдельных видов участников международного научного и научно-технического сотрудничества могут устанавливаться международным договором, федеральными законами и издаваемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Ст. 4. Цели и задачи международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. Международное научное и научно-техническое сотрудничество осуществляется в целях развития отечественной науки и глобально конкурентоспособных инновационных секторов экономики; решения проблем, связанных с угрозами и возможностями, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов; обеспечения международного лидерства, в том числе за счет повышения вклада Российской Федерации в определение глобальной научно-технологической повестки и ее реализации.

2. Задачи международного научного и научно-технического сотрудничества состоят в развитии системы подготовки отечественных и привлечения лучших мировых кадров, развития компетенций в сфере научных исследований, разработок и инноваций; формировании комфортной среды для научных исследований, разработок и инноваций; развитию современной исследовательской и технологической (в том числе цифровой) инфраструктуры; обеспечении эффективного трансфера и коммерциализации результатов научно-технической деятельности в российской и глобальной экономике; формировании международных режимов и стандартов, институтов и процессов, обеспечивающих эффективную реализацию международного научного и научно-технического сотрудничества.

Глава 2. Принципы правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества.

Ст. 5. Открытость международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. В сфере международного научного и научно-технического сотрудничества должны обеспечиваться свобода научной и технологической коммуникации; свободный, равный и недискриминационный доступ к научной информации, результатам исследований, научной инфраструктуре, компетенциям, а также отдельным технологическим разработкам, имеющим значение для решения гуманитарных и иных общечеловеческих задач.

2. Участие в программах и проектах развития межгосударственного обмена научно-технической информацией носит добровольный характер.

3. Доступ к научной и научно-технической информации, накопленной в результате международного научного и научно-технического сотрудничества, предоставляется на взаимовыгодных и паритетных началах.

Ст. 6. Деполитизированность международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. На сферу международного научного и научно-технического сотрудничества не должны распространяться существующие или потенциальные политические ограничения, в частности, при проведении научных исследований и разработок, направленных на расширение знаний человечества и поиск ответов на глобальные угрозы, решение гуманитарных и иных общечеловеческих задач.

2. Вмешательство в реализацию международного научного и научно-технического сотрудничества по политическим или идеологическим причинам не допускается.

Ст. 7. Взаимовыгодность международного научного и научно-технического сотрудничества.

При осуществлении международного научного и научно-технического сотрудничества обеспечивается соблюдение баланса интересов и участия сторон международного научного и научно-технического сотрудничества.

Ст. 8. Ответственность в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества.

Международное научное и научно-техническое сотрудничество осуществляется в полном соответствии с нормами международного права и общепризнанных экологических, гуманистических и этических принципов, а также с уважением к культуре и самобытности партнеров по международному научному и научно-техническому сотрудничеству.

Глава 3. Формы международного научного и научно-технического сотрудничества.

Ст. 9. Основные требования, предъявляемые формам международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. Содержание и формы международного научного и научно-технического сотрудничества определяются географией международного научного и научно-технического сотрудничества, интересами партнеров, уровнем их научно-технологического развития и инновационного потенциала, ресурсов и конкурентных преимуществ, степенью комплементарности и симметричности интересов, научно-технологического потенциала отдельных стран и иных факторов.

2. При реализации международного научного и научно-технического сотрудничества учитываются международные обязательства Российской Федерации, связанные с участием в международных организациях и объединениях, а также национальные интересы — в том числе в сфере приграничного и регионального развития Российской Федерации и ее субъектов.

Ст. 10. Основные направления международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. Взаимодействие с международными организациями и иными институтами глобального управления, в том числе формулирование и продвижение новой, глобальной научно-технической повестки, связанной с достижением целей устойчивого развития.

2. Взаимодействие с государствами-членами экономических и политических интеграционных объединений, в том числе с другими международными структурами и торгово-экономическими форматами с целью гармонизации норм, правил и координации научно-технических мероприятий и реализации глобальной научно-технической повестки, а также инициирования и реализации международных научно-технических программ и проектов с участием Российской Федерации.

3. Двустороннее взаимодействие с иностранными государствами при реализации программ и проектов международного научного и научно-технического сотрудничества по задачам, имеющим приоритетное значение для сторон с точки зрения научно-технологического, социально-экономического, экологического развития, включая формирование международных технологических альянсов, консорциумов и стратегических партнерств.

4. Развитие национальных научных школ и системы образования с участием зарубежных партнеров.

5. Развитие международной научно-технологической инфраструктуры с акцентом на локализации ее объектов на территории Российской Федерации.

6. Формирование каналов коммерчески значимого трансфера отечественных результатов интеллектуальной деятельности на глобальные рынки.

7. Интенсификация личных, научных и информационных обменов между организациями и коллективами, выполняющими научные исследования и разработки.

Ст. 11. Основные формы международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. Основными формами международного научного сотрудничества являются: организация научных исследований; разработка и реализация совместных научных программ и проектов; организация и участие в научных конференциях, семинарах и других научных мероприятиях; обмен научно-технической информацией; обмен экспертами и учеными.

Международным договором или законом могут быть предусмотрены иные формы международного научного сотрудничества.

2. Основными формами международного научно-технического сотрудничества являются: организация и проведение научно-технических исследований; разработка и внедрение инновационных технологий в различных областях науки; обмен научно-технической информацией; совместное развитие инновационной научно-технической и технологической инфраструктуры; создание совместных предприятий с целью коммерциализации научно-технических разработок и достижений.

Международным договором или законом могут быть предусмотрены иные формы международного научно-технического сотрудничества.

Глава 4. Информационное обеспечение международного научного и научно-технического сотрудничества.

Ст. 12. Общие принципы информационного обеспечения международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. Международный обмен научно-технической информацией служит созданию общего информационного пространства и осуществляется на добровольных началах.

2. При обмене научной и научно-технической информацией должны обеспечиваться свободный доступ к источникам научной и научно-технической информации; совместное и взаимовыгодное использование накопленной научной и научно-технической информации; полное формирование и эффективное использование ресурсов научной и научно-технической информации.

3. Участие в программах и проектах развития межгосударственного обмена научно-технической информацией является добровольным.

Ст. 13. Основные направления международного обмена научно-технической информацией.

Основными направлениями международного обмена научно-технической информацией являются:

формирование информационных ресурсов совместного пользования, содержащих сведения о научно-исследовательской, проектно-конструкторской, производственной деятельности участников международного научного и научно-технического сотрудничества;

совместное формирование и использование информационного ресурса, отражающего мировой поток научно-технической информации;

осуществление совместных научно-технических программ, проектов межгосударственного сотрудничества в области научно-технической информации, включая подготовку и переподготовку кадров;

информационная поддержка международного научно-технического сотрудничества.

Ст. 14. Информационные ресурсы совместного пользования

Уполномоченные органы государственной власти Российской Федерации определяют перечень, содержание и условия доступа к информационным ресурсам совместного использования.

Глава 5. Финансовое обеспечение международного научного и научно-технического сотрудничества.

Ст. 15. Принципы финансового обеспечения международного научного и научно-технического сотрудничества.

1. Финансирование международного научного и научно-технического сотрудничества осуществляется на основе принципа совместного несения расходов на реализацию проектов и мероприятий международного научного и научно-технического сотрудничества.

2. Гражданам и юридическим лицам, вкладывающим финансовые средства в международные научные и научно-технические проекты, предоставляется первоочередное право на получение прибыли от реализации соответствующего проекта.

3. Средства, предоставленные для финансирования международного научного и научно-технического сотрудничества, могут использоваться исключительно по целевому назначению.

4. Предоставление вкладов на финансирование научного и научно-технического сотрудничества с оговорками или ограничениями в отношении их использования не допускается.

5. Финансирование международного научного и научно-технического сотрудничества и финансирование организационных нужд участников международного научного и научно-технического сотрудничества осуществляются раздельно.

Глава 6. Территории развития международной научной и научно-технической деятельности.

Ст. 16. Виды территорий развития международной научной и научно-технической деятельности.

1. С целью развития международного научного и научно-технического сотрудничества на территории Российской Федерации могут выделяться территории для развития и реализации на взаимных началах научных и научно-технических проектов, создания инновационных предприятий, в том числе с привлечением иностранного капитала, целью которых является апробация и внедрение результатов научной и научно-технической деятельности.

2. К территориям развития международной научной и научно-технической деятельности относятся:

- технологические парки и их разновидности (включая промышленные парки и парки высоких технологий);
- инновационные кластеры;
- территория опережающего научного и научно-технического развития.

3. Особенности правового режима территорий развития международной научной и научно-технической деятельности определяются законом.

Ст. 17. Государственная поддержка территорий развития международной научной и научно-технической деятельности определяются законом.

1. Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, муниципальные органы оказывают организационное и информационное содействие лицам, участвующим в реализации проектов и программ территорий развития международной научной и научно-технической деятельности.

2. В отношении физических и юридических лиц, являющихся резидентами территорий развития международной научной и научно-технической деятельности, могут применяться меры стимулирования, в частности, предоставление налоговых и таможенных преференций; применение льготных ставок арендной платы, предоставление объектов инфраструктуры территорий развития международной научной и научно-технической деятельности в безвозмездное пользование.

3. Требования к резидентам и инфраструктуре территорий развития международной научной и научно-технической деятельности определяются законом.

Глава 7. Заключительные положения.

Ст. 18. Вступление в силу настоящего федерального закона.

Настоящий Федеральный закон вступает в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня его официального опубликования.

АВТОРЫ

Аксенова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: Aksenova-galina@inbox.ru

Аничкин Евгений Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: rrd231@rambler.ru

Бакишев Кайрат Алиханович, доктор юридических наук, профессор, руководитель лаборатории НИИ Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан, Караганда). E-mail: bakishev@yahoo.com

Буянов Алексей Владимирович, магистрант кафедры гражданского права Юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: buyanov_alexsey@mail.ru

Васильев Антон Александрович, доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Гвоздева Анастасия Александровна, соискатель кафедры конституционного и международного права Юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: e-mail: zizil@rambler.ru

Дудко Нина Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dudkona@yandex.ru

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, доктор юридических наук, декан юридического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Коваленко Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: ekov_@mail.ru

Коваленко Константин Олегович, помощник судьи Алтайского краевого суда (Барнаул, Россия). E-mail: kovalenko.kosten@mail.ru, 89619966540

Матаева Майгуль, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и коммерциализации новых технологий Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета (Семей, Республика Казахстан). E-mail: maigulm@mail.ru

Митюков Михаил Алексеевич, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (Москва, Россия). E-mail: Lab.kkmp@msal.ru

Мухопад Виктория Владимировна, магистрант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: viktoriyamuhopad@mail.ru

Остапович Игорь Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Печатнова Юлия Вадимовна, магистрант Юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: jp_0707@mail.ru

Поволотцкий Андрей Юрьевич, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: djskuter@mail.ru

Пронина Наталья Александровна, LL.M (UK), аспирант, старший преподаватель кафедры гражданского права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: tashapronina@gmail.com

Прусс Анастасия Руслановна, помощник судьи Алтайского краевого суда (Барнаул, Россия). E-mail: a.pruss027@gmail.com

Резинкин Алексей Юрьевич, кандидат филологических наук, исполняющий обязанности проректора по международной деятельности Алтайского государственного медицинского университета (Барнаул, Россия). E-mail: aleksei-rezinkin@yandex.ru

Серебряков Андрей Александрович, старший преподаватель кафедры гражданского права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: goodwrong@gmail

Соколов Александр Сергеевич, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: Sokolov120289@mail.ru

Стоилов Янаки, доктор права, профессор Софийского университета им. Св. Кл. Охридского (София, Республика Болгария); приглашенный профессор и проректор по правовым вопросам и антикоррупционной политике Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета (Семей, Республика Казахстан). E-mail: ybsvt@abv.bg

Шавандина Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: shao07@rambler.ru

Шпопер Дариуш, доктор юридических наук, Поморская академия (Слупск, Польша)

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Аксенова Г. Н.</i> Характер соотношения правового нигилизма и правового идеализма.....	3
<i>Васильев А. А., Мухомад В. В.</i> Образ элиты в консервативно-правовой идеологии Юрия Крижанича	9
<i>Васильев А. А., Печатнова Ю. В.</i> Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы	14
<i>Гвоздева А. А.</i> Роль актов стратегического планирования в системе конституционно-правового регулирования	19
<i>Дудко Н. А., Прусс А. Р.</i> Правовое регулирование суда с участием присяжных заседателей как компонента устойчивого развития России	24
<i>Коваленко К. О.</i> Проблемы определения соответствия мер защиты характеру и опасности посягательства при необходимой обороне.....	30
<i>Митюков М. А., Остапович И. Ю.</i> Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета конституционного надзора СССР (1988–1991)	35
<i>Пронина Н. А., Буянов А. В.</i> Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав	64

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ

<i>Бакишев К. А.</i> Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О практике применения судами уголовного законодательства по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» от 29 июня 2011 года и уголовный закон.....	69
<i>Соколов А. С., Поволотцкий А. Ю.</i> Кибертерроризм в России и странах Центральной Азии	75
<i>Стоилов Я., Матаева М.</i> Изменение конституций Республики Болгария и Республики Казахстан: нормативные требования и проблемы (сравнительные аспекты)	80

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ»)

<i>Аничкин Е. С.</i> Препятствия к развитию научного и научно-технического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества.....	89
---	----

<i>Васильев А. А., Шпопер Д., Ибрагимов Ж. И.</i> Пути активизации международного научного и научно-технического сотрудничества стран ШОС посредством совершенствования правовых и институциональных основ	92
<i>Коваленко Е. Ю., Шавандина О. А.</i> Правовое регулирование международного сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами в области физической культуры и спорта	96
<i>Резинкин А. Ю.</i> Пути преодоления преград развитию международного научно-технического сотрудничества государств-членов ШОС.....	103
<i>Серебряков А. А.</i> Проект федерального закона «О международном научном и научно-техническом сотрудничестве»	107
Авторы	113

ГАРАНТ LegalTech. Автоматизация правовых задач

В последние годы термин LegalTech (лигал тек) набирает популярность среди российских юристов. Им обозначают информационные технологии, которые направлены на автоматизацию юридической работы. Многие профессионалы заинтересованы в сервисах, направленных на облегчение работы, избавление от рутины и повышение производительности. Уже сегодня такие сервисы внедряются в передовых компаниях, хотя некоторые эксперты считают, что расцвет этих технологий ожидает нас в не очень далеком будущем — в течение ближайших 5–7 лет.

Компания «Гарант» начала разрабатывать LegalTech решения еще до того, как этот термин стал общеупотребительным. Во времена, когда каждому юристу приходилось подолгу искать необходимый закон в печатном виде, а актуальность текста всегда была под вопросом, появление справочных правовых систем стало настоящим технологическим прорывом в правовой деятельности. Оно было с энтузиазмом встречено профессиональным сообществом. Еще одной важной вехой стало создание в 2008 г. целого комплекса взаимосвязанных услуг, получившего название «Информационно-правовое обеспечение ГАРАНТ». Пользователи быстро оценили удобство работы с одной надежной компанией вместо нескольких разрозненных поставщиков. Благодаря регулярному добавлению новых сервисов в комплекс информационно-правового обеспечения было выстроено то, что сейчас назвали бы экосистемой.

Сегодня «Гарант» делает следующий шаг и объявляет о выходе принципиально новой линейки продуктов ГАРАНТ-LegalTech. Решение задачи посредством инструментов LegalTech — автоматизация рутинных операций, поиск необходимой информации, дистанционная правовая поддержка, оценка судебных рисков, помощь в составлении правовых документов и т. д. — становится теперь доступно не только крупным компаниям, но и каждой российской организации.

В начале XX в. автомобиль был доступен лишь избранным, но внедрение конвейерного производства дало возможность получить его каждому, у кого была в этом потребность. Сегодня компания «Гарант» делает приобретение сервисов, автоматизирующих рабочие процессы пользователей, легким и бюджетным. Каждому клиенту внедрение этих высокотехнологичных инструментов поможет не просто повысить эффективность рабочих процессов, но и открыть для себя новые, недоступные ранее возможности. В ГАРАНТ-LegalTech вошли как уже знакомые профессионалам продукты, например аналитическая система «Сутяжник», так и новые решения, разработанные специально для облегчения рабочих процессов пользователей. Эти сервисы направлены на разнообразные рабочие процессы, поэтому каждый профессионал обязательно найдет для себя интересные ему инструменты. Решения тесно взаимосвязаны, поэтому обеспечиваются широкие возможности для их комплексной интеграции в бизнес-процессы компаний.

ГАРАНТ-LegalTech выполнен в облачных технологиях. Это позволяет клиентам быть независимыми в выборе места и времени пользования сервисами. Облачные решения пользуются большой популярностью на рынке, так как не просто повышают мобильность и доступность, но и снижают издержки на инфраструктуру. Работа сервисов доступна через Интернет даже при работе за границей. Такая свобода особенно важна с учетом современных тенденций, направленных на создание цифрового рабочего места. Вошедшие в новую линейку сервисы собраны в специальном меню интернет-версии системы ГАРАНТ. Переход к ним реализован «бесшовно», т. е. ввод каких-либо дополнительных логинов и паролей не потребуется.

Создание ГАРАНТ-LegalTech — только первый шаг в разработке новой экосистемы сервисов. Мы будем двигаться вперед, совершенствуя уже включенные сервисы через добавление новых функций и более глубокую интеграцию и разрабатывая новые решения. Подключайтесь к новым технологиям уже сегодня!

Научное издание

РОССИЙСКО-АЗИАТСКИЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2020 • № 2

Редактор С. И. Тесленко
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Подписано к использованию 30.06.2020.
Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 14,0.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66